

e-ISSN: 2658-5650

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2
2019

МОСКВА
2019

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации
по общественным наукам РАН»

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – д-р филол. наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – д-р филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – д-р филол. наук (Омск, Россия); *Н.Н. Германова* –
д-р филол. наук (Москва, Россия); *А.В. Кирилина* – д-р филол. наук
(Москва, Россия); *Е.Ф. Косиченко* – д-р филол. наук (Москва,
Россия); *В.В. Красных* – д-р филол. наук (Москва, Россия);
Е.В. Лукашевич – д-р филол. наук (Барнаул, Россия);
Е.Ю. Мягкова – д-р филол. наук (Тверь, Россия); *А.Г. Сонин* –
д-р филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

Е.Н. Гуц – д-р филол. наук (Омск, Россия); *А.В. Кинцель* – канд.
филол. наук (Барнаул, Россия); *Дж. Кич-Дргас* (Познань, Польша);
Н.Ф. Крюкова – д-р филол. наук (Тверь, Россия); *А.Б. Михалёв* – д-р
филол. наук (Пятигорск, Россия); *В.А. Попова* – д-р филологии
(Шумен, Болгария); *Д.Д. Попов* – д-р филологии (Шумен,
Болгария); *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук (Москва, Россия);
Д.Д. Трегубова – канд. истор. наук (Москва, Россия);
С.А. Чугунова – д-р филол. наук (Брянск, Россия); *Э.Б. Яковлева* –
д-р филол. наук (Москва, Россия); *К. Янь* – канд. филол. наук
(Гуанчжоу, Китай)

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – канд. филол. наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 2
2019**

MOSCOW
2019

Founder:

Federal State Budgetary Institution of Science

«Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences»

Editor-in-chief:

Vera Pischalnikova – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – DSn in Philology (Omsk, Russia); *Nataliya Germanova* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Alla Kirilina* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Elena Kosichenko* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Viktoriya Krasnykh* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Elena Lukashevich* – DSn in Philology (Barbaul, Russia); *Elena Myagkova* – DSn in Philology (Tver, Russia); *Alexandr Sonin* – DSn in Philology (Moscow, Russia)

Advisory board:

Elena Guts – DSn in Philology (Omsk, Russia); *Alyona Kintsel* – PhD in Philology (Barbaul, Russia); *Joanna Kic-Drgas* (Poznan, Poland); *Natalia Kryukova* – DSn in Philology (Tver, Russia); *Andrey Mikhalev* – DSn in Philology (Pyatigorsk, Russia); *Velka Popova* – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria); *Dimitar Popov* – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria); *Natalia Troshina* – PhD in Philology (Moscow, Russia); *Dinara Tregubova* – PhD in History (Moscow, Russia); *Svetlana Chugunova* – DSn in Philology (Bryansk, Russia); *Emma Yakovleva* – DSn in Philology (Moscow, Russia); *Kai Yan* – PhD in Philology (Guangzhou, China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Ионова С.В.</i> Вынужденная синтагматика информативных единиц и их восприятие	9
<i>Бокале П.</i> Дейксис, эпистемическая модальность и ирреальность в русском языке	24
<i>Стародубова О.Ю.</i> Интертекстуальность и национальная безопасность в медийном дискурсе	38

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Залипаева Ж.П.</i> Стратегии идентификации темпоральных идиом в индивидуальном лексиконе билингва	51
<i>Афанасик Д.А.</i> Компаративный анализ структурных особенностей и динамики концептов «брак / marriage»	66

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Шаховский В.И.</i> Экологическая многоликость коммуникативных сред человека	79
<i>Бубнова И.А.</i> Прецедентное имя: Символ славного прошлого и расколотого настоящего	102
<i>Масленникова Е.М.</i> Лакуны культурного пространства и визуализация реалий: Личностные смыслы интерпретатора	114
<i>Дрога М.А.</i> Трансформация цитат в газетном тексте (На материале заголовков)	131

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>Гуц Е.Н., Худякова Н.О.</i> Обусловленность выбора методик психолингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов	149
<i>Бутакова Л.О.</i> Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы	160
<i>Чугунова С.А.</i> Взаимодействие языков в условиях учебного билингвизма (По результатам свободного ассоциативного эксперимента)	175
<i>Фролова О.В., Ляксо Е.Е.</i> Коммуникативные навыки пяти-семилетних детей с нарушениями развития и умственной отсталостью	190

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

<i>Хрисонопуло Е.Ю.</i> Актуализация концептуальных архетипов и когнитивных структур как фактор выбора бытийного предложения в политическом дискурсе (На материале инаугурационных выступлений американских президентов)	207
<i>Корнеева Е.А.</i> Стратегии самопрезентации в жанре политических дебатов (На примере выступлений Терезы Мэй и Джереми Корбина)	219

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED ISSUES OF ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

<i>Ionova S.V.</i> Obliged Syntagmatic of Informative Pieces and their Perception	9
<i>Bocale P.</i> Deixis, Epistemic Modality and Irrealis in the Russian Language	24
<i>Starodubova O.Yu.</i> Intertextuality and National Security in Media Discourse	38

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS AND CROSSCULTURAL COMMUNICATION

<i>Zalipaeva Z.P.</i> Strategies of Temporal Idiomatic Expressions Identification in a Bilingual's Individual Vocabulary	51
<i>Afanasik D.A.</i> Comparative Analysis of the Structural Features and Dynamics of Concepts «Brak / Marriage»	66

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS AND LINGUACULTUROLOGY: RELATED ISSUES

<i>Shakhovsky V.I.</i> Ecological Diversity of Human Communicative Environments	79
<i>Bubnova I.A.</i> Allusive Name: A Symbol of the Glorious Past and Split Present	102
<i>Maslennikova E.M.</i> Lacunas of Cultural Space and Visualization of Realities: Interpreter's Personal Meanings	114
<i>Droga M.A.</i> Transformation of Quotes in Newspaper Text (On the Material of Headlines)	131

EXPERIMENTAL ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

<i>Goots Ye.N., Khudyakova N.O.</i> Choice of Psycholinguistic Experiment Methods Depending on Age Characteristics of Recipients	149
<i>Butakova L.O.</i> Self-presentation of the Elderly in the Mode of Socio-Communicative and Semantic Characteristics of a Certain Age Group	160
<i>Chugunova S.A.</i> Language-to-Language Relationship in Classroom Bilingualism Environment (On the Basis of Free Association Test Findings)	175
<i>Frolova O.V., Lyakso E.E.</i> Communicative Skills of 5–7-year-old Children with Developmental Disorders and Intellectual Disabilities	190

ETHNOPSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

<i>Khrisonopulo E.Yu.</i> The Evocation of Conceptual Archetypes and Cognitive Structures as a Factor for Choosing Existential Sentences in Political Discourse: The Case of Inaugural Speeches of American Presidents	207
<i>Korneeva E.A.</i> Strategies of Self-presentation in the Genre of Political Debate (On the Basis of Theresa May and Jeremy Corbyn's Parliament Speeches)	219

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

УДК: 81'23

DOI: 10.31249/epI/2019.02.01

Ионова С.В.
**ВЫНУЖДЕННАЯ СИНТАГМАТИКА
ИНФОРМАТИВНЫХ ЕДИНИЦ
И ИХ ВОСПРИЯТИЕ¹**

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, Москва, sionova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается синтагматика текстов, основанных на произвольных и случайных связях, – вынужденная синтагматика. Демонстрируется значимость правильной организации произведений в текстовых пространствах. Выдвигается предположение о значительном влиянии на восприятие текстовой информации способов интернет-коммуникации и изменения техник чтения текстов. В результате этих процессов начинает вырабатываться новая грамматика восприятия смежных текстов. Данная проблема актуальна в связи с расширением текстового пространства современного человека и необходимостью эффективно обрабатывать массивы информации, представленной в разных формах.

Ключевые слова: текст; синтагматика; сверхтекст; текстовое пространство; восприятие; информация.

Поступила: 16.07.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Ионова С.В., 2019

Ionova S.V.
Obliged Syntagmatic of Informative Pieces
and their Perception

*Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow, sionova@mail.ru*

Abstract. The article discusses syntagmatics of texts based on arbitrary and random links – necessary syntagmas. The importance of correct organization of text spaces is demonstrated. It is suggested that the methods of Internet-mediated communication and changes in the techniques of reading texts have a significant impact on the perception of textual information. As a result of these processes, a new grammar of perception of adjacent texts is being developed. This issue is relevant in the context of the expansion of modern text space and the need for effective processing of arrays of information presented in various forms.

Keywords: text; syntagmatics; intertext; text space; perception; information.

Received: 16.07.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Расположенные рядом текстовые полосы газет, билборды городской рекламы, контекстная реклама на полях интернет-страниц, многочисленные вывески на магазинах и организациях, объявления, агитационные листки на стенде информации, записи в социальных сетях и посты в Интернете – все эти образцы речевых произведений создают текстовую среду современной жизни. В ней уживаются самостоятельные тексты, которые в силу случайного или преднамеренного соседства нередко образуют прагматически обусловленные синтагматические связи, определяющие появление нового смыслового пространства, воспринимаемого в качестве не столько «синтезированного» и «синэстетичного», сколько «синтетического», «искусственного» [Костомаров, 2008, с. 48]. Непроизвольный характер смысловой интеграции при образовании таких синтагматических связей в текстовом пространстве мы обозначаем понятием «вынужденная синтагматика».

Методологические основания исследования

Способность человека воспринимать сложно устроенные, синтезированные текстовые образования не является новым объектом научного исследования. Аспекты этой проблемы традиционно изучаются в психолингвистике, текстолингвистике, текстологии, когнитивистике, а также получают своеобразное развитие в искусствоведении, киноведении, теории рекламы и других прикладных и смежных областях знания.

Само определение фундаментальных текстовых категорий цельности и завершенности потребовало обращения ученых к проблеме понимания границ текста как реализации авторской интенции [Леонтьев, 1976; Гальперин, 1981]. В контексте текстологического анализа, основанного на исследовании авторских вариантов произведения, под законченным текстом предлагалось понимать не окончательный, последний, выработанный в результате творческого процесса вариант, а текст, который может быть связно прочтен, грамматически и логически осмысленный текст [Лихачев, 1964].

Существенные корректизы в понимание категорий цельности и завершенности внесла лингвистическая теория диалогичности М.М. Бахтина, ориентирующая исследователей на понимание текста как принципиально незавершенного образования, ответа на ранее существовавшие тексты и начала для порождения последующих [Бахтин, 1996; Деррида, 1999]. В контексте такого подхода утверждается, что значение нового в тексте генерируется посредством диалога (в понимании М.М. Бахтина) или деконструкции (в понимании Ж. Деррида) и осуществляется коммуникантами в потенциально бесконечной сфере вербальных столкновений, в результате чего имеет место «прогрессирующий смысловой эффект». Завершенность при этом предлагается рассматривать не как абсолютное свойство речевого произведения, а лишь в отношении к замыслу его автора [Бахтин, 1996].

Изменившаяся текстовая реальность, постмодернистский подход к осмыслению природы основополагающих принципов текстообразования определили актуализацию и распространение клиповых форм представления информации и новых способов ее обработки. Необходимость упрощения передаваемого содержания в целях оперативного, оптимального его использования нередко требует «редуцирования» сложного к простому, использования «усеченных», «ограниченных» моделей [Ахлибинский, 1969, с. 184], которые, как

представляется, должны соответствовать клиповому сознанию современного человека. *Клиповый*, от слова *clip* (*clip, clipping*), характеризует фрагментарность подачи информации (газетно-журнальная вырезка, отрывок из фильма или радиопередачи), используемой в различных целях: от научно-исследовательских и пропагандистских до рекламно-торговых [Землянова, 1999, с. 80]. Компрессия текста, понимаемая в качестве промежуточного этапа текстообразования (А.А. Леонтьев, А.П. Мурzin, А.С. Штерн, А.Н. Новиков), в клиповом сознании приобретает статус его итога, а свернутые формы содержания соответствуют полноправным речевым произведениям.

Оперирование всё более многообразными текстовыми формами определяет необходимость активизировать процессы их атрибуции, характеризации, восприятия и переработки.

Наиболее точно эти процессы представляются в терминах синергетики и синергетических процессов смыслообразования, включающих всё многообразие динамических, нелинейно развертывающихся смысловых связей [Герман, Пищальникова, 1999; Москальчук, 2003]. При таком подходе смысловые образования должны пониматься не как набор образуемых устойчивых и очевидных смыслов, предопределенных авторской интенцией. Они выступают в качестве множества возможных реализаций, не поддающихся точному исчислению возможных вариантов. Такие свойства систем принято интерпретировать в применяемых в информационных системах терминах «случайное поле» и «случайная функция» [Глушков, Амосов, Артеменко, 1974, с. 376].

О возможности переосмысления и приращения смыслов при оперировании текстовыми вариантами писал в своих трудах Д.С. Лихачев, проводя параллель между реконструкцией исторических вариантов текстов и реконструкциями в зодчестве: «Это новые сооружения, возведенные на основании изучения остатков и различных свидетельств. Это не документы, а произведения творческого воображения исследователей» [Лихачев, 1964, с. 48–49]. При этом ученый указывает: «Реконструкция – задача творческая. Она требует воображения, строго подчиненного всем извлеченным из подлинных текстов данным об истории текста произведения и косвенным свидетельствам» [там же].

При изучении когнитивной специфики современного текстового пространства особое место занимает подход, опирающийся на поликодовый способ представления информации. Именно поликодовость позволяет текстуализировать и означивать любые сущности, выделяемые волей автора в качестве объектов вербали-

зации: невербализованные ситуации и образы (см. город как текст, где «код предшествовал тексту» [Лотман, 1984, с. 30], динамические картины, данные в «скопическом режиме» [Метц, 2010, с. 93], содержание, объективированное различными национальными, социальными, стилевыми кодами и поликодовыми формами [Со-нин, 2005]). Обоснование текстуальной природы таких форм снимает все границы на пути к соединению в едином смысловом пространстве произведений разной знаковой природы, их означивания и неоднократного переозначивания.

Существенным вкладом в теорию восприятия текста стала разработка в лингвистике понятия сверхтекста, под которым принято понимать «совокупность высказываний, текстов, ограниченную темпорально и локально, объединенную содержательно и ситуативно, характеризующуюся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального / аномального» [Купина, Битенская, 1994, с. 214–233]. Принципиальным свойством «сильного сверхтекста» является осмысление автором интегрированного текстового образования как единого целого, с единой синтагматикой и сверхсуммативными свойствами содержания [Лошаков, 2008]. Направление смысловой связи между текстами задается автором и обеспечивается им использованием специальных средств выражения. Подобный процесс предъявления смысла контролю сознания, имеющий в лингвистике обозначение «актуализация», понимается как «интенциально обусловленное мыследействование, рефлексия, направленная на обнаружение фрагментов цельностей, усмотрение их общности и установление связи между ними» [Колодина, 2001]. Хотя сверхтекст открыт для интерпретаций, он тем не менее включается автором в заданные условия восприятия на основе направленной смысловой аттракции автономных текстов: *тексты о Петербурге; поэзия о любви; избранные произведения А.С. Пушкина; сборник научных статей по теме и др.*

Методика исследования

Предлагаемые нами для рассмотрения текстовые объекты, образованные на основе случайных синтагматических связей, имеют черты «слабого» сверхтекста, которые не всегда присущи «сильным сверхтекстам» как интегрированным образованиям в классическом их понимании:

- обязательная пространственная смежность;
- произвольное определение границ;
- субъективность связей;
- временный характер связей;
- важность активного сознания адресата;
- смена авторства.

Данные свойства отражают тенденцию в текстообразовании и восприятии речевых произведений, которая, по нашему мнению, в определенной степени стимулируется электронной коммуникацией и состоит в изменении характера когнитивной обработки текстов, ее переносе из медиа- и интернет-пространства в иную читательскую среду.

Методика данного исследования основывается на современных лингвистических концепциях восприятия. Ученые отмечают произошедшие к настоящему моменту трансформации в модели классических СМИ, их переход к новым медиапарадигмам: *пользователь – часть коммуникационного процесса, контент – личность медиа, мультимедиа – новый универсальный язык, здесь и сейчас – единственное доступное время, гипертекст – новая грамматика, знания – новая информация* [Павленко], – отвечающим новым формам освоения информации. Необходимость освоения ее в большом количестве при дефиците времени обуславливает изменения в способах восприятия текстов и читательских техниках.

Многими учеными, изучающими интернет-коммуникацию, отмечается повышение веса поверхностного восприятия и быстрого чтения пользователями Интернета дисплейных текстов. Навыки читательского «серфинга» (восприятия дисплейных текстов путем поверхностного сканирования страниц, быстрых переходов между вербальными и визуальными объектами, приблизительного распознавания границ текстов) экспертами из сферы образования рассматриваются как необходимое качество людей цифровой эпохи [Orihuela, 2017; Фримен, 2015], а умение воспринимать контент через ссылки признается способностью существовать в гипертекстовой среде, которой обладают практически все пользователи Интернета [Carr, 2010; Moyers, 2017].

Современные исследования ученых позволяют говорить о существовании нескольких шаблонов восприятия, которые успешно реализуются в условиях накопления и концентрации информации в ограниченном пространстве дисплейных текстов. Наиболее известным считается так называемый *«F-образный шаблон»* – пат-

терн поведения людей при восприятии содержания веб-страницы: в F-шаблоне взгляд человека скользит по левой части области контента, но не левой части всей страницы, если, к примеру, левый столбец занят навигационной панелью [Нильсен, Будиу, 2013]. Другими шаблонами являются: паттерн восприятия текста и текстовых страниц только по заголовкам и подзаголовкам, без чтения содержания основного текста (Layer-cake pattern – «слоеный пирог»); просмотровое чтение с пропусками значительных фрагментов текста и акцентированием внимания на ссылках, цифрах, адресах, подписях, конкретных словах, в том числе отличительной формы (Spotted pattern – « пятнистый шаблон»); шаблон «нанесения разметки» (Marking pattern) связан с фиксацией взгляда в одной области страницы при ее одновременном перемещении, прокручивании, перелистывании (на дисплеях – скроллинге, свайпе); шаблон «игнорирования» (Bypassing pattern) предполагает намеренный пропуск повторяющихся первых слов в списках; паттерн «соблюдение обязательств» (Commitment pattern) состоит в просматривании всех элементов страницы, реже – прочитывании их [Moyers, 2017; Eysenbach, Köhler, 2002].

Цифровые (мульти)медиа вырабатывают новый язык и особыю гипертекстовую грамматику, при которой контент становится фрагментированным на небольшие единицы (узлы) с множественными связями между ними, и мир, в реальности не разбитый на отдельные части или главы, воспринимается таковым благодаря текстуализированному пространству нашей жизни [Сагг, 2010]. Готовность сканировать информацию, оперировать ею свернутыми формами позволяют современному человеку применять имеющиеся у него навыки работы с дисплейными текстами к информационному пространству нашей жизни: массив текстов современного культурного пространства особым образом структурируется, образуя парадигматическое, синтагматическое и батизматическое [Адмони, 1988, с. 37, 41] измерения.

Можно согласиться с существующим мнением о том, что гипертекстуальное устройство текстов в определенной мере забирает контроль над развертыванием смысла у рассказчика и передает его читателю [Лошаков, 2008]. Частичная замена авторства (интенции автора) волей воспринимающего субъекта предопределяет возможность произвольной грамматики текста при его развертывании [Гак, 1998, с. 270, с. 367; Ионова, 2007, с. 5–14]. В связи с этим появляется возможность объединения в смысловые блоки произвольных фрагментов информации и актуализации ассоциативных связей и

парадигм разного порядка цельностей [Ионова, 2016, с. 6–16]. Граница текста как категория анализа, «позволяющая отделять возможный мир текста от мира объективной действительности», уже не воспринимается как абсолютно непреодолимая [Задворная, 2001]. Внедряемый в нашу жизнь мир так называемой дополненной реальности – цифровой среды, совмещаемой в реальном времени с ситуациями физического мира, анимацией текстов, позволяет включать в зону восприятия современного человека объекты разной материальной формы, предопределяет его готовность свободно перемещать границы текста, произвольно интерпретируя объем и качество его смыслового поля.

Материалом данного исследования послужил массив текстов, которые, по данным самоотчетов участников нашего интерактивного проекта «Случайное соседство», воспринимались ими в рамках индивидуального («слабого») сверхтекстового образования. В состав этого материала вошли примеры текстов городских вывесок, рекламы, газетных текстов, выпуски интернет-газет, объявления и агитационные листки, которые интерпретированы приславшими их участниками в качестве единых (или потенциально единых) текстовых образований.

Среди них были выделены две группы примеров:

- сверхтексты собственно вынужденной синтагматики (отсутствие интенции автора на реализацию синтагматики текстов);
- сверхтексты условно вынужденной синтагматики (наличие интенции автора на возможную синтагматику текстов).

Каждая из выделенных групп сверхтекстов характеризовалась по ряду признаков: а) пространственное расположение текстов; б) код текстов; в) знаки потенциальной когезии; г) семантическое согласование; д) прагматика сверхтекста.

Результаты исследования

К первому типу сверхтекстов – собственно вынужденной синтагматики – можно отнести следующие примеры:

- 1) МОДНЫЙ МЕХ: ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА В ВОЛГОГРАДЕ // СПАСИ И СОХРАНИ: Яндекс-диск (рекламы в транспорте); СПЕЦОДЕЖДА РЯДОМ > ТУРЫ ИЗ НОВОСИБИРСКА: ТУРЦИЯ, ТАИЛАНД, ХОРВАТИЯ, БОЛГАРИЯ (рекламные билборды);
- 2) ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА // ВСЕ ДЛЯ РЫБАЛКИ (вывески); АПТЕКА > // ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ ХОЛОДНОЕ ПИВО, ШАШ-

ЛЫК (вывески); СТОЛОВАЯ // СЕКОНД-ХЕНД (вывески); МЫ ПРИДЕМ НА ПОМОЩЬ (изображение полицейского в форме, служебной машины и цифр 02) // ОНИ ЗАБИРАЮТ ПОСЛЕДНЕЕ (изображение вытянутых рук вокруг надписи) (социальная реклама на билбордах);

3) ГОРОД ВОЗМОЖНОСТЕЙ // МЫ ВСЕ УМРЕМ. НАДЕЖДЫ НЕТ (названия полосы «Нашей газеты» Екатеринбурга и статьи об эпидемии гриппа); СЛОЖА РУКИ НЕ СИДИМ // изображение главы Грачевского района Оренбургской области, сидящего за столом, сложа на нем руки (название статьи в газете с включенным в текст фотоизображением героя описания); БИЛайн: С НАМИ УДОБНО // переполненный автобус, в окнах которого видно, как пассажиры испытывают крайнюю степень неудобства при передвижении (реклама на автобусе); КВЕСТЫ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ИГРЫ // СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ БЕРЕМЕННОСТИ, ПОДГОТОВКА К РОДАМ, ОПЕРАЦИИ, ЛАПАРОСКОПИЯ (вывески над входом в многофункциональный офисный центр).

В приведенных примерах значимым является пространственное расположение самостоятельных текстов: на одном горизонтальном уровне (пример 1), по вертикали (пример 2), на одной полосе издания СМИ (пример 3).

Они представляют собой вербальные или вербально-визуальные речевые произведения. Знаками, обусловливающими возможность их связи в сверхфразовое единство, является изображение указательных символов (*стрелка, слово «рядом», указательный палец руки*), направленных на следующий текст и дающих возможность их толкования в качестве знака «продолжение следует»; единство оформления, цвет фона, шрифт текстов, гиперпунктуация; единообразный размер и способ крепления щитов с текстами; расположение текстов: расположенный выше текст воспринимается как основной, родовой, включающий его конкретные варианты (см. название полосы, рубрики и статьи газеты; вывеску, расположенную выше и вывеску, расположенную под нею).

Семантика текстов содержит сочетание признаков возможной и парадоксальной ситуации, представленных в разных соотношениях. Эти соотношения могут предполагать логические отношения частей: причинно-следственные (*МОДНЫЙ МЕХ // СПАСИ И СОХРАНИ*); уточняющие и конкретизирующие (*ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА // ВСЕ ДЛЯ РЫБАЛКИ*), напоминать обозначение объекта и его название / бренд (*СТОЛОВАЯ // СЭКОНД-ХЭНД*); содержать противопоставленные признаки или указывать на их

несоответствие (СЛОЖА РУКИ НЕ СИДИМ // *на изображении* человек *сидит* *сложса* *руки*). Часто можно говорить о комплексе семантических признаков (конкретизация и несоответствие признаков: *СПЕЦОДЕЖДА РЯДОМ > ТУРЦИЯ, ТАИЛАНД, ХОРВАТИЯ, БОЛГАРИЯ*). Семантика данных сверхтекстов определяет саму возможность соединения и связь их частей по определенному содержательному признаку. Данный признак является обязательным во всех примерах.

Прагматика сверхтекстов в указанных примерах демонстрирует наличие комического эффекта, который появляется в результате восприятия семантически согласующихся или противоречащих друг другу частей. В качестве наиболее частотных эмоциональных реакций участников проекта в соответствии с их самоотчетами можно выделить: *удивление, удовольствие, радость, недовольство, возмущение*. Предметом последних из названных эмоций было не вполне корректное техническое исполнение текстов и их размещение, а также невнимание к их потенциальному толкованию, в том числе нежелательному.

Второй тип сверхтекстов – условно вынужденной синтагматики – предполагает наличие выявленной или возможной интенции автора на создание сверхтекста. Рассмотрим известный пример «диалога» рекламных слоганов двух крупнейших сетевых магазинов бытовой техники: в ответ на недопустимый прием унижения конкурентов в рекламе магазина «Техносила» магазин «Эльдорадо» ответил не судебным разбирательством, а собственным слоганом и расположением рекламного щита рядом с билбордом конкурента: 17 990 + ПОДАРОК. СЕРЕГА ЛОПУХ КУПИЛ ДОРОЖЕ. ТЕХНОСИЛА // 16 990. СОГЛАСЕН. У НАС ДЕШЕВЛЕ. ЭЛЬДОРАДО (реклама). В указанном контексте образование сверхтекста обусловлено интенцией автора более позднего по времени создания текста на формирование условий рекламного диалога; вне данного контекста образование сверхтекста адресатом также возможно в связи с наличием в рассматриваемом материале выделенных выше признаков, способствующих достижению текстовой синтагматики.

Другим примером может служить сверхтекст газетной полосы оппозиционной астраханской газеты, центром которой является развернутая статья, посвященная интервью с мэром города о его успехах и о семье, в которой затрагивается вопрос о городских пожарах, вызывающих недовольство горожан, в то время как властями они называются «высокорентабельными». Общая оценочная

направленность текста нейтральная, с элементами положительной информации и допустимой критики. Помимо статьи на газетной полосе имеются обобщенное изображение человека в костюме чиновника и наручниках, а также заметка «Как вести себя в тюремной камере». Указанные материалы имеют авторские заголовки и могут рассматриваться как самостоятельные тексты или как подтекстовая информация, сопровождающая статью. Возбуждение прокурорской проверки по материалам данной газеты свидетельствует о том, что имеется круг адресатов, которые все указанные тексты восприняли в качестве единого сверхтекста, позволяющего выразить те смыслы, которые невозможно было передать в центральной статье.

Отсутствие достоверных сведений об интенции редакции издания создать сверхтекст даже при наличии признаков возможной синтагматики его частей позволяет данный материал рассматривать как пример условно вынужденной синтагматики. В СМИ подобные условные сверхтексты, как правило, создаются с целью выражения резкой критики предмета речи и используются в качестве особого текстового приема расширения смысла. В интернет-газетах рассматриваемая проблема является актуальной в связи с нечеткостью выделения границ читательской страницы, наличием контекстной рекламы и расширением пространства восприятия текстов.

В качестве заключения

Наблюдения над исследуемым материалом позволяют заключить, что явление вынужденной синтагматики вполне закономерно в условиях накопления информации, насыщения жизненного пространства современного человека многообразными текстовыми произведениями различной природы, стремительным уменьшением ее ценности с течением времени. Чаще всего оно встречается при оперировании компрессированными вариантами текстов, которые отражают результат поверхностного и шаблонного восприятия. В то же время само умение создавать сверхтексты условной синтагматической демонстрирует важность элементов деавтоматизации при восприятии информации. При этом очевидно бессвязных текстов в представленных участниками проекта примерах выявлено не было.

Наблюдения над примерами такого явления показывают, что современный пользователь Интернета переносит свои читательские

умения на восприятие окружающего его текстового пространства и при этом не затрудняется в оперировании поликодовой информацией. Учитывая характер эмоций, который сопровождает порождение условных сверхтекстов, можно предположить, что вынужденная синтагматика – результат повторного восприятия текстов, выделенных при просмотром чтения, и наделение их новым статусом сверхтекста.

Список литературы

- Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – М.: Наука, 1988. – 268 с.
- Ахлибинский Ю.В.* Информация и система. – Л.: Наука, 1969. – 199 с.
- Бахтин М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
- Герман И.А., Пищальникова В.А.* Введение в лингвосинергетику. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
- Глушков В.М., Амосов Н.М., Артеменко И.А.* Энциклопедия кибернетики. – Киев, 1974. – Т. 2. – 376 с.
- Деррида Ж.* Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
- Задворная Е.Г.* Граница текста // Постмодернизм: Энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпресссервис: Книжный дом, 2001. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/096.htm> (Дата обращения: 20.04.2019 г.)
- Землянова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 301 с.
- Ионова С.В.* Вторичная презентация текста: виды преобразований поверхностной структуры // Вопросы филологии. – 2007. – № 5. – С. 5–14.
- Ионова С.В.* Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоизнание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 6–16.
- Колодина Н.Н.* Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2001. – 184 с.

- Костомаров В.Г.* Рассуждение о формах текста в общении. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2008. – 84 с.

Кутина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 214–233.

Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во МГПИИ им М. Тореза, 1976. – Вып. 103. – С. 60–70.

Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 48–49.

Потман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам / под ред. А.Э. Мальца. – Тарту: ТГУ, 1984. – Т. 18.1. – С. 30–35.

Лошаков А.Г. Сверхтекст: Семантика, прагматика, типология: Дис. ... д-ра филол. наук. – Киров, 2008. – 564 с.

Метц К. Воображаемое означающее: психоанализ и кино. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2010. – 334 с.

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

Нильсен Я., Будиу Р. Mobile Usability. Как создавать идеально удобные приложения для мобильных устройств. – М.: Эксмо, 2013. – 256 с.

Павленко К. Новые медиа и особенности коммуникации в XXI веке. – Режим доступа: <https://medium.com/studioprok/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0-%D0%B8%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BC%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-6968499e7524> (Дата обращения: 26.06.2019 г.)

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: Когнитивный аспект. – М.: Ин-т языокognition РАН, 2005. – 219 с.

Фримен Дж. Проблема влияния электронной среды на интеллектуальное развитие и межличностные отношения одаренных и талантливых детей // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 102–109. – DOI: 10.17759/pse.2015200111. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyedu/2015/n1/75206.shtml> (Дата обращения: 26.06.2019 г.)

Carr N. The Shallows: What the Internet is doing to our brains. – New York: W.W. Norton, 2010. – 280 p.

Eysenbach G., Köhler C. How do consumers search for and appraise health information on the world wide web? Qualitative study using focus groups, usability tests, and in-depth interviews // BMJ. – 2002. – Vol. 324. – P. 573–577. – DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.324.7337.573>. – Mode of access: <https://www.bmjjournals.org/content/bmj/324/7337/573.full.pdf> (Дата обращения: 20.04.2018 г.)

Moyers S. The F Pattern: Understanding how users scan content: Examining a key pattern of how people scan web content to help guide page design to improve user

- engagement. – 2017. – July 24. – Mode of access: <https://uxmag.com/articles/the-f-pattern-understanding-how-users-scan-content> (Дата обращения: 15.05.2019 г.)
- Orihuela J.L. The 10 new paradigms of communication in the digital age // Medium. – 2017. – Nov. 6. – P. 129–135. – Mode of access: <https://medium.com/@jlori/the-10-new-paradigms-of-communication-in-the-digital-age-7b7cc9cb4bfb> (Дата обращения: 15.05.2019 г.)

References¹

- Admoni, V.G. *Grammaticheskij stroj kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki*. Moscow, Nauka.
- Ahlibinskij, Yu.V. (1969). *Informaciya i sistema*. Leningrad, Nauka.
- Bahtin, M. (1996). Problema rechevyh zhanrov. In: *Bahtin, M. Sobr. soch. v 7 t. (pp. 159–206)*. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5.
- Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya*. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury».
- Gal'perin, I.R. (1981). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow, Nauka.
- German, I.A., Pishchal'nikova, V.A. (1999). *Vvedenie v lingvosinergetiku*. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta.
- Glushkov, V.M., Amosov, N.M., Artemenko, I.A. (1974). *Enciklopediya kibernetiki*. Vol. 2. Kiev.
- Derrida, Zh. (1999). *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya*. Saint-Petersburg, Aletejya.
- Zadvornaya, E.G. (2001). Granica teksta. In: Gricanov, A.A., Mozhejko, M.A. (Eds.), *Postmodernizm: Enciklopediya*. Minsk, Interpresservis; Knizhnij dom. Retrieved from <http://niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/096.htm>
- Zemlyanova, L.M. (1999). *Zarubezhnaya kommunikativistika v predverii informacionnogo obshchestva. Tolkovyj slovar' terminov i koncepcij*. Moscow, Izd-vo MGU.
- Ionova, S.V. (2016). Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informacionnyh tekhnologij. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 15 (3), 6–16.
- Ionova, S.V. (2007). Vtorichnaya reprezentaciya teksta: Vidy preobrazovanij poverhnostnoj struktury. *Voprosy filologii*, 5, 5–14.
- Kolodina, H.H. (2001). *Problemy ponimaniya i interpretacii hudozhestvennogo teksta*. Tambov, Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta.
- Kostomarov, V.G. (2008). *Rassuzhdenie o formah teksta v obshchenii*. Moscow, Gos. IRYa im. A.S. Pushkina.
- Kupina, N.A., Bitinskaya, G.V. (1994). Svertekst i ego raznovidnosti. In: *Chelovek – Tekst – Kul'tura*. Ekaterinburg.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

Бокале П.

**ДЕЙКСИС, ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
И ИРРЕАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹**

*Университет Инсубрия,
Италия, Кому, paola.bocale@uninsubria.it*

Аннотация. В данной работе исследуется ряд pragматических контекстов, в которых дистальное дейктическое наречие ТАМ появляется, и утверждается, что эти контексты обладают чертой эпистемической неопределенности, которая является семантическим общим знаменателем для всех видов ирреальности. Использование ТАМ в контекстах эпистемической неопределенности мотивировано его центральным смыслом. ТАМ может выражать не только дейктическое расстояние (пространственное) по отношению к высказыванию, но и эпистемическую дистанцию, т.е. оно может снимать с говорящих ответственность за истинность сказанного. Эпистемическая дистанция – это черта, позволяющая осуществить перенос из одной концептуальной области в другую.

Ключевые слова: русский язык; дейкссис; дистальность; ирреальность; отрицание; неопределенность.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Бокале П., 2019

Bocale P.

Deixis, Epistemic Modality and Irrealis in the Russian Language

*Università degli Studi dell’Insubria,
Italia, Como, paola.bocale@uninsubria.it*

Abstract. This paper studies a number of pragmatic contexts in which the Russian distal deictic TAM (‘there’) appears, and argues that these contexts share the feature of epistemic uncertainty, which is the semantic common denominator to all sub-modes of irrealis. The use of TAM in contexts of epistemic uncertainty is motivated by its central meaning. TAM can both convey semantic distance (spatial) with respect to the proposition and epistemic distance, i.e. it can release the speakers from the responsibility for the truth of the utterance. Epistemic distance is the feature triggering the expansion of uses from one conceptual domain to another.

Keywords: Russian; deixis; distance; irrealis; negation; indefiniteness.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

В устном русском языке дейктическое наречие ТАМ встречается часто, а иногда и несколько раз в пределах одного высказывания. Данное исследование подробно описывает контексты, в которых ТАМ наиболее вероятно появляется, и утверждает, что это слово встречается главным образом в контекстах ирреальности, т.е. контекстах, которые выражают «эпистемическую неопределенность» [Givón, 1984, p. 285; Givón, 1994, p. 267; Givón, 2001, p. 308]. Это обстоятельство также объясняет другие функции ТАМ, такие как: аппроксиматор, маркер продолжения коммуникации, маркер перечисления, маркер неопределенности и т.д.

Хотя модальные функции наречия ТАМ были проанализированы с разных точек зрения, до настоящего времени в известных нам грамматиках и словарях не упоминается функция ирреальности. Только Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [Кузнецов, 1998] кратко упоминает о том, что наречие ТАМ может выражать сомнение автора сообщения в реальности чего-либо, когда употребляется с личными местоимениями в восклицаниях.

В научных исследованиях наречия ТАМ модальность ирреальности, как правило, не обсуждается. А.П. Пеньковский [Пеньковский, 1989] считает, что дистальная дейктическая составляющая ТАМ мотивировала метафорическое расширение его значения в маркер «пейоративного отчуждения». Согласно И. Мендозе [Mendoza, 2004], контексты использования слова могут быть сведены к двум функциям: маркировка объекта в качестве примера и маркировка незначительности определенных элементов высказывания. Другие исследователи предполагают, что основная дискурсивная функция этой частицы – помечать отсутствие значимости определенной темы, поднятой в разговоре [Шведова, 1960, с. 145; Levontina, Shmelev, 2007; Шмелев, 2007]. В целом считается, что наречие ТАМ имеет чрезвычайно сложную и плохо описанную полисемическую структуру [Левонтина, 2011, с. 275].

В настоящем исследовании утверждается, что предполагаемая многозначность наречия ТАМ является лишь следствием гетерогенности языковых контекстов, в которых оно употребляется, а не случаем лексической неоднозначности. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что можно найти общее ядро во всех лингвистических контекстах, где употребляется ТАМ. То, что является общим для этих контекстов, состоит в том, что именно в них чаще всего появляется ирреальность.

Дейксис, эпистемическая модальность и ирреальность

Традиционное определение дейкса как контекстуально-референциального механизма, устанавливающего связь с *ego-hic-nunc-origo*¹, подразумевает три основные категории дейктических отношений: личность, место и время [Bühler, 1990, р. 145]. Личный дейксис (дейксис лица) указывает на роль участников в высказывании и в основном встречается в местоименной системе. Дейксис места связан с кодированием места по отношению к местоположению участников речевой ситуации. В рамках данной категории различаются проксимальный дейксис (близость к говорящему) и дистальный дейксис (удаление от говорящего). Наконец, дейк-

¹ Прототипические категории дейкса, которые образуют дейктический центр, или *origo* (лат.), это говорящий (*ego «я»*), место (*hic «здесь»*) и время высказывания (*nunc «сейчас»*).

сис времени связан с кодированием временных точек относительно времени высказывания [Kragh, Lindschouw, 2013].

Дейксис и эпистемическая модальность как функционально-семантические категории, выражающие знание говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с позиций ее достоверности, связаны между собой, поскольку оба кодируют субъективный опыт говорящего. Эпистемическая модальность связана с отношением говорящего к реальности события, поэтому может рассматриваться с позиций различия между реальностью и ирреальностью [Grenoble, 1998, p. 230]. Реальность (*realis*) включает в себя ситуации, которые фактически имели место или имеют место в данный момент, в то время как ирреальность (*irrealis*) включает в себя более гипотетические ситуации, а также предположения, в том числе предположения на будущее [Comrie, 1985, p. 45].

Семантические контексты, где обычно появляется маркировка ирреальности, включают в себя потенциальные события, условия, гипотетичность, контрфактуальность, модальные, эпистемические и деонтические категории, команды, отрицания и вопросы [Elliott, 2000, p. 68]. Следовательно, ирреальные ситуации могут рассматриваться как будущие, желательные и нежелательные, вероятные и невероятные, гипотетические, отрицательные или неопределенные [Plungian, 2005].

Далее будет исследовано многообразие языковых сред, в которых появляется наречие ТАМ, и будет показано, что этот дистальный дейктик появляется в тех контекстах, которые обычно отмечены ирреальностью.

Результаты корпусного исследования наречия ТАМ

Проводимое корпусное исследование основано на данных радиоинтервью с различными гостями программы «Особое мнение» (далее «ОМ»), которая транслируется на «Радио Эхо Москвы» (www.echo.msk.ru). Кроме того, некоторые примеры были взяты из интернет-источников.

Анализ собранных примеров выявил восемь pragматических сред, в которых в устной разговорной речи обычно используется наречие ТАМ.

1. Модальность

Согласно Т. Гивону [Givón, 1994], модальные вспомогательные слова – это типичные операторы ирреальности, а эпистемические наречия, такие как «возможно», «вероятно», «видимо», «похоже», «наверное», «вроде» и т.д., создают ирреальную сферу в предложении, в котором они появляются, превосходя времена реальности, такие как прошлое, настоящее, прогрессивное или совершенное.

В отобранном нами текстовом корпусе наречие ТАМ часто встречается в уступительных предложениях, как это показано в примерах (1) – (2).

(1) *Китайцы да? Вот китайцы это в глазах видимо избирателей Трампа это зло. Россия в общественном сознании не играет такой роли сегодня да? ТАМ может быть Вуди Аллена интересует ТАМ роман «Преступление и наказание» или ТАМ музыка Чайковского или Скрябина да? Но для обычной Америки, конечно, это нечто маргинальное¹.*

(ОМ, 27.09.2016 г.)

(2) *мы вчера долго видели, как на втором месте ЛДПР сейчас КПРФ догнала и перегнала. Две десятые. Как так-то? Почему же нет поддержки у хотя бы ТАМ формально левых сил?*

(ОМ, 19.09.2016 г.)

Наречие ТАМ частотно обнаруживается в уступительных конструкциях (примеры (3) – (4)), что подтверждает близость наречия ТАМ в данном значении к маркеру ирреальности БЫ. Обе единицы могут использоваться взаимозаменяя в подобных контекстах.

(3) *Кто бы что ТАМ не говорил*

(4) *Кто бы что БЫ не говорил*

Другим контекстом, в котором с высокой частотой встречается наречие ТАМ, является устойчивое выражение «мало ТАМ», где ТАМ в разговорной речи заменяет частицу ЛИ, сигнализирующую о модальности сомнения (примеры (5) – (6)).

(5) *Мало ТАМ что может случиться / произойти / быть*

(6) *Мало ЛИ что может случиться / произойти / быть*

¹ Здесь и далее примеры приводятся в редакции источника.

2. Отрицание

Хотя категория ирреальности первоначально была отождествлена главным образом с модальными предложениями, такими как контрафактуальные, условные и повелительные, более поздние исследования показали, что между ирреальностью и отрицательными предложениями существует тесная связь [Miestamo, 2005; Malchukov, Xrakovskij, 2016].

В примерах (7) – (8) мы находим наречие ТАМ в отрицательном эпистемическом выражении от первого лица: *не знаю ТАМ*. Это конструкция, состоящая из 1-го лица отрицательного настоящего времени эпистемического глагола «знать». Предварительный анализ примеров с конструкцией «не знаю ТАМ» / «ТАМ не знаю» показывает, что на эпистемологическом уровне данная конструкция может использоваться в качестве эпистемического хеджа (hedge) для передачи неопределенности, дистанцирования и сдержанности, или на pragматическом уровне как механизм управления речью, позволяющий говорящему размышлять над высказыванием или сменить тему разговора (см. пример (7)).

(7) *посмотрите на американцев они ТАМ что устроили, не знаю ТАМ в Сирии и в Ливии и в Ираке.*

(ОМ, 02.10.2016 г.)

Наречие ТАМ также появляется в особом типе конструкций: это отрицательные утверждения без отрицательных частиц. В примере (8) сомнение в реальности названного факта выражается конструкцией с вопросительным местоимением «какой» в начале предложения, за которым следует ТАМ. В конструкциях такого типа только наречие ТАМ указывает на то, что это утверждение отрицательное.

(8) *Да какая ТАМ зима, когда прогноз погоды утешителен весьма? А вы говорите: январь. Да какой ТАМ к черту январь! Поверьте – проверьте, наверное, врет.*

3. Недекларативные речевые акты

Другим контекстом, указывающим на ирреальность, являются недекларативные речевые акты, включая вопросы, команды, просьбы и восклицания, которые, согласно Т. Гивону [Givón, 1995, р. 119], попадают в сферу ирреальности по двум связанным между собой причинам: во-первых, потому что они описывают будущие

события, т.е. явления, которые еще не произошли, и, во-вторых, потому что они подразумевают деонтическую модальность.

В отобранных нами корпусе есть примеры использования наречия ТАМ в восклицаниях, выражающих различные эмоции, такие как неприязнь, печаль, удивление, неверие или интерес (см. пример (9)).

(9) *Да ты не придумывай ТАМ, что это будет ТАМ*
(ОМ, 15.09.2016 г.)

4. Неопределенность

Наиболее распространенный контекст, в котором используется наречие ТАМ, – это неопределенные выражения. ТАМ часто встречается после неопределенных местоимений или наречий (а иногда и перед ними) в речевом контексте, где говорящие подчеркивают неопределенность референтов, как в примерах (10) – (12).

(10) *не надо, прикрываясь как бы какими-то ТАМ суверенно-демократическими почвенническими идеями, никого догонять и перегонять, Америку по росту кукурузы*
(ОМ, 12.05.2017 г.)

(11) *раз уж мы согласились с тем, что наши персональные данные вот в таком дичайшем количестве могут быть доступны для корпорации Apple, то дальше, ну, мы их уже, в принципе, потеряли, да? То, что Apple с ними не делает ничего плохого, а просто как-нибудь ТАМ таргетирует рекламу, на них опираясь, это нам Apple рассказывает, да?*

(ОМ, 22.02.2016 г.)

(12) *В Нью-Хэмпшире каждый день один человек умирает от передозировки ТАМ чего-нибудь, а вот Трамп предложил решение.*

(ОМ, 22.03.2016 г.)

5. Продолжение и перечисление

Наречие ТАМ также выполняет функцию маркера продолжения и перечисления, указывая на намерение говорящего продолжить высказывание примером, перечнем, уточнением. Пример (13) содержит три случая употребления наречия ТАМ. В первом случае ТАМ начинает перечень, во втором случае ТАМ сообщает, что говорящий намерен продолжить свою речь,

в третьем случае наречие ТАМ функционирует как конечная частица (final particle) [Hancil, Haselow, Post, 2015].

(13) *Мы же все любим фильмы ТАМ про Джона Диллинджера ТАМ, про мошенников, аферистов, воров ТАМ да?*

(ОМ, 28.09.2016 г.)

6. Аппроксимация

Наречие ТАМ также может выполнять функцию аппроксимации, т.е. использоваться в количественных выражениях, где количество точно не установлено или колеблется. В примерах (14) – (15) функция ТАМ – выражать оценку приблизительности точно так же, как это делает неопределенный аппроксиматор *около*¹.

(14) *Результатом дебатов было соотношение голосов зрителя 84 ТАМ на 16. В мою пользу.*

(ОМ, 19.09.2016 г.)

(15) *У нас ЖЕ в последние ТАМ 20 лет 16 все устроено немного по-другому.*

(ОМ, 13.10.2016 г.)

Появление наречия ТАМ в контекстах в функции продолжения и перечисления свидетельствует о смещении значения в сторону выражения неопределенности, неточности или незавершенности.

7. Разделительная связь

Разделительная связь в предложениях обычно выражена союзом *или*. Использование наречия ТАМ в позиции после союза усиливает *или* (пример (16)).

(16) *средний россиянин, не средний класс – ТАМ бюджетники или ТАМ рабочие каких-то заводов они на себе ничего не испытали, никаких затруднений: как было плохо, так плохо и осталось?*

(ОМ, 19.10.2016 г.)

¹ Под термином «аппроксиматор» в тексте понимаются языковые единицы, которые включают оценку описываемой ситуации говорящим как несоответствующей заданной им номинации.

8. Эвиденциальность

В некоторых контекстах, таких как в примере (17), наречие ТАМ ассоциируется с квотативами и другими глаголами в контексте сообщаемой информации.

(17) *И когда мы говорим ТАМ, что надо уметь себя защитить пожалуйста, в любой стране.*

(ОМ, 08.10.2016 г.)

Использование указательных местоимений в эвиденциальных контекстах не является чем-то необычным, поскольку эвиденциальность – это дейктическая категория, указывающая на источник происхождения информации [Wiemer, 2010]. Эвиденциальные средства дают говорящим возможность дистанцироваться от достоверности высказывания. Таким образом, их эвиденциальное значение обычно связано с эпистемической оценкой [Plungian, 2010]. Связь между эвиденциальностью, эпистемической модальностью и ирреальностью подтверждается тем фактом, что в некоторых языках маркеры ирреальности используются в качестве эвиденциальных средств [Martin, 1998].

Заключение

В настоящей работе были исследованы лингвистические контексты, в которых употребляется наречие ТАМ, и было установлено, что они тесно связаны с грамматическим выражением ирреальности. Исследуемая языковая единица систематически обнаруживается в контекстах, отмеченных эпистемической неопределенностью, которая является тем общим знаменателем, объединяющим модальные и отрицательные предложения, недекларативные речевые акты, неопределенные выражения, приблизительные количественные оценки, разделительные и эвиденциальные конструкции. Но почему в контекстах, выраждающих эпистемическую неопределенность, появляется такой дистальный дейктик, как ТАМ?

Использование ТАМ в контекстах, связанных с грамматическим выражением ирреальности, и в некоторых других славянских языках (таких как, например, польский, украинский и болгарский) говорит о том, что его превращение в эпистемический маркер должно руководствоваться некими общими прагматическими прин-

ципами, такими как конвенционализация разговорных импликатур, процесс, посредством которого значение, прагматически выводимое из использования определенного слова, становится конвенциональным до такой степени, что оно входит в семантику этого слова [Pietrandrea, 2005, p. 193].

Дистальное пространственное значение дейктика ТАМ делает возможным рост прагматических инференциальных значений в определенных лингвистических контекстах. Инференция дистальности, которую вызывает ТАМ, семантизируется как новый кодированный показатель эпистемической неопределенности говорящего [Traugott, 1999; Traugott, Dasher, 2002]. Результатом этого метонимического процесса является эпистемическое функционирование наречия ТАМ, которое способствует разъяснению позиции говорящего по отношению к предложению. ТАМ выражает не только дейктическое расстояние (пространственное) по отношению к предложению, но и «эпистемическую дистанцию», т.е. «говорящие как бы снимают с себя ответственность за истинность сказанного» [Plungian, 2010, p. 47].

Несмотря на возможность передачи значения ирреальности, использование ТАМ еще не является обязательным для ее выражения. Среди контекстов, исследованных в настоящей работе, наличие ТАМ имеет решающее значение для передачи ирреальности в трех случаях: 1) с конструкциями, выражающими отрицательное утверждение, где личные характеристики человека или объекта отрицаются; 2) в количественных выражениях, где количество не определено с уверенностью; 3) в перечнях.

Что касается первого случая, совершенно аналогичные конструкции с неопределенным или вопросительным местоимением или наречием с последующим использованием наречия ТАМ, выражающие отрицания, отклонения или несогласия, встречаются и в других славянских языках, см., например: болгарский (южнославянский): *Какъв там престъпник!* Напротив 'Какой ТАМ преступник! Напротив'; польский (западнославянский): *Ta jaki tam wstyd?* «Но какой ТАМ позор?»; украинский (восточнославянский): *Ta який там закон!* «Но какой ТАМ закон!»

В контекстах, указывающих на приблизительные расчеты и оценки, ТАМ употребляется для выражения неопределенной количественной семантики, а в перечнях оно требуется для того, чтобы сигнализировать намерение говорящего продолжить высказывание.

В целом тот факт, что в некоторых контекстах ТАМ несет всю маркировку отрицания, сочетается с неопределенными место-

именятиями или наречиями и не противопоставляется дейктикам «тут» или «здесь», указывает на ослабление первоначального демонстративного значения наречия ТАМ. Более того, утрата в тех же контекстах референтности, одной из ключевых компонентов дейктической семантики, свидетельствует о продолжающемся развитии его эпистемологических функций.

Список литературы

- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
- Левонтина И.Б.* Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 269–278.
- Пеньковский А.Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1989. – С. 54–83.
- Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 377 с.
- Шмелев А.Д.* Частица там как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 208–218.
- Bühler K.* Theory of language: The representational function of language. – Amsterdam: J. Benjamins, 1990. – 508 p.
- Comrie B.* Tense. – Cambridge: CUP, 1985. – 139 p.
- Elliott J.* Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of Reality // Linguistic Typology. – 2000. – № 4 (1). – P. 55–90.
- Givón T.* Functionalism and grammar. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 486 p.
- Givón T.* Irrealis and the subjunctive // Studies in Language. – 1994. – № 18. – P. 265–337.
- Givón T.* Syntax. An introduction. – 2nd edition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. – Vol. 1. – 500 p.
- Givón T.* Syntax: A functional-typological introduction. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1984. – Vol. 1. – 464 p.
- Grenoble L.* Deixis and information packaging in Russian discourse. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. – 335 p.
- Hancil S., Haselow A., Post M.* Final particles from a typological perspective // Final particles / ed. by S. Hancil, A. Haselow, M. Post. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. – P. 3–37.
- Kragh K., Lindschouw J.* Deixis and pronouns in Romance languages. – Amsterdam: J. Benjamins, 2013. – 289 p.

- Levontina I., Shmelev A.* False emptiness: Are so-called «parasitical words» really semantically void? // Meaning-Text Theory / ed. by T. Reuther. – München: Otto Sagner, 2007. – P. 259–268.
- Malchukov A., Xrakovskij V.* The linguistic interaction of mood with modality and other categories // The Oxford Handbook of Modality and Mood / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 196–222.
- Martin L.* Irrealis constructions in Mocho (Mayan) // Anthropological Linguistics. – 1998. – № 40 (2). – P. 198–213.
- Mendoza I.* Russisch TAM als distanzmarker? // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag / ed. by P. Rehder, M. Okuka, U. Schweier. – München: Otto Sagner, 2004. – P. 157–186.
- Miestamo M.* Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2005. – 503 p.
- Pietrandrea P.* Epistemic modality: Functional properties and the Italian system. – Amsterdam: J. Benjamins, 2005. – 232 p.
- Plungian V.* Irrealis and modality in Russian and in typological perspective // Modality in Slavonic languages: New perspectives / ed. by B. Hansen. – München: Otto Sagner, 2005. – P. 135–147.
- Plungian V.* Types of verbal evidentiality marking: an overview // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / ed. by G. Diewald, E. Smirnova. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. – P. 15–58.
- Traugott E.* The role of pragmatics in a theory of semantic change // Pragmatics in 1998: Selected Papers from the 6th International Pragmatics Conference / ed. by J. Verschueren. – Antwerp: International Pragmatics Assoc., 1999. – P. 93–102.
- Traugott E., Dasher R.* Regularity in semantic change. – Cambridge: CUP, 2002. – 341 p.
- Wiemer B.* Hearsay in European languages: Toward an integrative account of grammatical and lexical marking // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / ed. by G. Diewald, E. Smirnova. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. – P. 59–132.

References

- Kuznecov, S.A. (1998). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Saint-Petersburg, Norint.
- Levontina, I.B. (2011). Chasticy peresprosa i pripominaniya. In: *Slovo i jazyk: Sb. st. k 80-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* (pp. 269–278). Moscow, LRS Publishing House.
- Pen'kovskij, A.B. (1989). O semanticheskoj kategorii «chuzhdosti» v russkom jazyke. In: *Problemy strukturnoj lingvistiki* (pp. 54–83). Moscow, Nauka.
- Shmelev, A.D. (2007). Chastica tam kak marker «nesushchestvennoj detalii». In: *Jazyk kak materiya smysla. Sb. st. k 90-letiyu akademika N.Yu. Shvedovoja* (pp. 208–218). Moscow, Azbukovnik.

- Shvedova, N.Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Bühler, K. (1990). *Theory of language: The representational function of language*. Amsterdam, J. Benjamins.
- Comrie, B. (1985). *Tense*. Cambridge, CUP.
- Elliott, J. (2000). Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality. *Linguistic Typology*, 4(1), 55–90.
- Givón, T. (1984). *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. 1. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins.
- Givón, T. (1994). Irrealis and the subjunctive. *Studies in Language*, 18, 265–337.
- Givón, T. (1995). *Functionalism and grammar*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins.
- Givón, T. (2001). *Syntax. An introduction*. Vol. 1. 2nd edition. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins.
- Grenoble, L. (1998) Deixis and information packaging in Russian discourse. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins.
- Hancil, S., Haselow, A., Post, M. (2015). Final particles from a typological perspective. In: S. Hancil, A. Haselow, M. Post (Eds.), *Final particles*, pp. 3–37. Berlin / Boston, De Gruyter Mouton.
- Kragh, K., Lindschouw, J. (2013). *Deixis and pronouns in Romance languages*. Amsterdam, J. Benjamins.
- Levontina, I., Shmelev, A. (2007). False emptiness: Are so-called «parasitical words» really semantically void? In: T. Reuther (Ed.), *Meaning-Text Theory* (pp. 259–268). München, Otto Sagner.
- Malchukov, A., Xrakovskij, V. (2016). The linguistic interaction of mood with modality and other categories. In: J. Nuyts, J. van der Auwera (Eds.), *The Oxford Handbook of Modality and Mood* (pp. 196–222). Oxford, Oxford University Press.
- Mendoza, I. (2004). Russisch TAM als distanzmarker? In: P. Rehder, M. Okuka, U. Schweier (Eds.), *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag* (pp. 157–186). München, Otto Sagner.
- Martin, L. (1998). Irrealis constructions in Mocho (Mayan). *Anthropological Linguistics*, 40 (2), 198–213.
- Miestamo, M. (2005). *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. Berlin / Boston, De Gruyter Mouton.
- Pietrandrea, P. (2005). Epistemic modality: Functional properties and the Italian system. Amsterdam, J. Benjamins.
- Plungian, V. (2005). Irrealis and modality in Russian and in typological perspective. In: B. Hansen (Ed.), *Modality in Slavonic languages: New perspectives* (pp. 135–147). München, Otto Sagner.

- Plungian, V. (2010). Types of verbal evidentiality marking: an overview. In: G. Diewald, E. Smirnova (Eds.), *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages* (pp. 15–58). Berlin / New York, De Gruyter Mouton.
- Traugott, E. (1998). The role of pragmatics in a theory of semantic change. In: J. Verschueren (Ed.), *Pragmatics in 1998: Selected Papers from the 6th International Pragmatics Conference* (pp. 93–102). Antwerp, International Pragmatics Assoc.
- Traugott, E., Dasher, R. (2002). *Regularity in Semantic Change*. Cambridge, CUP.
- Wiemer, B. (2010). Hearsay in European languages: toward an integrative account of grammatical and lexical marking. In: G. Diewald, E. Smirnova (Eds.), *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages* (pp. 59–132). Berlin / New York, De Gruyter Mouton.

Стародубова О.Ю.
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ¹

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, oystarodubova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию интертекстуальности (прецедентного феномена) в медийном дискурсе как механизма формирования новой когнитивной парадигмы.

Ключевые слова: медийный дискурс; лингвокультурная ситуация; национальная безопасность; прецедентный феномен; когнитивная парадигма.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Starodubova O.Yu.
Intertextuality and National Security in Media Discourse

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, oystarodubova@mail.ru*

Abstract. The paper deals with the issue of intertextuality (a precedent phenomenon) in media discourse as a mechanism for the formation of a new cognitive paradigm.

Keywords: media discourse; linguocultural situation; National security; case phenomenon; cognitive paradigm.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

¹ © Стародубова О.Ю., 2019

Введение

Картина мира в связи с антропоцентризмом и глобализацией (интенсификации которой способствует Интернет) подвергается метаморфозам и включает не только национальный компонент, но и общечеловеческий (мировой). На этом фоне актуальными становятся вопросы национальной идентичности, безопасности, а также формирования *новой парадигмы мышления*, аутентичной картины мира. Процесс глобализации находит отражение в современных научных парадигмах: внимание многих лингвистов, филологов сосредоточено на вопросах взаимодействия, взаимовлияния языка, социума, культуры, мышления на основе этнокультурного компонента [Лурье, 1997; Телия, 1996; Привалова, 2006 и др.], а также исследовании языковой личности, ее когнитивных процессов, концептов и т.д. [Попова, Стернин, 2007; Пищальникова, 1996; Уфимцева, 2003]. Исследования носят междисциплинарный характер, о котором говорил еще Ф. де Соссюр: «Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее данные, то предоставляют ей свои» [Соссюр, 1977, с. 44]. Этим объясняется актуальность темы в междисциплинарных исследованиях отечественной и зарубежной лингвистики ([Колшанский, 1990; Лихачёв, 1993; Маслова, 2001; Пищальникова, 2007; Фриман, 2004] и др.).

Параллельно глобализации существует другая, противоположно направленная тенденция – *локализация*, иллюстрирующая стремление к сохранению национальной идентичности и, соответственно, государственной безопасности. Об этом свидетельствуют и международные, и локальные политические преобразования, иллюстрирующие один из аспектов *интолерантности*, например, Brexit. Одним из первых представителей национальных интересов в Европе был лингвист Антонио де Небриха, который в 1492 г. выпустил Грамматику кастильского языка, осуществив тем самым пропаганду национальных языковых ценностей. В России аналогичная попытка была предпринята М.В. Ломоносовым. Это так называемый лингвистический национализм как проявление социального, характерного для этноса в целом и отдельных общественно-политических групп, защищающих разными способами и средствами национальные интересы. «Националист предпочитает уделять больше внимания восприятию и передаче тех сообщений, которые содержат специфические символы национальности, либо происходят из конкретного национального источника или же выражены в специфическом национальном коде языка или культуры» [Дойч, 2000]. Суще-

ствует множество разнообразных определений феномена «национализм» (локализация) ([Дойч, 2000; Кисс, 1994; Кара-Мурза] и др.), при этом большинство исследователей сходятся в том, что национализм (локализация) как некое подобие *иммунной системы* и этническое сознание тесно связаны.

Действие разнонаправленных тенденций в современной гуманитарной науке называется *глокализацией*. Указанный термин был введен в начале 90-х годов XX в. английским социологом Р. Робертсоном и является гибридным образованием – составлен из двух частей – *glo + localization = glocalization*. В связи с этим возникают проблемы формирования межкультурной компетенции, а также сохранения или преобразования ряда идентичностей с одновременным появлением новых в русле доминанты *толерантности*, обеспечивающих *национальную безопасность, неконфликтный диалог культур*.

Процесс коммуникации осуществляется в том числе через текст, архивирующий культурные смыслы, основные *концептосфера* (которые трактуются как «упорядоченная совокупность ментальных единиц, отражающих познанную субъектом действительность» [Попова, Стернин, 2007, с. 40]. Концептосфера «составляет информационную базу как сознания, так и мышления человека» [там же]. Картина мира является отражением специфики бытия человека, взаимоотношения его с миром, важнейших условий его существования в мире [Постовалова, 1988, с. 11]), и оказывает влияние на социокультурную ситуацию. На этом фоне происходит постепенное размывание национальных границ. Одним из ведущих механизмов формирования новой парадигмы мышления, когнитивной структуры личности, вовлеченной в процесс межкультурной коммуникации, становится *прецедентный феномен* (ПФ), который является отражением интertextualности как ведущей приметы эпохи.

Доминирующим на фоне глобального преобразования формата коммуникации, а также (говоря метаязыком когнитивной лингвистики) – сценариев, стереотипов, поведенческих и пр. концептуальных стандартов становится медиийный дискурс. При этом ПФ, интерпретирующий информацию, является мощным средством манипуляции массовым сознанием, определяя восприятие происходящего сквозь призму прецедентной антиномии *своего – чужого* (например, реклама очередного тарифа Билайн, построенная на идентификации потребителем *чужого* тарифа как реализованной онтологической метафоры).

К бинарной оппозиции на фоне *глобализации* добавляется третий компонент – *универсальное*, который и формирует лингвокультурную ситуацию современности, корректируя когнитивную структуру личности вне и с учетом национальной идентичности. Средством такой коррекции в арсенале многочисленных механизмов (включая пресуппозицию) является прецедентный феномен (ПФ) как топос в риторике всех стран, способный имплицитно формировать определенную модель мировосприятия, влиять на оценочные механизмы перцепции окружающего мира и поведенческие стереотипы. Так, в настоящее время один из устойчивых стереотипов в сознании рядового европейца и американца связан с глобальной демонизацией России как внешнего врага в качестве отвлекающего от внутриполитических проблем маневра; этот образ формируется на фоне всем известной событийной советской тоталитарной прецедентности. В советском дискурсе в зависимости от целеустановок генерализованного (тоталитарного) субъекта так же культивировался образ то внешнего, то внутреннего врага, вследствие чего постепенно устойчиво формировались когнитивные механизмы *интолерантности* в отношении западного мира, которые в постсоветском пространстве приобрели иной формат.

На фоне стремительных преобразований политического пейзажа, отражающего эволюцию когнитивных процессов [Ощепкова, 2006; Пищальникова, 2007], неизменным на протяжении многих десятилетий остается утверждение (аксиома) В. фон Гумбольдта о том, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68]. «Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия» [там же, с. 75]

ПФ становится ресурсом формирования, отрицания или поддержания национальной идентичности.

Методика исследования

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть языковые механизмы интерпретации отдельных сегментов внеязыковой действительности в условиях меняющегося политического пейзажа, к которым относится интертекстуаль-

ность, в частности явление прецедентности, а также выявить влияние этих механизмов на когнитивную парадигму носителей языка и культуры.

Рабочая гипотеза: прецедентность как языковой ресурс является не только средством интерпретации действительности, способом выражения авторской модальности, но и одновременно механизмом манипулирования сознанием аудитории, а также моделирования новой когнитивной парадигмы, суть которой сводится к существенным сдвигам в восприятии происходящего сквозь призму оппозиции *своего – чужого – универсального*. Наполнение категорий *своего – чужого – универсального* также претерпевает изменения в связи с глокализацией, что способствует деформации базовых для национального сознания ценностей, концептов и в конечном итоге приводит к состоянию, представляющему угрозу национальной безопасности, поскольку наше сознание воспринимает социально комфортные модели, минимизируя энергозатраты. Таким образом, ПФ способствует закреплению новых *поведенческих стереотипов, основанных на потребительской психологии*.

Методы исследования: специфика концепта (базовых национальных ценностей) исследуется на основе описания способов его экспликации в тексте сквозь призму ПФ. В данном исследовании используется *метод концептуального анализа*, понимаемый нами как способ фиксирования и объяснения концептуальной системы носителя языка. Метод концептуального анализа заключается, с одной стороны, в рассмотрении языковых способов выражения концепта (в нашем случае это прецедентность), с другой стороны – в реконструкции концепта и стоящих за ним фрагментов языковой картины мира. Метод концептуального анализа является комплексным, включающим контекстуальный анализ, сравнительные и сопоставительные методы, поэтому он соединяет в себе языковую и культурную семантику слова, что позволяет провести логический анализ концептов естественного языка. *Контекстуальный анализ* осуществляется в двух аспектах: *функциональном*, предполагающем анализ функционирования ПФ в контексте коммуникативной деятельности (медийный дискурс), а также *когнитивном*, опирающемся на основное положение когнитивной лингвистики о том, что при помощи языка мы не описываем мир вокруг себя, а моделируем его. Таким образом, ПФ становится фрагментом этой архитектуры.

Выявленные прецедентные феномены (150 единиц) были собраны для объективности картины методом сплошной выборки.

Источником материала послужили новостные программы (преимущественно заголовки и заголовочные комплексы), реклама телевизионных каналов «РенТВ», «Москва 24», а также соответствующий сегмент медийного дискурса, представленный на информационных дисплеях в поездах московского метрополитена.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования рабочая гипотеза подтвердилась, кроме того, был выявлен ряд *тенденций*, связанных со спецификой функционирования ПФ в медийном дискурсе на фоне глокализации с точки зрения синхронного среза, а также диахронического аспекта.

Проиллюстрируем выявленные тенденции: *Союз нерушимый* как прецедентный текст (ПТ) советской эпохи, стойко ассоциировавшийся в сознании носителя русской (советской) культуры с концептом патриотизма (единства, идентичности), т.е. внутригосударственной реальностью, иллюстрируя *локализацию*, на современном этапе служит в переделанном формате – «*Союз*» *нарушимый* – средством интерпретации политического аспекта межкультурной коммуникации, демонстрируя *глобализацию*. Наполнение бинарной оппозиции *свое – чужое* смещается: сквозь призму *своего* воспринимается любая реальность (*Китай море по колено, оттепель по-корейски и т.д.*) и, напротив, *чужое* становится мерилом *своего* (*Американские горки российского рубля; американские горки или пандус для инвалидов? Спасти рядового Барсика*) и т.д. («Москва 24», 2018). Национальное как *ядро* исходного ПФ, источником которого является «Гимн Советского Союза», становится *периферией*, меняются акценты в процессе функционирования ПТ в новом информативном поле. Речь в сюжете («Москва 24», 2018) идет о корабле «Союз», на борту которого была обнаружена брешь, возникшая в результате человеческих действий, повлекшая разгерметизацию салона, в связи с чем члены экипажа вынуждены были принять решение об изменении планов полета. В новом контексте в ПФ за счет игры слов смысловым ядром становится *разрушение партнерских доверительных отношений* уже в международном формате – а это категория *универсального*, общечеловеческого: конфликтная ситуация не зависит от национальной идентичности. Так формируется *новая когнитивная модель*. *Интолерантность* в данном случае связана с нетерпимостью к нарушению нравственных норм.

Прецедентный текст трактуется как феномен культуры, фрагмент фоновых знаний (от лат. *praecedens* – предшествующий), без которых невозможно понимание современности. Термин «прецедентный текст» (ПТ) впервые прозвучал в 1986 г. в докладе отечественного ученого Ю.Н. Каурова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. В качестве основных критериев прецедентности автор указывает познавательную и эмоциональную значимость, надличностный характер, т.е. распространенность, известность современникам и активность употребления в дискурсе [Кауров, 2007]. В современном научном дискурсе существует целый ряд определений и классификаций прецедентных текстов и феноменов: их объем колеблется от названий произведений и цитат [Когнитивная база, 1997; Кауров, 2007; Слыскин, 2000], образов, мотивов, стилистических приемов [Валгина, 2004] до пословиц, поговорок, имен собственных, антропонимов [Лисоченко, 2007; Журавлева, 2007], а также ситуаций: «идеальная, эталонная» ситуация, сопряженная с определенными коннотациями, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, формируя эффект узнавания [Гудков, 1999, с. 27].

ПФ организует синхронную и диахронную (ср. интерпретация брежневской эпохи в медийном отечественном дискурсе как золотого века, викторианской эпохи или эпохи застоя, совка) внутри- и межкультурную коммуникацию, способствуя формированию или нейтрализации *конфликтных ситуаций* (*свое – чужое*), а также диалог эпох, а значит историческую преемственность, и, следовательно, в сознании потребителя выстраивается логика историко-культурного процесса, формирующая национальную идентичность (*локализацию*), устойчивость к восприятию некачественной информации и в конечном итоге – национальную безопасность. ПФ становится фрагментом текста, вмонтированного в когнитивную структуру личности.

Особенно опасна в этом плане *мнимая толерантность* (как побочный эффект глобализации) в духе *американоцентризма* – *потребительская модель мира* становится тем универсальным, которое нейтрализует национальный компонент. *Черные пятницы* являются неотъемлемым атрибутом *нашей* реальности. Даже реклама детского сада на центральных российских каналах содержит угрозу национальной безопасности, выраженную лингвистическими ресурсами «*Мои дети раньше ходили в обычный детский сад... а теперь мы пошли в наш, круглый... там даже физкульт-*

тура на английском». В этом фрагменте текста через антитезу ПФ *обычный* (читаем: советский, российский) и *наши* (европейский или американский) очевидна пейоративация отечественной системы ценностей как непrestижной. Степень конфликтности таких текстов весьма высока, а сама ситуация представляет открытую угрозу национальной безопасности – девальвация отечественной системы ценностей.

В то же время существуют и другие тексты. Например, реклама фильма «Спасти Ленинград», посвященного годовщине снятия блокады: «*Сегодняшним аришином не измерить подвиг ленинградцев*». ПФ узнаем – строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять, аришином общим не измерить» – и в данном случае является лингвистическим механизмом стабилизации системы ценностных констант (патриотизма, исторической памяти, преемственности поколений), которые укрепляют национальную идентичность и безопасность.

Заключение

На современном этапе проблема изучения национальной безопасности с точки зрения лингвистического аспекта становится наиболее актуальной, приоритетной областью исследований, объектом пристального внимания ученых ([Панарин, 1997; Халеева, 2006; Грицко, 2011] и др.). Стремительно меняющаяся на фоне глобализации картина мира, которая находит отражение в сознании языковой личности, представляет собой вторичное существование объективной действительности и материализуется в языке, объективирующем индивидуальное и массовое сознание, в том числе сквозь призму ПФ. Ментально-языковая корреляция привлекает внимание многих лингвистов. В ходе формирования новой когнитивной парадигмы языковая личность привносит в мир особое взаимодействие «человек – мир», в результате которого видоизменяется гуманитарная картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме «язык – мышление» [Колшанский, 1990, с. 12].

Глобализации общества способствует информатизация, под воздействием которой картина мира кардинально меняется. Новая информационная среда обитания человека создает принципиально новые возможности и новые проблемы, изменяет привычные стереотипы поведения и образ жизни. Все это позволяет говорить о

том, что начался переход человеческого общества на качественно новую ступень своего развития – к информационной цивилизации [Колин, 2002, с. 3].

В условиях современного общества массовая коммуникация задает «однонаправленное информирование, при котором пользователи играют пассивную роль...» [Пищальникова, 2019, с. 212], при этом процесс коммуникации играет важную роль «в распространении представлений, общих для отдельных народов и наций, а с углублением глобализации – гораздо более крупных социально-этнических образований. Стереотипизация общественного сознания под воздействием СМИ, создание общего фонда прецедентных событий и текстов, распространение единых идеологических принципов, ценностей подготовили самый широкий круг сегодняшних участников...коммуникации...» [Пищальникова, 2019, с. 212–213].

Таким образом, в формировании современной когнитивной парадигмы, а также «в эволюции сознания современного человечества можно наблюдать две отчетливо выраженные разнонаправленные тенденции. Одна детерминируется интенсивными процессами глобализации всех сфер человеческой деятельности и проявляется в процессах создания интегративных познавательных структур вербально-авербального характера» [Пищальникова, 2007, с. 152], что способствует «усилению слияния этнокультурных общностей», стиранию национальных границ, формированию *универсального*. На фоне глобализации формируется единое информационное пространство. В то же время происходит унификация сознания, которая предполагает его стандартизацию и создает условия для частичной утраты национального компонента. При этом ПФ становится одним из ведущих способов интерпретации действительности, а СМИ «обладая монополией на информацию, ... задают приоритеты событий, интерпретируют эти события, осуществляя социально преобразующую презентацию реальности» [Клушина, 2008, с. 34].

Так происходит «переключение» народов [Почепцов, 1998]. Один из известных физиков XX в. М. Борн сказал: «Нынешние политические и милитаристические ужасы, полный распад этики – всему этому я был свидетелем на протяжении моей жизни. Если даже род человеческий не будет стерт ядерной войной, он может выродиться в какие-то разновидности оболваненных и бессловесных существ, живущих под тиранией диктаторов и понукаемых с помощью машин и электронных компьютеров» [цит. по: Дубнищева, 2006, с. 9]. Именно поэтому на современном этапе особую зна-

чимость представляют не только научные знания, но и ответственность и мораль (*базовые национальные и универсальные ценности как константы и в то же время интерпретационный конструкт, который формируется в медиином дискурсе и вмонтируется в массовое сознание*), являющиеся предметом изучения большинства гуманитарных наук. Понимание картины мира, объективной действительности – это то, что приподнимает человеческую жизнь над уровнем фарса и придает ей черты высокой трагедии» [Дубнищева, 2006, с. 10–11].

По нашему мнению, в современных исследованиях должны учитываться актуальность и необходимость выявления механизмов коррекции когнитивных процессов языковой личности в эпоху глобализации, которые в диалоге разных культурных кодов позволяют сохранить национальную идентичность и время, избежать межкультурных конфликтов. Интертекстуальность становится ведущей приметой современного медииного дискурса. Эксплицированные языковые модели, реализуемые скриптором, демонстрируют очевидные когнитивные изменения языковой личности. «Нынче мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов <...>, но многомерное пространство <...>; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт, 1989, с. 388].

ПФ затрагивает все ключевые концептосфера карты мира, что подтверждает универсальность этого ресурса как механизма, формирующего новую модель национально-культурных стереотипов, когнитивную и нравственную парадигму. Интерпретации подвергается не столько факт, сколько концепт, при этом необходимо помнить о том, что новый дивный мир встраивается в когнитивные модели сознания: субъект рекламы, пройдя концептуальную стадию (категоризацию) потребителя, становится объектом. Мы получаем новую информационную парадигму, и ее атрибутом может стать десакрализация ценностей, низведение до уровня физиологических явлений, в которых приоритетным является материальное благополучие.

Список литературы

- Барт Р. Избранные труды: семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1989. – 616 с.
Валгина Н.С. Теория текста. – М., 2004. – 280 с.

- Грицко М.И.* Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. – 2011. – № 3 (9), Т. 1. – С. 63–72.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999. – 150 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкоznанию. – М.: Прогресс, 1984. – 452 с.
- Дубницева Т.Я.* Концепции современного естествознания. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
- Дойч К.* Нация и мир // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Празаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 62–75.
- Журавлева Е.А.* Прецедентные тексты начала XXI века. – М., 2007. – 255 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – 264 с.
- Кара-Мурза С.Г.* Национализм как идеология // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – Режим доступа: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/viewFile/61/60> (Дата обращения: 12.07.2019 г.)
- Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полигэтническом государстве / отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – С. 136–137.
- Клушина Н.К.* Интерпретация как стратегия имплицитного убеждения // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2008. – № 4. – С. 34–41.
- Колин К.К.* Информационная цивилизация. – М., 2002. – 112 с.
- Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / *Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – М., 1997. – № 3. – С. 62–75.
- Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
- Лисоченко О.В.* Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: Учеб. пособие для студентов вузов. – Ростов-на-Дону, 2007. – 318 с.
- Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – № 2. – С. 3–9.
- Лурье С.В.* Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 445 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Уч. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – М., 1997. – № 3. – С. 25–40.
- Ощепкова Е.С.* Опыт исследования динамики языкового сознания русских // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯ РАН: РосНОУ, 2006. – С. 210–211.
- Панарин И.И.* Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России: Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1997. – 296 с.
- Пиццальникова В.А.* Национальная специфика концептуальной системы и ее презентация в языке // Горный Алтай и Россия: 240 лет. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» Г-АГУ, 1996. – С. 6–8.
- Пиццальникова В.А.* История и теория психолингвистики: Курс лекций. – М.: МГЛУ, 2007. – Ч. 2: Этнопсихолингвистика. – 200 с.
- Пиццальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкоzнание. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Р. Валент, 2019. – Ч. 1: Учебник для студентов высших учебных заведений. – 480 с.

- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Semantiko_kognitivnyj_analiz_jazyka_2007.pdf (Дата обращения 01.06.2019 г.)
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
- Почепцов Г.Г. Как переключают народы. Психологические/информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. – Киев, 1998. – 249 с.
- Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 50 с.
- Слыскин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М., 2000. – 139 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Уфимцева Н.В. Глобализация и языковое сознание // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. – М.: ИЯ РАН, 2003. – 283 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию / пер. с франц. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
- Фриман У.Дж. Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса // Синергетика и психология. – М.: Когито-Центр, 2004. – С. 13–29.
- Халеева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии наук. – 2006. – Т. 76, № 2. – С. 104–111.
- Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / науч. ред. З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 313 с.

References

- Bart, R. (1989). *Izbrannye trudy: semiotika. Poetika*. Moscow.
- Valgina, N.S. (2004). *Teoriya teksta*. Moscow.
- Gritsko, M.I. (2011). Lingvisticheskaya bezopasnost' – odin iz faktorov bezopasnosti mnogonatsional'noy Rossii. *Idei i idealy*, 3(9), part 1, 63–72.
- Gudkov, D.B. (1999). *Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti*. Moscow.
- Gumbol'dt, V. fon. (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu*. Moscow.
- Dubnischcheva, T.Ya. (2006). *Kontseptsii sovremenennogo yestestvoznaniiya*. Moscow.
- Doych, K. (2000). Natsiya i mir. In: Prazauskas, A.A. (Ed.) *Etnos i politika: khrestomatiya* (pp. 62–75). Moscow.
- Zhuravleva, Ye.A. (2007). *Pretsedentnyye teksty nachala XXI veka*. Moscow.
- Karaulov, Yu.N. (2007). *Russkij jazyk i yazykovaya lichnost'*. Moscow.
- Kara-Murza, S.G. (2014). Natsionalizm kak ideologiya. In: Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye. Retrieved from: www.ogt-journal.com/jour/article/viewFile/61/60

- Kiss, E. (1994). Natsionalizm real'nyy i ideal'nyy. Etnicheskaya politika i politicheskiye protsessy. In: Tishkov, V.A. (Ed.) *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskem gosudarstve* (pp. 136–137). Moscow.
- Kolin, K.K. (2002). *Informatsionnaya tsivilizatsiya*. Moscow.
- Kolshanskiy, G.V. (1990). *Ob'yektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke*. Moscow.
- Bagaev, D.V., Gudkov, D.B., Zakharenko, I.V., Krasnyh, V.V. (1997). Kognitivnaya baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii. *Vestnik MGU*, 3, 62–75.
- Lisochenko, O.V. (2007). *Ritorika dlya zhurnalistov: pretsedentnost' v yazyke i rechi*. Rostov-na-Donu.
- Likhachev, D.S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka. *Izvestiya RAN. SLYa*, 2, 3–9.
- Luriye, S.V. (1997). *Istoricheskaya etnologiya*. Moscow.
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoye posobiye*. Moscow.
- Gudkov, D.B., Krasnykh, V.V., Zakharenko, I.V., Bagayeva, D.V. (1997). Nekotoryye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy. *Vestnik MGU*, 3, 25–40.
- Oshchepkova, Ye.S. (2006). Opyt issledovaniya dinamiki yazykovogo soznaniya russkikh. In: *Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoye soznanie*. Obshchayushchiesya lichnosti. Tezisy dokladov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii (pp. 210–211). Moscow.
- Panarin, I.I. (1998). *Informatsionno-psikhologicheskoye obespecheniye natsional'noy bezopasnosti Rossii*. Moscow.
- Pishchalnikova, V.A. (1996). Natsional'naya spetsifika kontseptual'noy sistemy i ye ye reprizentatsiya v yazyke. In: *Gornyy Altay i Rossiya: 240 let* (pp. 6–8). Gorno-Altaisk: RIO «Univer-Print» G-AGU.
- Pishchalnikova, V.A. (2007). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki: Kurs lektsiy. Etnopsikholingvistika*. Moscow: MSLU.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2019). *Obshcheye yazykoznanie*. Moscow: R. Valent.
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka*. Voronezh.
- Postovalova, V.I. (1988). Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka. In: Serebrenikov, B.A. (Eds.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* (pp. 8–69). Moscow.
- Pocheptsov, G.G. (1998). *Kak pereklyuchayut narody. Psikhologicheskiye / informatsionnye operatsii kak tekhnologii vozdeystviya na massovoye soznanie v XX veke*. Kiyev.
- Privalova, I.V. (2006). *Yazykovoye soznanie: etnokul'turnaya markirovannost' (teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye)*. Moscow.
- Slyshkin, G.G. (2000). *Lingvokul'turnyye kontsepty pretsedentnykh tekstov*. Moscow.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semantichestkiy, pragmatichestkiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Moscow.
- Ufimtseva, N.V. (2003). Globalizatsiya i yazykovoye soznanie. In: *Yazykovoye soznanie. Ustoyavshyesya i spornoye*. Moscow.
- Sossyur de, F. (1977). *Trudy po yazykoznaniyu*. Translated by Kholodovicha, A.A. Moscow.
- Friman, U.Dzh. (2004). Dinamika mozga v vospriyatiu i soznanii: tvorcheskaya rol' khaosa. In: *Sinergetika i psikhologiya* (pp. 13–29). Moscow.
- Khaleyeva, I.I. (2006). Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*, 76(2), 104–111.
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (Eds.) (2002). *Yazyk i natsional'noye soznanie. Voprosy teorii i metodologii*. Voronezh.

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК: 81'23

DOI: 10.31249/epI/2019.02.04

Залипаева Ж.П.

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ИДИОМ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ БИЛИНГВА¹

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
Россия, Брянск, zhanzalp@gmail.com*

Аннотация. В статье говорится о различных стратегиях идентификации идиом с темпоральным значением в сознании билингва, владеющего русским и французским языками, приводятся первые результаты анализа экспериментального исследования, проведенного с русскоязычными и франкоговорящими студентами 1–5 курсов факультета иностранных языков. Идентификация темпоральных идиом рассматривается как процесс, осуществляющийся на разных уровнях переработки информации с применением различных способов понимания индивидом мира.

Ключевые слова: идиома; темпоральное значение; индивидуальный лексикон; билингвы; ассоциативный эксперимент; метод субъективного дефинирования; стратегии идентификации; психолингвистика.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Залипаева Ж.П., 2019

Zalipaeva Z.P.

**Strategies of Temporal Idiomatic Expressions Identification
in a Bilingual's Individual Vocabulary**

*Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Russia, Bryansk, zhanzalp@gmail.com*

Abstract. The paper deals with different strategies of identifying idiomatic expressions with temporal meaning in the consciousness of a bilingual who has a good command of two languages: Russian and French. The paper presents the findings of the research, carried out with the students of all years of studying at the department of foreign languages. Identification of temporal idiomatic expressions is defined as processing of information on different levels with the use of diverse methods of world perception by an individual.

Keywords: idiomatic expression; temporal meaning; individual vocabulary; bilinguals; association experiment; method of subjective defining; strategies of identification; psycholinguistics.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Идентификация темпоральных идиом относится к обязательным компонентам их функционирования в индивидуальном лексиконе. Идентификация связана с процессом понимания посредством моделирования операций и механизмов, ведущих к перцептивному восприятию, поиску в памяти и решению когнитивных задач [Сазонова, 2000, с. 7]. В качестве рабочего определения понятия «стратегия» мы будем использовать следующую definicino: стратегия – это «некая последовательность навыков, используемая для достижения цели» [Арзамасцева, 2014, с. 91]. Мы рассматриваем субъективные дефиниции, традиционно опираясь на формальную (лингвистическую) и содержательную (смысловую) сторону. Основные идентификационные средства идиом существенно отличаются от аналогичных средств, отражающих особенности функционирования в индивидуальном лексиконе свободных лексических единиц. Исследователи выделяют универсальные стратегии идентификации и стратегии, специфические для фразеологических единиц [Залевская, 2007; Шумилина, 1996,

Шумилина, 1997]. Идентификация также зависит от разной степени идиоматизированности и лингвокультурных особенностей [Арзамасцева, 2014].

К универсальным стратегиям опознания слова индивидом, по А.А. Залевской, относятся: 1) соотнесение с близкой по значению единицей лексикона (симиляром); 2) отнесение к классу (подведение под более общее понятие – суперординату); 3) иллюстрирование примером; 4) уточнение через атрибут; 5) противопоставление; 6) уточнение через субъект / объект; 7) уточнение через адвербальную характеристику [Залевская, 1981]. О.С. Шумилина рассматривает этот набор стратегий применительно к фразеологическим единицам английского языка, дополняя их и выделяя, помимо названных, идентификационные стратегии, специфичные для фразеологии: 1) контекстуальная субSTITУЦИЯ; 2) идентификация от противного; 3) десимволизация; 4) межъязыковая координация; 5) компонентное членение; 6) компонентная замена; 7) буквализация значения [Шумилина, 1997].

Опираясь на исследования предшественников, в нашей работе мы уделим внимание особенностям идентификации идиом билингвами, акцентируясь на представлении испытуемых о темпоральности на примере русских и французских идиом.

Методика исследования

В ходе проведения эксперимента испытуемым было предложено ответить на вопрос: «Что, по Вашему мнению, означают указанные ниже выражения?» В бланке 1 указаны пять французских темпоральных идиом, в бланке 2 – восемь, в бланке 3 – десять, в бланке 4 – 13; общее количество темпоральных идиом – 36. Идиомы были отобраны методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников [Гак, Ганшина, 2006; Кумлева, 2011], основной критерий выбора – наличие общей темпоральной семантики, что выявлялось по словарной дефиниции методом компонентного анализа, либо компонентов идиомы со значением времени. Ограничений на количество возможных дефиниций стимулов и язык реагирования не было. В эксперименте приняли участие носители русского языка, изучающие французский язык, и носители французского языка Африки, изучающие русский язык; в общей сложности 137 человек. По окончании эксперимента было зарегистрировано 1148 субъективных дефиниций.

Отметим, что отобранные идиомы впервые рассматриваются в аспекте их функционирования в индивидуальном лексиконе билингва. Они, однако, хорошо знакомы носителям русского и французского языков, поскольку активно употребляются в разговорной и художественной речи, а также в учебниках и справочных изданиях по фразеологии.

Результаты исследования

В ходе анализа результатов эксперимента можно назвать следующие стратегии, используемые испытуемыми при идентификации темпоральных идиом.

Универсальные стратегии идентификации

1. *Мотивирующая стратегия* – в субъективной дефиниции содержится какой-либо компонент исходной темпоральной идиомы или слова одного с ним корня. Как известно, идиомы, в частности фразеологические единства, отличаются высокой метафоричностью, вследствие чего набор их компонентов, обобщаясь, приобретает особое фразеологическое значение *Au temps où Berthe filait* букв. ‘время, когда королева Берта пряла пряжу (VIII в.)’, перен. ‘в незапамятные времена, при царе Горохе’. При анализе результатов мы учитывали эти две стороны фразеологической единицы и включали в данный вид стратегии субъективные дефиниции с упоминанием буквальных компонентов и компонентов непосредственно фразеологического значения. Примеры подобных единиц: *A demain les affaires sérieuses* (букв. ‘на завтра серьезные вещи’, перен. ‘не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня’) – оставлять на завтра (1); завтра всё будет серьезней (5); *Au temps où Berthe filait* (букв. ‘время, когда королева Берта пряла пряжу (VIII в.)’, перен. ‘в незапамятные времена, при царе Горохе’) – погода, когда Берта (3).

Наиболее частотными являются субъективные дефиниции, включающие в свой состав субстантивный компонент исходной темпоральной идиомы: *L'âge ingrate* (‘переходный возраст’) – переходный возраст (7); неблагоприятный возраст (4); трудный возраст (2); преклонный возраст (2); игривый возраст (1); пубертат-

ный возраст (1); противоречивый возраст (1); *Mangeur de temps* ('докучливый человек, из-за которого теряешь время') – тратящий время впустую (14); время летит вспять (1); время еды (1); то, что занимает много времени (1); *Du temps qu'on se mouchait sur la manche* (букв. 'время, когда сморкались в рукав', перен. 'в доброе старое время; в былые времена') – утекающее время (12); во времена далекие, когда вытирались рукавом (1); потерянное время (1).

На втором месте находятся субъективные дефиниции, включающие в свой состав адъективный компонент исходной темпоральной идиомы: *Age d'or* ('золотой век') – золотой век (11); золотой возраст (1); золотое время (1); *De vieille souche* ('быть старой закалки') – из старого рода (9); старый пень (4); взяться за старое (1). В последнем случае мы видим субстантивацию прилагательного, что позволяет говорить, что дефиниция, построенная на адъективном компоненте, всё же стремится к общей статистической закономерности, выявленной в этой части эксперимента.

На третье место можно поставить субъективные дефиниции, включающие в свой состав адвербальный компонент, связанный с исходной темпоральной идиомой: *La nuit, tous les chats sont gris* ('ночью все кошки серы') – ночью все на одно лицо (1); ночью все одинаковые (1); ночью все равны (1); ночью так темно, что ничего не различить (1); *Aujourd'hui en chère et demain en bière* (букв. 'сегодня с хорошей едой, а завтра в гробу', перен. 'сегодня густо, а завтра пусто; сегодня жив, а завтра жил') – сегодня хорошо, а завтра лучше (11); сегодня богат, завтра беден (1); сегодня всё, завтра ничего (1); сегодня пировать, а потом экономить (1); сегодня работать, а завтра отдых (1).

Субъективные дефиниции, включающие в свой состав глагольный компонент исходной темпоральной идиомы, являются наименее частотными: *Faire la grasse matinée* (букв. 'делать жирное утро', перен. 'проспать целое утро; долго валяться, нежиться в постели по утрам' разг.) – долго спать (1); плотно поспать с утра (1); спать допоздна (1); *Être tendance* ('быть в русле современных тенденций') – быть в моде (5); быть в тенденции (1); быть в тренде (1).

Такой формальный подход реализуется не во всех случаях: в субъективной дефиниции некоторых идиом он отсутствует во все, – однако он позволяет предположить, что функционирование темпоральных идиом в индивидуальном лексиконе человека опирается в первую очередь на предметность понятий и их признаковость, а не на процессуальность.

2. *Прямая дефиниция* – субъективная дефинициядается посредством подбора сочетания слов с буквальным значением, соответствующим темпоральной идиоме: *À Pâques ou à la Trinité* – от Пасхи до Троицы (2); *Mangeur de temps* – пожиратель (поглотитель) времени (6); *À l'aube* – на рассвете (6).

Необходимо заметить, что у носителей французского языка Африки эта стратегия не оказалась самой актуальной: испытуемые большей частью стремились придерживаться в дефинировании рамок, обозначенных такими признаками идиомы, как образность, семантическая слитность и мотивированность значения.

3. *Категоризация* – субъективная дефиниция темпоральной идиомыдается через глагол-идентификатор. Мы уже предположили, что отношения процессуальности при функционировании темпоральных идиом отодвигаются на второй план, и стратегия категоризации это подтверждает: дефиниции-глаголы были использованы для семи идиом из экспериментального списка: *Mener tambour battant* (а. ‘действовать быстро, энергично, не давая кому-л. опомниться’; б. ‘делать что-л. открыто, на глазах у всех’, разг.) – созывать (1); *Mettre sous le coude* (‘положить под сукно’ разг.) – спрятать (1); *L'appétit vient en mangeant* (‘аппетит приходит во время еды’) – *S'habituer* (‘привыкать’) (2); *La nuit, tous les chats sont gris* (‘утро вечера мудренее’) – *Réflechir* (‘размышлять’) (2); *Faire la grasse matinée* (букв. ‘делать жирное утро’, перен. ‘проспать целое утро; долго валяться, нежиться в постели по утрам’, разг.) – высыпаться (1); лениться (1); понежиться (1); поспать (1); *Entre chien et loup* (букв. ‘между собакой и волком’, перен. ‘в сумерках’) – входить (1); *Faire de la bouillie pour les chats* (букв. ‘варить кашу для кошек’, перен. ‘попусту тратить время, зря стараться’) – угождать кому-либо (1).

4. *Стратегия конкретизации через синоним / симилляр* – субъективная дефиниция темпоральной идиомы строится через подбор синонима-узуального фразеологизма без авторской трансформации: *Passer l'éponge* (а. ‘стереть (написанное, нарисованное)’; б. ‘предать забвению, забыть, простить’) – кто старое помянет, тому и глаз вон (3); *Être tendance* (‘быть в русле современных тенденций’) – быть в моде (5); идти в ногу со временем (1); *Passer à la trappe* (‘быть вычеркнутым из памяти’) – кануть в небытие (3).

Трансформация идиомы в рамках этого типа стратегии была незначительной. Мы можем выделить следующие ее разновидности;

1) синонимическая замена компонента, близкая лексической вариантности фразеологизма: *main...* (‘добавлять последний штрих к чему-л. перен.’; ‘заканчивать что-л.’) – нанести последний штрих (1);

Dans l'antiquité ('в древности', перен. 'в стародавние времена') – в древние времена (1); *Au temps où Berthe filait* (букв. 'время, когда королева Берта пряла пряжу (VIII в.)', перен. 'в незапамятные времена, при царе Горохе') – в старые времена (1); в то время (1);

2) замена компонента на однокоренное слово: *Le vie est le médecin de la mélancolie* (букв. 'жизнь – это врач меланхолии', перен. 'время лучший лекарь') – время – лучшее лекарство (1);

3) исключение глагола из структуры дефиниции: *De vieille souche* ('быть старой закалки') – старой закалки (4); *Turner à la vieille fille* ('превращаться в старую деву') – старая дева (10).

В единичном случае синоним дополняется культурологическим пояснением: *L'appétit vient en mangeant* ('аппетит приходит во время еды') – *François Rabelais «Patagruel»* – *la sois va en buvant* ('Франсуа Рабле «Пантагрюэль» – жажда приходит, когда пьешь').

5. *Метафоризация* – создание окказиональной или воспроизведение узуальной метафоры, в структуре которой используются лексемы в различных типах переносного значения: *L'appétit vient en mangeant* ('аппетит приходит во время еды') – *C'est à force de forger on devient forgeron* ('дело делу учит') (1); *Tous les jours de chasse ne sont pas les jours de prise* (букв. 'все дни охоты не всегда дни добычи', перен. 'не всё кату масленица, будет и великий пост') – и падения, и взлеты (1); *La nuit porte conseil* (букв. 'ночь приносит совет', перен. 'утро вечера мудренее') – ночь открывает двери советам (2).

Некоторые метафоры представляют собой видоизмененную исходную идиому с заменой одного из ее компонентов: *Le vie est le médecin de la mélancolie* (букв. 'жизнь – это врач меланхолии', перен. 'время лучший лекарь') – время лечит (2); *Age d'or* ('золотой век') – золотое время (1).

6. *Идентификация* значения через объект может быть представлена следующими примерами: *Faire de la bouillie pour les chats* (букв. 'варить кашу для кошек', перен. 'попусту тратить время, зря стараться') – *Quelque chose qui n'aura pas d'utilité* (что-то, что никогда не будет полезным (нужным) (1)); *Dans l'antiquité* ('в древности', перен. 'в стародавние времена') – что-то старое (1); *Tous les jours de chasse ne sont pas les jours de prise* (букв. 'все дни охоты не всегда дни добычи', перен. 'не всё кату масленица, будет и великий пост') – что-то может не получиться, даже после долгой работы (1).

По нашим наблюдениям, такая дефиниция встречается шесть раз, причем два из них отражают понимание семантики идиомы, отличное от лексикографического.

7. *Приписывание признака действию или понятию, обозначаемому темпоральной идиомой.* В субъективных дефинициях подобного плана используются признаковые слова, в частности наречия. Например: *Faire la grasse matinée* (букв. ‘делать жирное утро’, перен. ‘проспать целое утро; долго валяться, нежиться в постели по утрам’ разг.) – подниматься поздно (1); спать допоздна (1); медленно вставать (1); медленно просыпаться (1); *Se lever tard dans la matinée ou après l'heure habituelle* (‘вставать поздно утром, не в привычное время’) (1); *Se lever tard dans la matinée* (‘вставать поздно утром’) (1); *Mener tambour battant* (а. ‘действовать быстро, энергично, не давая кому-л. опомниться’; б. ‘делать что-л. открыто, на глазах у всех’, разг.) – быстро делать что-л. (2).

8. *Иллюстрация примером* используется в тех случаях, когда испытуемые претерпевают трудности с вербализацией значения идиомы и обращаются к описанию ситуации, где она может использоваться. Такая дефиниция не является актуальной, она встречается только один раз в реакции студента, для которого родным языком является французский Африки: *Du temps qu'on se mouchait sur la manche* (букв. ‘время, когда сморкались в рукав’, перен. ‘в добре старое время; в былые времена’) – *quand nous enfants* (‘когда мы были детьми’).

9. *Стратегия отказа от дефиниции* реализовывалась в тех случаях, когда идиома оказывалась незнакомой испытуемому, и составила 138 случаев у 95 испытуемых при работе со списком из 25 идиом (6%). Наибольшее затруднение вызвала идиома *Du temps qu'on se mouchait sur la manche* (букв. ‘время, когда сморкались в рукав’, перен. ‘в добре старое время; в былые времена’) – 24 случая.

Стратегии, характерные для идиом

1. *Десимволизация* предполагает обращение испытуемого к субъективным дефинициям, которые представляют собой лексемы или их сочетания, относящиеся к семантическому полю, в ядро которого входит темпоральная идиома. В нашем случае реакции были большей частью связаны с тематическими группами, касающимися различных сторон представленных в списке идиом:

а) формальная сторона, когда дефиниция ассоциативно связана с компонентами идиомы и затрагивает буквальное значение: *L'appétit vient en mangeant* ('аппетит приходит во время еды') – *La cuisine* ('кухня') (1); *Le goût* ('вкус') (1); буфет (1); вкус (1); ресторан (1); сидеть на диете (1); спагетти (1); сыр (1) (дефиниции обусловлены компонентом идиомы «еда»); *La nuit, tous les chats sont gris* ('ночью все кошки серы') – *L'obscurité* ('сумрак', 'темнота') (1) (дефиниция обусловлена компонентом «ночью»); *À l'aube* (букв. 'на рассвете', перен. 'на пороге') – *Le soleil* ('солнце') (1) (дефиниция обусловлена компонентом «рассвет»); *À Pâques ou à la Trinité* (букв. 'на Пасху или на Троицу', перен. 'никогда; после дождичка в четверг') – *Jésus Christ* ('Иисус Христос') (1) (дефиниция обусловлена компонентами-мифонимами);

б) содержательная сторона, когда дефиниция затрагивает фразеологическое значение: *La nuit porte conseil* ('утро вечера мудренее') – *méditation* (медитация) (1) (дефиниция обусловлена значением 'лучше отложить что-л. до утра следующего дня (так как решение на свежую голову правильнее, разумнее)' [Словарь многих выражений]); *A demain les affaires sérieuses* (букв. 'на завтра серьёзные вещи', перен. 'не откладывай назавтра то, что можешь сделать сегодня') – лень (1) (дефиниция обусловлена значением 'следует преодолеть лень и сделать работу сразу' [Белянин, Бутенко, 1994]);

в) сторона, связанная с сугубо индивидуальным ассоциативным рядом индивида: *La nuit, tous les chats sont gris* 'ночью все кошки серы' – *Un film* ('фильм') (1); *Dans l'antiquité* 'в древности', перен. 'в стародавние времена' – *La philosophie* ('философия') (1); *Gaulois* 'галлы' (1); статуя (1); тайна (1); фильмы (1).

2. *Стратегия конкретизации через синоним-лексему* связана с подбором субъективной дефиниции через синонимичное фразеологическому значению слово. Эта стратегия особенно интересна в рамках нашего исследования, поскольку одним из ведущих признаков идиомы является ее эквивалентность слову. Испытуемые обращались к этой стратегии довольно часто, что говорит о специфике функционирования идиом в индивидуальном лексиконе человека в связи с особенностями их природы: *À l'aube* (букв. 'на рассвете', перен. 'на пороге') – *Au commencement* 'в начале' (2); *Quand les poules auront des dents* 'когда рак (на горе) свистнет' – никогда (3); *La nuit, tous les chats sont gris* ('ночью все кошки серы') – сумрак (4); *À l'aube* букв. 'на рассвете', перен. 'на пороге' – рано (4); утро (4).

Дефиниция, не отражающая верное понимание значения идиомы, возможна при непонимании ее семантики в том случае, когда фразеологизм не знаком испытуемому, в таком случае осуществляется ее дефинирование с опорой на корреляты-буквализмы. *Du temps qu'on se mouchait sur la manche* (букв. ‘время, когда сморкались в рукав’; перен. ‘в добре старое время; в былые времена’) – *maladroiteme* ‘неловко, неумело’ (1); *stupidelement* ‘глупо’ (1). Такая дефиниция, возможно, отражает причинно-следственные связи с опорой на буквальное значение: сморкаться в рукав – это неверно, неправильно, не отражает правил поведения. *Entre chien et loup* букв. ‘между собакой и волком’, перен. ‘в сумерках’ – злой (1). Полагаем, в этом случае вербальной опорой для субъективной дефиниции так же, как и в предшествующем случае, служит коррелят-буквализм: анимализм волк в русском языковом сознании наделяется отрицательной коннотацией. *À Pâques ou à la Trinité* букв. ‘на Пасху или на Троицу’, перен. ‘никогда; после дождичка в четверг’ – *un jour peut-être* ‘когда-нибудь, может быть’ (1). Абсолютное отрицание реализации какого-либо действия в лексикографическом значении идиомы заменяется в субъективной дефиниции его возможностью в неизвестном будущем.

3. *Межъязыковая координация*, при которой в процессе дефинирования подбирается фразеологизм-эквивалент, верно или ошибочно репрезентирующий значение предложенной идиомы.

Примеры верного дефинирования связаны в первую очередь с переводом идиомы с французского языка на русский, и не буквальным, а с учетом фразеологического переосмыслинного значения: *Age d'or* ‘золотой век’ – золотой век (11); *Retomber en enfance* ‘впадать в детство’ – впадать в детство (20); *L'appétit vient en mangeant* ‘аппетит приходит во время еды’ – аппетит приходит во время еды (7); *La nuit porte conseil* ‘утро вечера мудренее’, ‘хвали утро вечером’ – утро вечера мудренее (1); *Quand les poules auront des dents* ‘когда рак (на горе) свистнет’ – когда рак на горе свистнет (22); *Le temps, c'est de l'argent* ‘время – деньги’ – время – деньги (20). Точная идентификация некоторых идиом, возможно, связана с тем, что они представляют собою кальки.

Выбор эквивалента может сопровождаться трансформацией структуры и состава исходной идиомы. Это может быть изменением предлога (*L'appétit vient en mangeant* ‘аппетит приходит во время еды’ – аппетит приходит до еды (1)) или заменой грамматической формы одного из компонентов, например, прила-

гательного (*La nuit, tous les chats sont gris* ‘ночью все кошки серы’ – *ночью все кошки серые* (3)).

В отдельных случаях дефиниция может включать в себя подробное объяснение, касающееся и буквального значения идиомы, и фразеологического: *Entre chien et loup* букв. ‘между собакой и волком’, перен. ‘в сумерках’ – *qu’on a du mal à distinguer un chien d’un loup (à la tombée du jour)* ‘когда сложно отличить собаку от волка’, ‘с наступлением сумерек’ (1); *Ne pas avoir le temps de compter jusqu’à trois* (букв. ‘не иметь времени сосчитать до трех’, перен. ‘быстро; глазом не успел моргнуть’) – не успеешь и до трех досчитать (1); не успеть сосчитать до трех (1), где «не успеешь» и «не успеть» репрезентирует сему фразеологического значения ‘быстро’, а компоненты «до трех досчитать» и «сосчитать до трех» отражают буквальное значение.

4. *Идентификация через дефиницию, не являющуюся фразеологизмом.* Это дефиниция, либо наиболее приближенная к словарной, либо с опущенными испытуемыми семемами и семами, либо «скжатая» до одного слова-компоненты идиомы. Можно предположить, что такое дефинирование связано с принципом языковой экономии, характерным для разговорной речи, а также с тем, что в индивидуальном лексиконе человека значение идиомы может храниться, отражая общее представление об устойчивом сочетании, в некоторых случаях, сокращаясь до одного ключевого понятия.

Примеры реализации такой стратегии: *Être tendance* ‘быть в русле современных тенденций’ – быть в моде (5) (полная дефиниция); быть в тенденции (1) (выпадение нескольких сем из дефиниции); тенденция (3) (сокращение до одного ключевого слова в дефиниции); *Tourner à la vieille fille* ‘превращаться в старую деву’ – старая дева (10) (происходит выпадение процессуальной семы); *La nuit porte conseil* ‘утро принесет совет’ – *réfléchir à tête reposée pour trouver une solution* ‘размышлять на отдохнувшую голову, чтобы принять правильное решение’; *La nuit, tous les chats sont gris* ‘ночью все кошки серы’ – *Tout est pareil* ‘всё одинаковое’ (1).

Субъективная дефиниция, помимо приближенной к верной трактовке, может передавать субъективное отношение к понятию, репрезентированному данным фразеологизмом через оценочное слово: *Faire la grasse matinée* букв. ‘делать жирное утро’, перен. ‘проспать целое утро; долго валяться, нежиться в постели по утрам’ разг. – медленно вставать (1); медленно просыпаться (1); устроить хорошее утро (1). В последней дефиниции находит реализацию

субъективное отношение к понятию, выраженному фразеологическим значением (выспаться, долго валяться в постели – это хорошо).

5. *Идентификация через субъективное отношение индивида к понятию, репрезентируемому идиомой.* Эта стратегия была выделена с опорой на типологию М. Патсиса, который говорил об использовании «экспрессивных выражений по принципу близости к самому себе как личности» [Патсис, 2004, с. 95]. Дефиниции такого плана связаны с отражением собственного мнения испытуемого по поводу буквального или фразеологического значения, вместо точного определения понятия: *À Pâques ou à la Trinité* (букв. ‘на Пасху или на Троицу’, перен. ‘никогда; после дожичка в четверг’) – *en effets, les dates de la Pâques ou de la Trinité sont connus* ‘на самом деле, даты Пасхи и Троицы хорошо известны’; *Tous les jours de chasse ne sont pas les jours de prise*, (букв. ‘все дни охоты не всегда дни добычи’, перен. ‘не всё кату масленица, будет и великий пост’) – *ce n'est pas toujours qu'on peut avoir qch* ‘не каждый день можно что-то получить, чего-то добиться’ (1); *La nuit porte conseil* ‘утро вечера мудренее’, ‘хвали утро вечером’ – *Pas toujours* (не всегда) (1); *La nuit, tous les chats sont gris* ‘ночью все кошки серы’ – правда (1); смотря какая ночь (1); *L'appétit vient en mangeant* ‘аппетит приходит во время еды’ – это неправда (1).

Необходимо отметить, что в ряде случаев классификация стратегий субъективных дефиниций была связана для нас с определенными трудностями, что можно объяснить многоплановостью идиомы с учетом ее структуры, возможной трансформации, буквального и фразеологического значения. В этом случае мы придерживались принципов когнитивной интерпретации З.Д. Поповой и И.А. Стернина, опирающейся на логический, вероятностный критерий, принцип аналогии и дополнительной верификации ассоциативной связи [Попова, Стернин, 2007, с. 268]. Кроме того, некоторые субъективные дефиниции могли совмещать несколько стратегий, что тоже учитывалось при подсчете результатов.

Полученные в ходе исследования данные представлены в таблице, где отражены стратегии идентификации темпоральных идиом, используемые билингвами – носителями русского языка (БР) и билингвами – носителями французского языка Африки (БФА) в ходе проведения данного экспериментального исследования.

Стратегии идентификации

Таблица

Универсальные стратегии идентификации	БР (297 реакций)	БФА (229 реакций)
Мотивирующая стратегия	15%	13%
Прямая дефиниция	6%	0,9%
Категоризация	5%	1,3%
Конкретизация через синоним / симилляр	4,8%	0,4%
Метафоризация	3%	0,4%
Идентификации значения через объект	0,7%	2,1%
Приписывание признака действию или понятию	2%	3%
Иллюстрация примером	0%	0,4%
Отказ от дефиниции	26%	11%
Стратегии, характерные для идиом		
Десимволизация	9%	4%
Конкретизация через синоним-лексему	5%	4%
Межъязыковая координация	54%	3%
Идентификация через дефиницию, не являющуюся фразеологизмом	9%	33%
Идентификация через субъективное отношение индивида к понятию, препрезентируемому идиомой	0,7%	2,1%

Заключение

Как показывает статистика, при процессе дефинирования наиболее актуальными являются стратегии, характерные для идиом, что обусловлено природой фразеологизма. В числе универсальных стратегий идентификации у билингвов – носителей французского языка Африки самой частотной можно назвать отказ от дефиниции, что большей частью объясняется незнанием идиом из предложенного списка. У билингвов – носителей русского языка эта стратегия представлена почти вдвое реже, можно предположить, что носители французского языка знакомы с этими идиомами, используют их в речи. Наибольшее расхождение результатов у носителей русского и французского языков наблюдается при идентификации посредст-

вом прямой дефиниции, конкретизации через синоним / симиляр и метафоризации: больший процент дефиниций принадлежит билингвам – носителям русского языка. Мы объясняем это тем, что представленные для анализа идиомы не относятся к родному языку, следовательно, не входят в индивидуальный лексикон в своем исходном виде, а требуют определенного механизма переработки.

Этой же причиной, как нам думается, можно объяснить значительное расхождение в обращении к межъязыковой координации и идентификации через дефиницию, не являющуюся фразеологизмом, в числе стратегий, специфических для идиом: если билингвы – носители русского языка стремятся подобрать идиоматический эквивалент, то билингвы – носители французского языка Африки при работе с французскими фразеологизмами, входящими в их родной язык, большей частью обращаются не к подбору русского синонима, а к объяснению его значения через свободные словосочетания.

Список литературы

- Арзамасцева Н.Ю.* Специфика функционирования фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): Дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2014. – 211 с.
- Белянин В.П., Бутенко И.А.* Словарь разговорных выражений. – М., 1994. – Режим доступа: <https://livespeak.academic.ru/> (Дата обращения: 10.02.2019 г.)
- Гак В.Г., Ганишина К.А.* Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 2006. – 1150 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 558 с.
- Залевская А.А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 28–45.
- Кумлева Т.М.* Самая современная фразеология французского языка. – М.: АСТ, 2011. – 182 с.
- Патрис М.* Специфика ассоциативного поля слова в греческом языке // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 91–98.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Сазонова Т.Ю.* Моделирование процессов идентификации слова человеком: Психолингвистический подход. – Тверь: ТвГУ, 2000. – 134 с.
- Словарь многих выражений.* – Режим доступа: http://all_words.academic.ru (Дата обращения: 10.02.2019 г.)

Шумилина О.С. Модели переработки идиом носителями языка и их экспериментальная проверка // Актуальные проблемы психолингвистики: Слово и текст. – Тверь: ТвГУ, 1996. – С. 43–51.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц: На материале английского глагола, фразеологизмов с соматическими компонентами: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1997. – 173 с.

References

- Arzamasceva, N.Yu. (2014). *Specifika funkcionirovaniya frazeologicheskikh edinic v individual'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie)* (Unpublished Doctoral dissertation). Kursk.
- Belyanin, V.P., Butenko, I.A. (1994). *Slovar' razgovornyh vyrazhenij*. Moscow. Retrieved from <https://livespeak.academic.ru>
- Gak, V.G., Ganshina, K.A. (2006). *Novyyj francuzsko-russkij slovar'*. Moscow, Russkij jazyk.
- Zalevskaya, A.A. (2007). *Vvedenie v psiholingvistiku*. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t.
- Zalevskaya, A.A. (1981). O kompleksnom podhode k issledovaniyu zakonomernostej funkcionirovaniya jazykovogo mekhanizma cheloveka. In: *Psiholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki* (pp. 28–45). Kalinin, KGU.
- Kumleva, T.M. (2011). *Samaya sovremennaya frazeologiya francuzskogo jazyka*. Moscow, AST.
- Patsis, M. (2004). Specifika associativnogo polya slova v grecheskom jazyke. *Voprosy psiholingvistiki*, 2, 91–98.
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. Moscow, ACT: Vostok-Zapad.
- Sazonova, T.Yu. (2000). *Modelirovaniye processov identifikacii slova chelovekom: Psiholingvisticheskij podhod*. Tver', TvGU.
- Slovar' mnogih vyrazhenij*. Retrieved from http://all_words.academic.ru
- Shumilina, O.S. (1996). Modeli pererabotki idiom nositelyami jazyka i ih eksperimental'naya proverka. In: *Aktual'nye problemy psiholingvistiki: Slovo i tekst* (pp. 43–51). Tver', TvGU.
- Shumilina, O.S. (1997). *Strategii identifikacii inoyazychnyh frazeologicheskikh edinic: Na materiale anglijskogo glagola, frazeologizmov s somaticheskimi komponentami* (Unpublished Doctoral dissertation). Tver'.

Афанасик Д.А.

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ
СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ДИНАМИКИ
КОНЦЕПТОВ «БРАК / MARRIAGE»¹**

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации,
Россия, Москва, dafanasik98@mail.ru*

Аннотация. Главной темой данной статьи стало сопоставление концептов «брак / marriage» и выявление их роли и влияния на русскую и американскую лингвокультуры. Предметом исследования выступают особенности структуры и динамики концептов на фоне быстроизменяющихся общественных ценностей. В качестве методов использовались отбор текстовой информации, проведение анкетирования и сопоставление. По итогам работы был выявлен упадок базовой ценности и обеих лингвокультур, однако существует разница в снижении ее влияния среди представителей русского этноса, в отличие от американцев.

Ключевые слова: лингвокультура; ассоциат; респондент; ассоциативное поле; эксперимент; концепт; сема.

Поступила: 16.07.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Афанасик Д.А., 2019

Afanasik D.A.

**Comparative Analysis of the Structural Features and Dynamics
of Concepts «Brak / Marriage»**

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Russia, Moscow, dafanasik98@mail.ru*

Abstract. The focus of this paper is the comparison of the concepts «brak / marriage» and the identification of their role and influence on the Russian and the American linguistic culture. The subject of the research relates to the features of the structure and dynamics of the concepts given rapidly changing social values. The methods include selection of textual information, questionnaires and comparisons. The findings of the research suggest that there has been a decline of the base value in both linguistic cultures, however, there is a certain inconsistency in how it has degraded observed in the representatives of the Russian ethnos, in contrast to Americans.

Keywords: linguaculture; associate; respondent; associative field; experiment; concept; seme.

Received: 19.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Изучение американской лингвокультуры обосновано необходимостью понимания мотивов действия американцев и их культуры в общем. В частности анализ содержания базовых ценностей выстраивает перед нами целостную картину мировосприятия и как следствие мироотображения. Научная новизна работы состоит в рассмотрении состава семантических компонентов концептов *брак / marriage*, в анализе процесса переструктурации концепта *брак*. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, значимостью брака как важного социального института в большинстве современных культур и необходимостью установления его специфики в этих культурах, с другой – важностью установления специфики концепта как междисциплинарной единицы научного анализа, не получившей пока единообразного толкования в современной лингвистике. Цель работы – экспериментально установить структурно-содержательную специфику концептов, обозначенных лексемами *брак / marriage*, на основе сопоставительного анализа их ассоциативных полей (далее АП).

Методика исследования

В качестве методов исследования были выбраны метод филологического чтения, метод контекстуального анализа, метод статистического подсчета, перевод, метод компонентного анализа, сопоставительный анализ. При исследовании содержания и структуры концепта *marriage* были использованы американские толковые словари, данные американского Национального корпуса и американская современная художественная литература. Дефиниционный анализ лексемы проводился на основе одних из самых распространенных и полных тезаурусов: The American Heritage Dictionary of the English Language и The Merriam-Webster Dictionary.

Результаты исследования

Для изучения семантического состава лексемы *marriage* были использованы современные толковые словари английского языка, выпущенные в США: The American Heritage Dictionary of the English Language и The Merriam-Webster Dictionary. Были выбраны именно эти материалы, так как они являются одними из распространенных и надежных тезаурусов американского варианта английского языка.

MARRIAGE 1. [The Merriam-Webster Dictionary – эл. ресурс]

a: the state of being united as spouses in a consensual and contractual relationship recognized by law

b: the mutual relation of married persons: WEDLOCK

c: the institution whereby individuals are joined in a marriage

2: an act of marrying or the rite by which the married status is effected *especially*: the wedding ceremony and attendant festivities or formalities

3: an intimate or close union: the *marriage* of painting and poetry.

MARRIAGE 1. [The American Heritage Dictionary – эл. ресурс]

a: A legal union between two persons that confers certain privileges and entails certain obligations of each person to the other, formerly restricted in the United States to a union between a woman and a man.

b: A similar union of more than two people; a polygamous marriage.

c: A union between persons that is recognized by custom or religious tradition as a marriage.

d: A common-law marriage.

e: The state or relationship of two adults who are married: *Their marriage has been a happy one.*

2: A wedding: *Where is the marriage to take place?*

3: A close union: «*the most successful marriage of beauty and blood in mainstream comics*» (Lloyd Rose).

4: *Games*. The combination of the king and queen of the same suit, as in pinochle.

Были выделены следующие семы: union / state of being united (союз), legal / by law (законный), relationship of people (взаимоотношение), wedding (свадьба). Определение «marriage» как «close union» (тесный союз) не несет в себе прямого значения, выражая, например, тесный союз живописи и поэзии, как указано в одном из словарей.

Помимо прочего, The Merriam-Webster Dictionary в одном из значений указывает на брак как на институт, в рамках которого связаны люди. The American Heritage Dictionary выделяет следующие специфические определения: 1) союз более чем двух людей, т.е. полигамный брак; 2) брак, признанный обычаем или религиозной традицией; 3) гражданский брак; 4) комбинация в игральных картах.

Таким образом, в американских толковых словарях выражена омонимия лексем *marriage 1* и *marriage 2*. На схеме соотношение концептуальных сем слова *marriage 1* будет выглядеть следующим образом (см. рис.).

Следует отметить отсутствие коннотативных сем в составе лексических определений, что, как и в русских толковых словарях, говорит о нейтральности концепта в системе языка, но не исключает появления оценочной и эмоциональной окраски в речи носителей американской лингвокультуры.

Для изучения сочетаемости слова *marriage* возьмем данные американского национального корпуса, The Open American National Corpus. Это крупный интернет-ресурс американского варианта английского языка, который включает в себя письменные источники всех текстовых жанров и транскрипты устной речи.

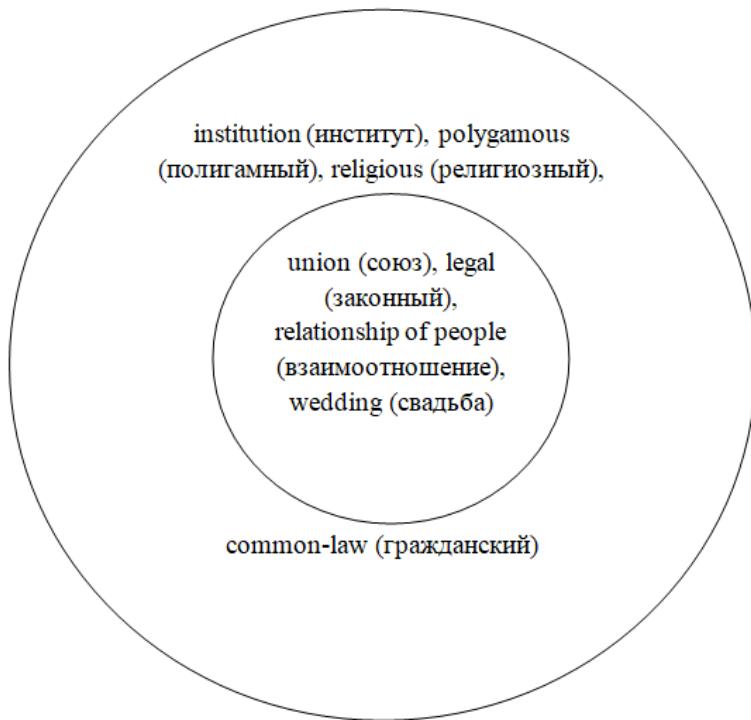

Рис. Семантический состав лексемы *marriage 1*

Авторы корпуса отмечают, что на их сайте размещается информация, имеющая отношение только к носителям американского английского. Их целью является размещение материала, которое отражает именно американское использование языка, что включает в себя не только американский тип написания, но и лексическую сочетаемость, распространенную в США.

В открытом американском корпусе даны следующие примеры употребления слова *marriage* (см. табл.).

Таблица

Примеры словоупотребления для лексемы marriage

<i>Тип словоупотребления</i>	<i>Примеры</i>
1	2
Брак известных людей	<p>...the Clinton <u>marriage</u>.... ...the Clinton's mystery <u>marriage</u>.... ...the Roosevelt <u>marriage</u>.... ...a prior JFK <u>marriage</u>....</p>
Однополые и межрасовые браки	<p>...interracial <u>marriage</u>.... ...bans on interracial <u>marriage</u>.... ...new laws against interracial <u>marriage</u>.... ...interracial <u>marriage</u>... was allowed. ...permitting gay <u>marriage</u>... ...the other breakdowns of traditional <u>marriage</u> (such as interracial <u>marriage</u>, multiple divorces, prenuptial agreements, and so forth). ...the state's constitutional prohibition against interracial <u>marriage</u>.... ...signing a bill sanctioning gay <u>marriage</u>.... ...oppose gay <u>marriage</u>.... ...advocates of gay <u>marriage</u>... He... has come out in favor of gay <u>marriage</u>.... ...to legalize gay <u>marriage</u>.... ...the legislature does proceed to recognize gay <u>marriage</u>... ...same-sex relationships under the term <u>marriage</u>. ...gay <u>marriage</u>.... ...to recognize gay <u>marriage</u>... There is no such thing as a "mixed <u>marriage</u>".... ...the ban on same-sex <u>marriage</u>... ...heterosexual couples are granted through <u>marriage</u>....</p>
Указание на продолжительность брачка	<p>The female half of a 25-year <u>marriage</u>.... ...a 54-year <u>marriage</u>... ...his 33-year <u>marriage</u>.... The only child of their brief <u>marriage</u>.... ...most of the <u>marriage</u>.... Less than a week into our <u>marriage</u>.... During her <u>marriage</u>.... ...From the start of their <u>marriage</u>.... ...shortly after <u>marriage</u>.... Since there is <u>marriage</u>, do I think it should be available to all? ...the end of their parents' <u>marriage</u>.... ...assets obtained during the <u>marriage</u>. a list of all the women he slept with during their <u>marriage</u>....</p>

Продолжение таблицы

1	2
Описательная характеристика брака	<p>...all the ingredients of a really good <u>marriage</u>.... to preserve a good <u>marriage</u>. ...a difficult <u>marriage</u>.... ...their ideal <u>marriage</u>.... ...his loving <u>marriage</u>.... ...discouraging <u>marriage</u>.... ... pain in my <u>marriage</u>.... ...a man unhappy in <u>marriage</u>.... ...his impending <u>marriage</u>.... ...violent tensions in this <u>marriage</u>. ...problems in his <u>marriage</u>.... Unfortunately for their <u>marriage</u>.... ...vicissitudes of her <u>marriage</u>.... ...causing pain in my <u>marriage</u> His <u>marriage</u>... would have been unsuccessful.... ...a covenant <u>marriage</u>... ...Far from a political <u>marriage</u>.... ...an expeditious royal <u>marriage</u>.... ...our forthcoming <u>marriage</u>.... ...a real alternate <u>marriage</u>.... ...it was <u>marriage</u> that became the greater threat.... The <u>marriage</u>... was the result of a traumatic development in Bonnard's life.</p>
Сочетаемость, отражающая определенные компоненты значения концепта	<p>The customs of Christmas, Lent, <u>marriage</u>, and a funeral.... ...some apparent sense within the <u>marriage</u>.... ...if there's something greater than the sanctity of <u>marriage</u>.... Love, courtship, and <u>marriage</u>... ...his courtship and <u>marriage</u>. ...it was in 1925, the year of his <u>marriage</u>.... ...I have on occasion strayed from my <u>marriage</u>.... ...half of all couples live together before <u>marriage</u>.... His <u>marriage</u>, his divorce, his personal life. ...within the bonds of Christian <u>marriage</u>.... ...the Soprano <u>marriage</u>....</p>
Указание на количество браков	<p>...a very special and expensive gift for her first <u>marriage</u>. ...the child from his first <u>marriage</u>.... A first <u>marriage</u>... and then a second <u>marriage</u>.... ...his beautiful daughter by his first <u>marriage</u>.... This is my friend's second <u>marriage</u>.... If you're thinking second <u>marriage</u>, keep going ...the <u>marriage</u>, his fifth, lasted a week.</p>

Продолжение таблицы

1	2
Действия, связанные с браком	<p>...he wanted to end the <u>marriage</u>....</p> <p>Your spouse works to make you happy, which makes you want to preserve the <u>marriage</u>....</p> <p>We are discussing <u>marriage</u>....</p> <p>...asking of the <u>marriage</u>.</p> <p>...a <u>marriage</u> dissolves.</p> <p>...she brought into the <u>marriage</u>.</p> <p>But when either partner has the power to end the <u>marriage</u>....</p> <p>...if you accept that society has an interest in <u>marriage</u>, and that stable romantic relationships both include and lead to <u>marriage</u>....</p> <p>They're better off changing the subject to <u>marriage</u>....</p> <p>Powell... had a <u>marriage</u>, a child, lovers, loyal friends.</p> <p>Chechens objected to this <u>marriage</u>....</p> <p>Preece lured him into <u>marriage</u>....</p> <p>...I do not have the option of choosing against <u>marriage</u>....</p> <p>Having children often does make people try hard to make their relationships work, but I don't think <u>marriage</u> does that.</p> <p>...the provision to cover <u>marriage</u>...</p> <p>...to propose <u>marriage</u>....</p> <p>...a woman contemplating <u>marriage</u>....</p>
Социально-политическая характеристика	<p>...social surveys of crime, <u>marriage</u>, and the like.</p> <p>...advice on business issues, <u>marriage</u>, and military campaigns.</p> <p>Caught in a ceaseless sprint to reconcile job, <u>marriage</u>, and parenting....</p> <p>...the institution of <u>marriage</u>....</p> <p>Opponents of gay rights called the decision a "deeply disturbing" blow to the institution of <u>marriage</u>.</p> <p>Under a privatized system of <u>marriage</u>....</p> <p>...with her advantages of class and <u>marriage</u>....</p> <p>She favors a huge cast bound sometimes by blood and <u>marriage</u>.</p> <p>...rules on <u>marriage</u>, property, and inheritance rights.</p> <p>...neighboring by <u>marriage</u>....</p> <p>the federal Defense of <u>Marriage</u> Act....</p> <p>...<u>marriage</u> or any of the other conventional moral topics.</p> <p>...protections and benefits as <u>marriage</u>.</p> <p>...the privileges of <u>marriage</u>....</p> <p><u>Marriage</u> is a formal, public institution....</p> <p>...practice of co-<u>marriage</u>...</p> <p>...<u>marriage</u> penalty.</p>

Общее количество примеров сочетаемости лексемы *marriage* составляет **114**. Все результаты поиска в национальном американском корпусе были разделены на смысловые группы. Четыре самые многочисленные группы – описательная характеристика брака (**22** примера), однополые и межрасовые браки (**20**), действия, связанные с браком (**20**), социально-политическая характеристика брака (**17**).

Подробнее рассмотрим группу «описательная характеристика брака». Для описания используются эмоционально-оценочные компоненты, как позитивные, так и негативные, и фактологические компоненты. Большую часть группы составляют негативные компоненты (**12** примеров), далее следуют фактологические (**6**), последние по численности – позитивные (**4**). Подобное восприятие концепта *marriage* может отражать упадок значимости брачного института в сознании носителей американской лингвокультуры. Негативное отношение к браку может сложиться в связи с отсутствием социальной политики США, направленной на укрепление института брака.

Группа лексем, связанных с сексуальными меньшинствами и межрасовыми связями, занимает второе место (**20**), что обусловлено характеристикой этих тем как действительно острых вопросов на современном этапе в западной культуре. С конца прошлого века представители сексуальных меньшинств борются за свои равные с остальным населением США права в рамках института брака. В 2015 г., согласно постановлению Верховного суда США, однополые браки были легализованы во всех штатах. Стоит отметить, что с позиций лексики в американском национальном корпусе до сих пор ярко выражена борьба за право состоять в однополом или межрасовом браке, например: *ban*, *new laws against*, *to be allowed permitting*, *the state's constitutional prohibition against*, *sanc-tioning*, *to oppose*, *advocates of*, *to legalize*, *to recognize*, *in favor of*.

Среди действий, связанных с браком, также отмечается тенденция негативного отношения к браку. Несколько раз встречается выражение *to end the marriage*.

Социально-политическая характеристика брака отличается отсутствием коннотативного значения и выраженной нейтральностью лексемы *marriage* в данной сфере. Брак упоминается наряду с другими социальными явлениями, а также как явление, дающее определенные льготы. Помимо этого в корпусе вводятся новые понятия, например такие, как *marriage penalty*, которое дословно переводится как «брачный налог». Данный термин обозначает

ситуацию, при которой женатая пара будет платить подоходный налог с обеих зарплат выше, чем другая неженатая пара с таким же общим семейным доходом. Такой «штраф» возможен ввиду особенности системы налогообложения в США. В этой связи людям в некоторой степени «невыгодно» состоять в браке.

Далее проведем анализ не вошедших в ядро значений, но так же распространенных лексических групп. Они дополняют и формируют окончательный образ представления концепта *marriage*, согласно американскому национальному корпусу.

Указание на продолжительность брака в основном включает в себя нейтральные примеры лексической сочетаемости, например, *during the marriage*. Тем не менее также представлены указания на окончание брака: *the end of their parents' marriage, the only child of their brief marriage*.

Наличие группы «количество браков» само по себе удивительно. Национальный корпус закрепил семь примеров, отражающих непостоянство брачных уз в США. В основном присутствуют выражения с указанием на один или два брака, что оставляет вопрос об окончательном количестве браков открытым. Например, в данную лексическую группу также вошло предложение, в котором говорится о пяти браках.

Последняя по численности группа отражает использование лексемы *marriage* в контексте обсуждения брака знаменитых людей, а именно президентов США: Клинтона, Рузвельта и Кеннеди. Частотность упоминания о личной жизни последнего выше, скорее всего, это связано со скандальной личной жизнью самого президента.

Рассмотрение динамики концепта будет неполным без анализа текстов современной американской художественной литературы, так как она является одним из способов отображения картины мира.

Для анализа структуры и содержания концепта были изучены пять произведений современных американских авторов, как женщин, так и мужчин, и были выделены примеры лексической сочетаемости концепта *marriage*: Nick Hornby «How to be good», Marian Keyes «Angels», Alice Munro «Hateship, friendship, courtship, loveship, marriage», Julian Barnes «Love, etc», Marian Keyes «Watermelon».

Общее количество примеров лексической сочетаемости, выявленных в анализируемых произведениях, составило 182 единицы.

Частое использование словосочетаний, выражающих отдельное компонентное значение лексемы *marriage*, говорит о том, что представление в языковом сознании американцев о браке как о целостной системе практически не изменилось (we are a unit; a

couple; a marriage; I took marriage vows; a proposal of marriage; I'd got married at 24; a married couple; a married man; a married woman и др.). Американские толковые словари по-прежнему выражают общую идею о понимании данного концепта.

В художественной литературе не выражена общественно-политическая тематика, кроме одного упоминания об одном из президентов США, Билле Клинтоне (Bill Clinton, the most powerful married man in the world). Его личная жизнь до сих пор широко освещена и часто упоминается. В основном это связано со скандалами в его семейной жизни и общеизвестной супружеской неверностью.

В художественной литературе не акцентируются межрасовые и однополые браки, которые были одной из самых многочисленных групп в национальном корпусе. Это может свидетельствовать о том, что данная социальная проблема перестала быть острой в силу толерантности современного американского общества к таким бракам. Да и в силу определенного табу на подобные темы в целях соблюдения толерантности поведения.

Тем не менее в выбранных произведениях встречается упоминание религиозной причастности к браку (I would marry David for richer, for poorer, in sickness and in health; I took marriage vows; what the Bible says about marriage; for the sake of my marriage; I'm a respectable married Catholic; Our marriage was blessed by the Fathers of the Church of Our Lady of Perpetual Succour). Это указывает на то, что религия продолжает играть важную роль в жизни американцев и оказывает влияние на многие сферы их жизни, включая институт брака.

Эмоционально-оценочные примеры составляют большую часть от общего количества словосочетаний, что свидетельствует об усилении коннотации концепта. Стоит отметить, что смещение коннотативного значения слова происходит в сторону негативного. Данные лексические сочетания можно разделить на несколько подгрупп: 1) персональные негативные реакции; 2) указание на окончание брака; 3) проблемы, связанные с браком; 4) негативная характеристика брака.

Особого внимания заслуживают антонимичная лексема divorce и указания на многоразовость брачного союза, чья частотность в литературе заставляет задуматься о ценности института брака для американского населения. To have fantasies about being a divorcee before being married; post-marriage; the great marital divide; being-married divide; you're no one these days if you don't get married more

than once; you could be one of the fashionable types who have more than one marriage; this was in the flurry between my two marriages; to marry and remarry; my father had married again; I've been married to both of them; Stuart and her were married before she married Dad; a good enough second marriage; his second marriage ended; the chains of marriage; two marriages; two *mayfly* marriages – все эти синтаксические единицы указывают на брак как ненадежный и легко сменяемый феномен.

Используются художественные средства выразительности с употреблением лексем *venom* / яд (the venom had dripped into our marriage), *war* / войны (the marital war), сравнение брака с собаками (the marriage is like one of those dogs), с бизнесом (marriage should be treated as a business). В данных художественных моделях репрезентируется усиленное эмоционально-негативное восприятие брачного института.

Тем не менее в книгах еще остаются отпечатки прошлой ценности концепта: making our marriage stronger; to get my marriage back on track; reintroducing romance into marriage; the safe haven of marriage; you only get married the once. Пока в сознании носителей американской лингвокультуры остается восприятие брака как явления, над которым нужно работать, но постепенно это осознание теряет свою силу, уступая негативной коннотации концепта.

В художественных произведениях многие сюжетные линии уже говорят об *упадке института брака*:

- расставание с мужем обсуждается как заурядная тема по телефону в машине на парковке;
- мужчина легко бросает только что родившую жену ради другой женщины;
- счастливый, казалось бы, брак заканчивается изменой и побегом в Голливуд ради призрачной реализации индивидуальности;
- грязные и низкоморальные темы детально обсуждаются в чате и т.д.

Заключение

Содержание концептов «*брак / marriage*» строится бессознательно, так как оно основано на общем опыте народонаселения и сложившихся стереотипах. Оно демонстрирует нам, как складывается базовая ценность в языковом сознании двух этносов, и помогает определять серьезные структурно-содержательные изменения. Анализ концептов выявил упадок базовой ценности брака для носителей

русского языка и американского варианта английского языка. Тем не менее для представителей русской лингвокультуры уровень снижения гораздо ниже, чем у американцев. При рассмотрении концепта *брак* стоит говорить о расширении коннотативного поля, увеличении интегральных сем и появлении новых ядерных компонентов, что и привело к снижению ценности внутреннего содержания брака. У американцев же наблюдается резкое усиление негативной коннотации, связанной с концептом *marriage*. Выявлена угроза подрыва моральных устоев современного общества в США, что неминуемо приведет к снижению других базовых ценностей.

Список литературы

- The American Heritage Dictionary of the English Language. – Mode of access: <https://ahdictionary.com> (Дата обращения: 29.04.2019 г.)
- The Merriam-Webster Dictionary. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения: 29.04.2019 г.)
- The Open American National Corpus. – Mode of access: <http://www.anc.org/> (Дата обращения: 29.04.2019 г.)
- Barnes J. Love, etc. – N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 2001. – 227 p.
- Hornby N. How to be good. – London: Penguin Books, 2001. – 244 p.
- Keyes M. Angels. – London: Penguin Books, 2003. – 482 p.
- Keyes M. Watermelon. – London: Arrow Books, 2001. – 614 p.
- Munro A. Hateship, friendship, courtship, loveship, marriage. – Vintage, 2001–323 p.

Reference

- The American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved from <https://ahdictionary.com>
- The Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/>
- The Open American National Corpus*. Retrieved from <http://www.anc.org/>
- Barnes, J. (2001). *Love, etc.* N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc.
- Hornby, N. (2001). *How to be good*. London: Penguin Books.
- Keyes, M. (2003). *Angels*. Penguin Books.
- Keyes, M. (2001). *Watermelon*. Arrow Books.
- Munro, A. (2001). *Hateship, friendship, courtship, loveship, marriage*. Vintage.

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК: 37.013

DOI: 10.31249/epl/2019.02.06

Шаховский В.И.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МНОГОЛИКОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕД ЧЕЛОВЕКА¹

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Россия, Волгоград, shakhovsky2007@yandex.ru*

Аннотация. Автор выдвигает тезис о многоликости коммуникативных сред и определяет их основные типы / виды, акцентируя их тесное взаимодействие. Для аргументации выдвинутого автором тезиса используется понятие психологии конфликта. Особое внимание уделяется рассмотрению межличностного конфликта и приводится его детальная экспертиза, основанная на личном опыте автора статьи. Показывается неконтролируемый переход межличностного конфликта в профессиональный, социальный и даже межкультурный (межэтнический и межконфессиональный). Уделяется специальное внимание основам межкультурных конфликтов и роли политиков в их возникновении, развитии и неэкологичных / непозитивных исходах. Поднимается проблема этнической экологии менталитета. Для аргументации привлекаются литературно-художественные и театрovedческие исследования. В статье подчеркивается, что рассматриваемая проблема касается прежде всего естественной человеческой коммуникации во всех ее видах, типах и жанрах, поскольку конфликтность является обязательным компонентом всех времен и эпох человеческой жизни, оставаясь не до конца исследованной вплоть до настоящего времени. Поднимается вопрос о дидактической стороне этой проблемы – привитии человеку через организованные эмоции конкретных знаний, умений и навыков в экологичном / позитивном общении даже в условиях современной естественной ускоренности.

Ключевые слова: экологическая многоликость; типы коммуникативных сред; внутренняя среда человека; инообраз; позитивная / негативная экология;

¹ © Шаховский В.И., 2019

межличностный конфликт; психология конфликта; эмоциональная нетолерантность; экология преодоления конфликта; организованные эмоции; этническая экология менталитета.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Shakhovsky V.I.

Ecological Diversity of Human Communicative Environments

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russia, Volgograd, shakhovsky2007@yandex.ru*

Abstract. The paper explores the thesis about the diversity of communicative environments and describes their basic styles / types with a focus on their close interaction. The author argues this referring to the concept of psychology of conflict. Particular attention is paid to interpretation of interpersonal conflict. Analyzing a case from the author's personal experience he demonstrates uncontrolled transition of interpersonal conflict into professional, social and even intercultural (interethnic and interreligious) ones. Special attention is paid to the basis of intercultural conflicts and the role of politicians in their beginning, development and non-ecological / non-positive outcomes. The paper raises the issue of ethnic ecology of mentality referring to literature, artistic and theatre studies. The author emphasizes that the analyzed issue primarily concerns natural human communication in all its forms, types and genres, since conflict is an obligatory component of all times and epochs of human life, remaining unexplored up to the present day. The author also investigates the didactic aspect of this problem, which is acquisition of special knowledge and skills through the organized emotions in ecological / positive communication even in conditions of modern natural acceleration.

Keywords: ecological polyvarietness; types of communicative environments; inner human environment; xenoimage; positive / negative ecology; interpersonal conflict; psychology of conflict; emotional intolerance; ecology of conflict resolution; organized emotions; ethnic ecology of mentality.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Что есть языковая среда и, вообще, в каких средах живет человек? Как установлено лингвистами, можно говорить о многих средах его бытования. Конечно, прежде всего, человек живет в *природной среде*. С одной стороны, являясь частью этой среды, с другой – формируя поле *человеческой среды*: люди, сосуществуя друг с другом, образуют сообщества. Тем самым они создают *социальную среду* вместе с государственным устройством своего бытия. Язык человека образует еще одно поле – *языковую среду*. Языковая среда является частью *человеческой среды*, которая представляет собой часть *социальной среды*, а как следствие – часть окружающей человека природы. Получается что-то вроде матрешки, включающей одну среду в другую. И вроде бы понятно, кто создал такую среду. Не известен лишь до конца создатель основной среды и всех ее производных. Не известен также до конца создатель языка. У меня давно уже существуют сильные сомнения относительно мнения лингвистов, что «человек – создатель и пользователь языка». Мои сомнения касаются того, что именно человек создал язык.

Мне хотелось бы остановиться в данной работе на использовании языка *homo loquens*, который, как я пытаюсь в течение ряда десятков лет доказать, является *homo sentiens* ([Шаховский, 1987; Шаховский, 2008; Шаховский, 2019] и др.).

В XXI в. активизировалась и чрезвычайно расширилась еще одна социальная среда, которую, несомненно, создал человек с помощью научно-технического прогресса, автором которого, повторюсь, является опять-таки сам человек. Это – *информационная среда*. Она связана с интерактивной коммуникативной деятельностью человека, которая сопряжена со специальными техническими средствами. Основным таким средством является Интернет. В последнее пятилетие за счет своей бурной активности Интернет стал одним из самых активных средств как СМИ, так и СМАП (средств массовой агитации и пропаганды). Поэтому можно говорить еще и о *коммуникативной среде* и об *интернет-среде*. Последняя связана с компьютерами, и в этом смысле можно выделить *компьютерную среду* как среду существования и функционирования человека. Компьютерное пространство намного уже информационного про-

странства, что, однако, требует специального исследования: их идентификации или их дифференциации. Уже складывается мнение о том, что современные ток-шоу на ТВ и словесные дуэли и перебранки в Интернете как разновидности коммуникативных сред напоминают птичий гвалт.

Как показывают многочисленные специальные исследования, эта среда в современном мире является доминирующей, накладывающей свои специальные образы и модели на все другие среды, поскольку, как утверждал еще В. фон Гумбольдт, с сенсуалистической позиции, человек использует большое количество экспрессивно-эмоционально-оценочных экспликаций эмоций, которые сейчас могут называться по-разному, в частности «дескрипторами мелиоративного значения» [Жуйкова, 2018, с. 147].

В языковой, коммуникативной, компьютерной, информационной средах огромное место занимает эмоциональное пространство жизнедеятельности человека, т.е. его *психоэмоциональная среда* ([Шаховский, 2018; The language of emotions, 1997; Ионова, Шаховский, 2018; Санта-Мария Гарсиа, Феррер-Ревул, 2016] и др.).

Я здесь не разделил все эти средства по их функционалу, по форме, по содержанию, – это лишь неполный перечень предметной терминологии интернет-среды как новой коммуникативной сферы. Моя цель – показать их богатое разнообразие, а также то, что их авторами и пользователями могут быть не только квалифицированные журналисты, но и любой человек любого возраста, гендера, национально-культурных, конфессиональных и других характеристик.

Появление такого средства массовой информации, как Интернет, значительно расширило свободу слова, позволив многим пользователям перейти все границы коммуникативной свободы. Об этом тоже много пишут лингвисты, и я хотел бы ограничиться в данном исследовании только своими наблюдениями и наблюдениями моих коллег-лингвистов за речевым поведением журналистов. В данном случае лингвистика выступает в роли сейсмографа, фиксирующего все колебания языка и речи в публикациях журналистов во всех разновидностях СМИ [Шаховский, 2017б; Шаховский 2019].

Замечу, что среди обилия многообразных коммуникативных сред совершенно не разработана *внутренняя среда* человека. Есть обращение к так называемой интроспекции, методика которой используется в сопоставительных межкультурных исследованиях для того, чтобы описать внутренние чувствования и знания / компетенции исследователя применительно к языковому материалу, в том числе и иноязычному.

Отдельно рассматривается *духовная среда* человека. Внутренний мир / среда человека – безграничный космос. Естественно, он не может не оказывать влияния на коммуникативный стиль конкретного человека. И в этом плане представляется необходимым помимо всех вышеперечисленных типов / видов коммуникативных сред выделять и *внутреннюю коммуникативную среду* человека, которая тесно связана с понятием «Ино-образ» [Кислякова, 2017], а он, в свою очередь, обусловлен субъективной идентичностью коммуникантов. Следует специально выделить такое противопоставление, как *дипломатическая коммуникативная среда* (официальная и она же – неофициальная). Аналогично – *врачебная* (среди врачей). И тот же вид коммуникации в общении врачей с пациентами. В этом плане тоже можно выделять внешнюю и внутреннюю *профессиональную коммуникативную среду*, но она отличается от собственно внутренней коммуникации одного и того же речевого партнера. И всё это умножается на разнообразие стилей других коммуникативных сред и на многоязычие стилей эмоционального общения. Кроме этого, необходимо упомянуть еще и *этническую коммуникативную среду*, как внутри-, так и межэтническую. Не зря в лингвистике существует такая проблема, как «свой среди чужих и чужой среди своих». Эта проблема, особенно в современных разнообразных межэтнических конфликтах, имеет очень важное значение для эффективной коммуникации. Представляется, что современной этнопсихолингвистике предстоит еще очень многое сделать, чтобы разобраться в основных причинах этих конфликтов и выработать для лингвистики общения (коммуникативологии) ориентирующие рекомендации.

Таким образом, количество коммуникативных сред вряд ли исчислимо за счет бесконечных коммуникативных ситуаций, особенно эмоциональных, из-за бесчисленных эмоциональных оттенков и тональностей, которые каждый раз меняют восприятие и понимание речевого произведения, и их анализ чрезвычайно затруднен, так как один и тот же метод не может быть применен к разным коммуникативным средам. В этом видится так называемая лингвопластика общения. Прежде всего, это объясняется личностной психологией коммуникантов, которая оказывает особое влияние на характер межличностных конфликтов, осуществляемых через общение: вхождение в конфликт ↔ его развитие / динамичность (стремительный, затяжной, неразрешимый и др.) ↔ выход из него (различные виды выходов) ↔ дальнейшая форма общения конфликтовавших коммуникантов (различные виды).

Перейду к рассмотрению наиболее общих знаний о межличностных конфликтах.

Психология межличностного конфликта

Лингвистика изучает все виды коммуникативных конфликтов; особое место среди последних занимают межличностные конфликты, которые проецируются на все остальные виды общения и, в свою очередь, генерируют и интенсифицируют межличностные конфликты.

Теории конфликтов посвящено много работ в разных научных парадигмах, прежде всего в психологической и коммуникологической ([Кара-Мурза, 2009] и др.).

Сторонники психологического подхода к конфликту часто опираются на труды Э. Берна, который отмечал, что человек перерабатывает информацию и вычисляет вероятности, которые нужно знать, чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром [Берн, 2003]. Психологи неоднократно замечали, что человеческая природа – изначально позитивная, конструктивная, кооперативная, но социальная среда, экономика, политика, международная ситуация оказывают существенное влияние на природу человека и трансформируют не только язык личности / субъекта, но и его духовные, моральные качества. В наше время наблюдается активная трансформация человеческой личности в сторону ухудшения его компетенции, интеллекта, духовности. Мне уже доводилось отмечать уход на периферию таких качеств человека, как добродетель, честь, порядочность, дружелюбие, взаимовыручка и т.п., что снижает качество жизни общества и деформирует язык, в том числе и в сфере СМИ-дискурса [Шаховский, 2017а].

Современный человек во всем мире стал более обидчив, завистлив (он без конца сравнивает себя с другими людьми и выносит субъективные оценки себе и другим, что провоцирует зависть), гневлив и невоздержан в своих эмоциональных рефлексиях. Всё чаще превалирует так называемая неорганизованная эмоция. Достаточно посмотреть на современное искусство, литературу, интернет-общение, межличностное, групповое, институциональное, межкультурное, межэтническое общение. И в последние десятилетия – особенно конфессиональное. А чего стоят бесчисленные судебные иски по защите чести и достоинства, по оскорблению чувств, хотя психология утверждает, что чувства не оскорбляются.

И евангельское учение тоже утверждает, что Господь всемилостив, ни на кого не обижается и всех прощает, и поэтому все судебные тяжбы об оскорблении чувств верующих притянуты за уши, тем более отсутствует закон об оскорблении чувств атеистов. Это явная законодательная несправедливость, тем более что наше государство является светским и, согласно Конституции, каждый человек имеет полное право на выбор вероисповедания.

Проводятся горячие дискуссии на тему, можно ли оскорбить чувства, причем не делами, а словами. Даже то, что появилась такая острая проблема, свидетельствует о деформации коммуникативной личности. Или, как минимум, о ее трансформации. Доказательством является тот неоспоримый факт, что доминантными стали психологическая несовместимость субъектов и ее несдерживаемая никакими регуляторами экспликация. Примером является так называемая регулятивная гильотина: даже она не может остановить, предупредить зачин и развитие множества конфликтов, самыми болезненными из которых являются межличностные конфликты, ибо они влияют прежде всего на бытовое, производственное, социальное общение людей и травмируют их психику и здоровье.

Современная эмотиология различает экологию языка и экологию человека [Ионова, 2016] как две конституенты общей экологии, понимаемой как сохранение среды обитания. Призывы многих ученых разных научных парадигм к позитивному общению не имеют должного эффекта в силу негативной социально-психологической ситуации в мире [Леонович, 2019]. Эта ситуация характеризуется дисбалансом (асимметрией) субъектов коммуникации всех видов, т.е. инакостью [Кислякова, 2018]. Всё меньше и меньше теоретического и практического исследования современной коммуникологии в сфере так называемого доверительного общения [Шейгал, 2005; Наумова, 2015], так как кардинально изменилась его психотерапевтическая ситуация, особенно эмпатия: сберегающий здоровье тип коммуникативного взаимодействия нарушен [Маджаева, Касимцева, 2019]. Трудные жизненные ситуации делают конструктивное взаимодействие современных коммуникантов неконструктивным и неэмпатийным, поэтому нарушаются цель, задачи, результат, способы, эмоциональная сфера, спокойствие, сочувствие, сопереживание; волевая сфера, управление своим поведением и волевые усилия. Все вышеперечисленные компоненты всё в большей степени детерминируются доминирующими негативными эмоциями.

Экология преодоления социального конфликта

Ни бесчисленные СМИ (30 000 СМИ, 200 000 ежедневных новостных информем и прагмем, в связи с чем родилась даже такая креатема – *перпетуумновости*), ни образовательные учреждения всех уровней и типов, ни правоохранительные, ни здравоохранительные структуры, ни семья, в основном, не учат человека с младенческих лет экологичному позитивному общению. А целеполагающим ориентиром такого общения является современное общение в японской коммуникативной среде. В мировой практике общения людей имеется очень редкий позитивный пример, когда целая нация на сознательном уровне осмыслила неблагоприятность негативного общения и решила коренным образом изменить ситуацию хотя бы в условиях одной страны. Замечу, однако, что это похоже на строительство социализма в отдельно взятой стране. Ведь японцам приходится общаться с непозитивным миром, и им очень трудно придерживаться своих собственных позитивных принципов.

Тем не менее 50 тыс. японцев перешагнули столетний рубеж, а через 15 лет, согласно прогнозам, столетних долгожителей в Японии будет более миллиона человек. Таких достижений по продолжительности и качеству жизни нет больше ни в одной стране мира. И это вовсе не потому, что они пытаются, в основном, продуктами моря. Есть в мире много стран, особенно расположенных на берегах теплых океанов, где местные жители пытаются морепродуктами, фруктами и овощами, но живут в два раза меньше.

Секрет долголетия заключается в том, что японцы – почти единственный народ на Земле, который при общении старается не испортить настроение своему собеседнику. Поэтому мы видим настоящее экономическое чудо: у них нет земли, им негде сеять рис и строить города, у них абсолютно отсутствуют природные богатства, но при этом они – одна из самых экономически развитых наций на свете. Секрет успеха целой страны заключается в том, что японцы одними из первых научились контролировать свои мысли. Понимая прекрасно, что негативные мысли убивают не только настроение собеседника, но и собственное здоровье и будущее, они взяли и убрали из своего языка слово *нет*. Это был первый шаг к позитивизации их внутреннего общения всех типов, включая институциональный, который неожиданно привел к экономическому росту страны. Это произошло естественным образом, потому что каждый японец в школе, дома, на работе контрол-

лирует свои мысли и не дает негативным мыслям испортить жизнь и будущее и себе, и другим людям.

К сожалению, в большинстве стран люди не понимают, что мысли – это семена, из которых вырастет их будущее, будущее их детей, фирмы, страны. В этом плане, несомненно, что и экология человека, и экология языка как части общей экологии сохранения природы являются явно экономическими категориями, на что, к большому сожалению, специалисты-экономисты не обращают никакого внимания. Как ни странно, для улучшения позитивизации человеческого общения работают и глобальная система смайликов, и система японских эмодзи.

Стимулирование позитивной экологии интернет-коммуникации

В интернет-общении широко используются семиотические «иконки», которые называются смайликами [Энциклопедия Эмодзи – эл. ресурс]. Их главной функцией является наглядная (образная) трансляция эмоций и чувств коммуникантов без их дескрипции. Это – одна из форм проявления закона экономии языка и физических усилий, и она полностью соответствует такому типу коммуникации, как ускоренная [Шаховский, 2018].

В Японии их включили в новый тип скорописи и назвали эмодзи. Универсальность эмодзи – феномен гораздо более сложный, чем кажется, замечает А. Демченко в «Expert Online» [Демченко – эл. ресурс]: на первый взгляд, все эти желтые смайлики, кактусы, дельфинчики, левитирующие бизнесмены и еще две с половиной тысячи пиктограмм, вшитые в операционные программы наших смартфонов, кажутся нелепыми. Но это – элементы современного языка. Со своими правилами, значениями и даже неосознаваемыми табу.

Картинки могут заменять слова, целые фразы или даже абзацы, которые потребовались бы для описания всей гаммы эмоций автора. Эмодзи могут и полностью заменять высказывание, а заодно и привычные нам формы неверbalного общения – жесты, мимику, «немые сцены»: роняющий слезу смайл, сдвинутые бровки, умоляющие сложенные ладошки значат: «Я опять сильно опаздываю, прости меня». Примитивные картинки будто бы издеваются над богатством великого и могучего. Да так оно и есть, издева-

ются, если брать за эталон привычную нам языковую систему. Но если присмотреться к тому, как одни и те же эмодзи виртуозно меняют оттенки смысла сообщений и получают новые интерпретации в зависимости от контекста, культуры и собеседников, станет ясно, чем эмодзи отличаются от смайликов.

Идея о том, что каждое поколение говорит на новом языке, еще никогда не получала такого буквального воплощения. Эмодзи являются собой яркий пример долго оспариваемого в науке такого типа общения, как невербальное. Все чаще ставится также на повестку дня современной коммуникативистики вопрос о девербализации общения человека.

Судя по трафику Emojitracker – онлайн-аналитики эмодзи в Твиттере, – только в этой сети миллионы пользователей дополняют свои текстовые послания графическими изображениями. Это, конечно же, не та девербализация, которая напоминает нам дикаря, решающего свои проблемы с другим дикарем ударом камня. Эмодзи и их разновидность – смайлики – могут быть, как я предполагаю, отнесены к невербальному типу общения, так как они действительно заменяют словесные тексты и напоминают комиксы, которые тоже бессловны. По данным того же сайта, Face with Tears of Joy («лицо со слезами радости») – самый популярный смайлик, получивший в 2015 г. звание «Слова года» от Оксфордского словаря, был использован в одном только Твиттере 2 млрд 191 млн раз.

Естественно, что ни смайлики, ни эмодзи не являются полными эквивалентами / адекватами сообщаемых переживаний, но всё-таки они обобщенно, хотя и грубо, со значительной долей аппроксимации дают представление о них и составляют довольно специфическую, еще одну среду человеческого цифрового общения. Передать все бесчисленные ситуативные эмоциональные смыслы общения невозможно. Это соответствует мнению лингвопрагматиков о том, что, с одной стороны, мы общаемся смыслами, а не словами, с другой стороны, прагматика говорящего и прагматика слушающего никогда не совпадают в головах речевых партнеров, особенно в сфере эмотивной коммуникации. Это происходит за счет так называемых эмотивных лакун во внутренней коммуникативной среде каждого субъекта. Еще раз упомяну про такую коммуникативную единицу, как Ино-образ, который меняется в каждой коммуникативной ситуации, в том числе и под влиянием бесчисленных ассоциативных смыслов. Последние беспрестанно генерируют всё новые и новые смыслы за счет внутренних резервов

коммуникативной личности, т.е. за счет личностной внутренней коммуникативной среды, которая является основой для различных интерпретаций одного и того же семиотического символа.

Выражать чувства символами, а не словами – старая традиция: в 1857 г. в списке «телеграфной азбуки» Морзе появилась аббревиатура «любовь и поцелуй» – цифровой код 73. Впоследствии ее преобразовали в «наилучшие пожелания», место «поцелуя» заняли две восьмерки. Emo j i, напоминает А. Демченко [Демченко – эл. ресурс], – это акроним из японских слов *e* ‘картина’ и *mo j i* ‘символ, письменный знак’; звуковое сходство термина с *emotion* случайно. Сама идея «слов-картиночек» взята из манги – одной из форм японского изобразительного искусства. Конечно же, эмодзи и смайлики являются стилистическими маркерами ускоренной коммуникации, которую можно рассматривать как мутацию языка и как проявление закона экономии [Мартине, 1960].

Таким образом, можно заметить, что Япония задала пример всему миру, как за счет экологичного позитивного общения всех граждан страны можно добиться большого экономического эффекта и сформировать самый высокий жизненный уровень в мире. Это можно объяснить тем, что конструктивное взаимодействие характеризуется, с одной стороны, продуктивностью и результативностью совместной деятельности, а с другой – эмоциональной удовлетворенностью процессом и результатом субъектов взаимодействия, а это приводит всех к социально значимому результату.

Негативный эффект деловой коммуникации в межличностном конфликте

В психологии отсутствует универсальное определение феномена конструктивного взаимодействия. Конструктивность – деловой, реалистический подход к поискам путей и способов решения проблемы коммуникативного взаимодействия.

Межличностные взаимодействия состоят из единичных действий в различных коммуникативных ситуациях, особенно в эмоциональных, при этом социальное взаимодействие людей друг с другом оказывает существенное влияние на индивидуальную деятельность человека, особенно это относится к элитарным и авторитетным личностям, которые оказывают заметное влияние на ординарные лично-

сти. Такими позитивными примерами элитарных и авторитетных личностей являются, например, Д.С. Лихачев и Л.М. Алексеева.

Известно, что только в условиях взаимодействия с другими людьми раскрываются индивидуальные возможности человека.

Наиболее частотны в речевом общении людей межличностные конфликты по поводам, которые неисчислимы за счет неисчислимых эмоциональных коммуникативных ситуаций, в которые попадают речевые партнеры. При любом контакте людей неизбежны их естественные и неуправляемые (неорганизованные) воздействия друг на друга. Ибо никто из людей не знает, как может обернуться посланное собеседнику любое слово, даже самое нейтральное. Все мы прекрасно помним слова Ф.И. Тютчева: *«Нам не дано предугадать...»*. Повторю, это взаимодействие обоюдное и отнюдь не только рациональное. Каждый речевой контакт создает особое экологическое речевое пространство, в котором обязательно задействованы чувствования и эмоции. При этом чувственный компонент такого коммуникативного пространства для обоих говорящих может вызвать совершенно неожиданную эмоциональную рефлексию, последствия которой могут спровоцировать разные виды конфликтов, экология которых с трудом поддается коррекции. Мы вынуждены при этом принимать немоши, жалобы, обиды, стереотипы, желания и волевые посылы собеседника, если хотим, чтобы речевой контакт продолжался, а не обрывался в неэкологичной форме. Наш собеседник принудительно вовлекает нас в орбиту своих чувствований, и мы обязаны им хотя бы внешне эмпатировать в фатических целях.

При этом эмоции собеседника провоцируют эмоции сл�шателя, которые в свою очередь провоцируют эмоции собеседника: возникает сложный клубок переплетенных смешанных эмоций [Штеба, 2014]. Отсюда естественна роль эмоционального интеллекта адресата, который должен знать, как организовать эти обоюдные эмоции. Но одних знаний конституентов эмоционального интеллекта недостаточно даже у обоих коммуникантов: помимо знаний необходимы еще умения и навыки обеих сторон. А это практически невозможно. Именно этим и объясняются бесконечные межличностные конфликты, исследования которых бесчисленны, но результаты неочевидны [Кара-Мурза, 2009]. Взаимодействие регулятивной функции разума и эмоций, к сожалению, трудно поддается согласованию, что объясняется в большой степени их инстинктивностью [Изард, 1999].

Попробую проанализировать реальный межличностный конфликт в деловой коммуникации. Его пропозиция следующая. Дано: официальная инициативная организация – *O*, созданная группой энтузиастов-коммуникативистов; есть группа активистов этой организации, которая с огромным воодушевлением развивает двусторонний проект, так как в него были вовлечены и крупнейшие иностранные коммуникативисты, получившие к тому времени уже значительные успешные результаты по воспитанию культуры экологичного общения в своем социуме.

Данный конфликт рассматривается на основе переписки двух руководителей конкретной организации. Материалом анализа является эмотивная семантика лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса из текста-рефлексии *X*. Суть конфликта, подвергающегося эмотивно-стилистическому анализу, состоит в следующем: *X* не считает обоснованными и справедливыми высказывания *Y* о качестве работы *X* как руководителя *O*, считает, что *Y* сводит с *X* личные счеты, а сам *Y* озабочен исключительно продвижением собственных карьерных интересов, используя организацию для повышения своего научного и академического рейтинга.

Письмо *X* третьей стороне, *Z*, состоит из двух частей. В первой части письма *X* делится с *Z* своими переживаниями о сложившейся ситуации с *Y*, а во второй части приводит фрагмент своего письма *Y*. В письме эксплицируется и имплицируется большая группа чувствований, доминантой которой является *разочарование*. В этот кластер входят: *обида, печаль, удивление, горечь, усталость* от борьбы с сопротивлением, которое оказывается *X*. В письме своему соратнику *Z* *X* перечисляет моменты своего несогласия с отношением *Y* к их общему делу, которое, по мнению *X*, его разрушает. Приведу цитату из обвинительной части письма:

«Что ж, поставим точку. Собственно, для этого я и отоспал мое предыдущее обращение, так как Ваше нежелание вкладывать себя в работу проявилось задолго до того, как Вы прочитали прошлогодний текст моей заявки (тот, что Вы назвали “тезисами”). И Ваши обвинительные ссылки на тот текст, с моей точки зрения, есть не более чем попытка выдать одни мотивы за другие. У меня была очень маленькая надежда, что Вы все-таки извинитесь передо мной и коллегами за необоснованные нападки и оценочные суждения по ситуации (моего выступления), о которой объективно ничего не знаете, за резко неуважительную тональность, которую Вы позволили в отношении ко мне лично, и за общий деструктивный негативизм, который Вы внесли в работу нашей группы».

Подтверждением кластера эмоций *X* являются, например, такие слова: «уже выше моих физических сил», «я не могу быть *perpetuum mobile*»; «Печально, конечно, видеть, что работа тех энтузиастов длиится лишь постольку, поскольку я поддерживаю с ними личную связь – стоит мне переключиться с одного проекта на другой – и прежний западает». Небезынтересно также назвать в моем анализе данного конфликта те языковые экспрессивные и стилистические средства, которые использует обиженный в своем прямом обращении к обидчику. Замечу, что все они маркированы стилистической и экологичной вежливостью, даже вопреки общей неудовлетворенности и разочарованию оппонентом, что говорит о достаточно высоком эмоциональном интеллекте *X* и его способности к эмоциональной саморегуляции и к демонстрации организованных эмоций: «Ваши обвинительные ссылки, Ваши необоснованные нападки и оценочные суждения, Ваша резко неуважительная тональность, Ваш общий деструктивный негативизм» и др. На первый взгляд, эти примеры несколько резки, но в общем контексте послания они явно честны, открыты и уважительны. И ни в коем случае не оскорбительны со стороны говорящего. А уж то, как они будут восприняты получателем... там могут быть всякие неожиданности. О чем я и предупреждал выше: «Нам не дано предугадать...». Но это предусмотреть практически невозможно, ибо платиновое правило современной коммуникативистики «говори так, как слушающий хотел бы, чтобы с ним говорили» на практике никогда не осуществимо, за исключением ожидаемой лести.

Обращаясь к *Z* как к третейскому судье, *X* в довольно деликатной риторике делится с ним и своими другими переживаниями по поводу происходящего и, вероятно, хочет, чтобы он поддержал такую рефлексию, которая *X* представляется справедливой и обоснованной: «Многое можно было бы сказать по поводу затеянного *Y* конфликта и рассказать многое другое, что остается за кадром», «Можно – и это мне важнее всего – рассматривать, в чем причины конфликтов», «Можно, наконец, смотреть на межличностные конфликты и с личной эмоциональной точки зрения». *Z*, однако, отчасти поддерживает и *Y*, что *X* принимает с удивлением и огорчением: «И здесь мне грустно слышать от Вас, что *Y* “более прав”. В чем?»). Но попытка *Z* заключается именно в примирении сторон и возврате *status quo* в общем международном проекте и стремлении решить этот внутренний конфликт самим, не привлекая иностранных партнеров.

Далее в письме *X* в адрес *Z* приводится довольно эмоциональная аргументация *X*, антитеза, градация, повторы, фразеологизмы, множество коннотативов, ибо воспитание и вежливость не позволяют *X* перейти на аффективы:

*«В то время как я работаю над тем, чтобы еще более сплотить группу иностранных активистов – создать среди них комитет по подготовке следующей конференции *O*, обрабатываю в частных встречах ученых “с именами”, чтобы заручиться их участием в нашей следующей конференции, пытаюсь завербовать группу активистов, которая могла бы помочь нам с раскруткой английского сайта, прорабатываю новые перспективные идеи спонсорства *O* с иностранной стороны, приглашаю всех активистов в русский ресторан для дальнейшего подогревания их интереса к России, т.е. кручусь в non-stop networking and relationship building – в это самое время *Y* (который сам палец о палец не удалил, чтобы помочь нам хотя бы по подборке информации по грантам, о чем я просил *Y* не один раз, поскольку это сфера *Y*) – в это время *Y* требует, чтобы я публично извинился за то, что искаю и дискредитирую российскую культуру перед иностранцами? И даже во второй и третий раз настаивает на извинении. Что-либо более абсурдное я себе не могу представить. То есть здесь и не пахнет желанием сотрудничать, есть желание выстрелить в упор и сразить противника. И на него же потом взвалить вину – якобы не умеет работать с людьми... Весьма удобная позиция. Я считаю, что, взвалив на себя весь груз общественной работы, я могу позволить себе одну роскошь – выбирать, с кем мне работать, и не работать с людьми, с которыми у меня мало общего. И в случае необходимости – когда слишком много яда выпускается – защищать и оградить себя от таких людей. Поэтому мой ответ *Y* был тот, что внизу. В одном я с Вами полностью согласен – мне надо осмотреться – а значит решить для себя, хочу ли я заниматься делом *O* дальше при таком отношении коллег».*

Этот фрагмент является эмотивным высокой плотности за счет инкрустаций в него эмотивов разных типов, которые, однако, не переходят на аффективы, а остаются в пределах экологично выдержаных потенциативов и коннотативов [Шаховский, 1987; Шаховский 2008; Шаховский 2016]. Самой сильной, на мой взгляд, стилистической позицией *X* является аргументативная антитеза, эксплицирующая различные вклады в общее дело обеих сторон, что усиливает их внутренний конфликт, разрушающий созданную ими организацию. Если внимательно посмотреть на приведенную анти-

тезу, то в ней наблюдается огромный стилистический потенциал, экологичная аргументация, хотя и нагруженная эмоционально (прорыв эмоций, хотя и организованных), что указывает на растягивание антитезы градацией разностилевых коннотативов, а это приводит в целом к эффекту semantic stretching, оказывающему на третейского судью большое прагматическое впечатление. Тем не менее он пытается примирить конфликтующие стороны и показать возможный выход из этого деструктивного конфликта. К сожалению, ему это не удалось, доказательством чего является закрытие сайта данной, очень нужной коммуникативной организации.

Из письма *X* следует, что больше всего *X* возмущает, что *Y*, цитата: «*требует, чтобы X публично извинился за то, что иска- жает и дискредитирует российскую культуру ... И даже во вто- рой и третий раз настаивает на извинении*», что, по словам *Y*, «*X позволил себе поучать Y*», есть «*серые специалисты, которые не хотят с X работать*» и настаивают на уходе *X* из руководства, что в конце концов и произошло. Чтобы закрыть этот затянувшийся и ставший деструктивным конфликт, *X* покинул свой пост, но и это не спасло организацию, потому что конфликт, как метастаза, поразил основных ее создателей.

Подведу итоги анализа данного конфликтного текста.

1. Предметно *X* недоволен критикой своей работы со стороны *Y*, поскольку, по мнению *X*, *Y* не создал, в отличие от *X*, организационного продукта, аналогичного продукту *X*, а потому не обладает моральным правом судить стиль руководства *X*, а такое право появится только при условии равнозначного вклада в общее дело. *X* также считает несправедливым негативизм *Y* и публичное сведение личных счетов.

Во всем этом конфликте нет дыма без огня, так как всем членам организации детально неизвестны все конституирующие признаки и их смысловые конкретизаторы.

2. К чему *X* призывает / склоняет *Y*, чего добивается от *Y*: помогать не только написанием статей, перестать критиковать *X* в оскорбительной для *X* форме.

3. В чем *Y* обвиняет *X*: в непрофессионализме и что якобы с *X* отказываются работать профессионалы, что явно несправедливо.

4. Кто из них ищет совместное решение как выход из конфликта: *X* пишет прямо и честно, приводит факты из этапов работы, не стремится очернить кого-либо и призывает всех и каждого к сотрудничеству.

5. В чем начало конфликта, его развитие, каков видится выход: пока *X* не возмущался небольшому вкладу некоторых членов президиума в общее дело, пока в основном вел все проекты самостоятельно, до тех пор, пока не начал избегать работы с некоторыми коллегами, всех всё устраивало.

6. Во имя чего должен быть решен этот конфликт: восстановить хороший и крайне необходимый проект в условиях, когда весь говорящий мир съехал с экологичной колеи и перешел на язык грубостей, хамства, циничности, меркантильности, вульгарностей и, в основном, на эмоциональную и экспрессивную форму, забыв о рациональной основе языка и о том, что все говорящие – *homo sapiens*.

7. Что объединяет конфликтующих коммуникативных партнеров: в настоящее время конфликтующие стороны ничего больше не объединяют. Это – результат деструктивной функции непогашенного вовремя и правильно коммуникативного конфликта.

8. Третье лицо, к которому обращается первое с данным текстом, предлагает им обоим примириться и посвятить себя общему и так нужному всем делу. Таково одно из правил коммуникативной толерантности. Все попытки третьего лица вернуть конфликтующие стороны к истоку их совместного проекта не увенчались успехом. В результате, проект оказался полупровальным.

9. *X*, желая прекратить затянувшийся конфликт, добровольно вышел из состава *O* и, соответственно, из его руководства. По мнению некоторых коллег, *X* высказал свои претензии и некоторые из выслушавших их восприняли их с большой обидой, ибо они, хотя и были предельно экологичны и вежливы, но честны и откровенны. Увы, упреки, даже справедливые, со стороны *X* были восприняты как несправедливые. Такова природа межличностных конфликтов: в них объективность, как правило, нивелируется даже среди высокообразованных и интеллектуальных коммуникантов.

10. После этого никто из бывших коллег по *O* друг с другом не общается, т.е. конфликт оказался разрушительным для межличностных отношений, а ведь все были изначально воодушевленными единомышленниками, а некоторые даже друзьями, объединенными именно *X* под великолепный международный проект. *O* продолжает свое существование латентно, но без прежней активности и без прежних научных мероприятий, за исключением зарубежных и организованных не *O*, и в очень слабых контактах через Фейсбук. Сайт *O* закрыт, потому что его некому поддержи-

вать, в том числе иностранным партнерам. Это еще один эффект межличностного конфликта для делового партнерства с инокультурными коммуникантами, которые увидели воочию, как русскоязычные партнеры трудны для кооперации. А это вносит еще один штрих в негативный имидж такого партнерства.

Выше я упомянул эмоциональный интеллект и высокий уровень IQ, которые не справляются с обузданием страстей и эгоизма. Что уж тогда говорить о бытовом межличностном общении? Вспомним хотя бы мировую классику:

1) Онегин, давая отповедь любовной откровенности Татьяны, высокомерно ее поучает: «*Учитесь властвовать собой...*». А после того, как побродил по свету и встретил Татьяну, взрослую и замужнюю, и вспомнил не только ее девичьи совершенства, но увидел и сформировавшееся совершенство, сам впал в безумную страсть и даже не вспомнил, что требовал от Татьяны «*властвовать собой*». Значит, межличностные взаимоотношения не могут полностью регулироваться разумом и делать эмоции организованными;

2) убийство Ленского Онегиным произошло из-за мелочного пустяка, из-за того, что еще в те «зеленые годы» он, хоть и поучал Татьяну, но тоже не смог властвовать собой, хотя и был опытнее Ленского. Личная обида возникла на пустом месте, и произошла трагедия, потому что Ленскому показалось одно, а Онегину – другое по отношению к Ольге (глубинные смыслы межличностного конфликта «вытащены» на поверхность сквозь многочисленные литературоведческие, театроведческие и текстолингвистические исследования таких выдающихся ученых, как Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, В.В. Набоков и др., театроведом и журналистом А.В. Минкиным в его очередном труде [Минкин – эл. ресурс]. Кажимость – очень опасный феномен в межличностной коммуникации, связанный с негативной экологией коммуникативной среды (см. подр. [Семенова, 2007; Шаховский, 2015]);

3) только из-за межличностных ненормальных взаимоотношений возникла вражда между Монтекки и Капулетти, которая привела к гибели их детей, страстно влюбленных друг в друга.

Резюме

Данное исследование планировалось как доказательство многоликисти коммуникативной неэкологичности в многоликисти коммуникативных сред и в обязательности государственной поли-

тики в правильно ориентированном воспитании экологичного общения всех типов и видов. Экологическая многоликость заключается в градуированности экологичности в коммуникации. Примеры такого разнообразия наблюдаются во всех современных коммуникативных средах, в том числе и при их смешении. Даже невзирая на, казалось бы, официально принятый плорализм мнений.

Итак, в результате межличностных амбиций и недовзаимопонимания (прагматика говорящего vs прагматика слушающего никогда не совпадают полностью) даже люди с высоким эмоциональным интеллектом и достаточно высоким уровнем IQ не всегда могут преодолевать мелочные личные обиды. Видимо, за счет недостатка толерантности как неизбежного компонента экологии человека и его языка можно сделать все формы коммуникации неуспешными, что и подтверждается практиками современного общения. Определенную роль в рассматриваемый деструктивный процесс вносят и порой завышенные самооценки речевых партнеров, и необъективная оценка личного вклада в общее дело, а также ошибочная оценка процесса решения профессиональных задач в соответствии с оптимальным образом планируемыми результатами.

Так, упомянутый выше открытый проект привлекал финансирование в виде грантов на его продолжение через добытые его участниками новые знания. А эти знания могли бы улучшить качество человеческого общения, что, в свою очередь, могло бы привлечь новое финансирование для дальнейшего совершенствования коммуникативной среды человеческого обитания через распространение этих знаний в процессе обучения культуре, правильности и эффективности общения. Уже известно, что знания распространяются через язык и общение. В этом суть языкового общения как экономической категории, о чём, к сожалению, экологические исследования пока умалчивают.

Примеры можно приводить без конца. В том числе и из естественной коммуникации всех времен, эпох, включая современность. Считаю, что из-за личных психологических разногласий власть имущих происходят все войны и гибель, страдания и несчастья многих миллионов людей. Вот и получается, что межличностная психология, этнопсихология и (меж)этническая психология менталитета требуют глубоких экологических исследований и дидактических построений по коммуникативному воспитанию человека. По М.В. Ломоносову, всё воспитание и образование – есть принуждение человека к добру.

Как показывает данное исследование, шкала многоликисти экологии градуирована от этичности до хамской формы мышления через множество промежуточных дейктиков, среди которых циничность, вульгарность, невежливость, цинизм как форма мышления, а соответственно, и речепорождения, т.е. общения.

Такова лингвопластика различных коммуникативных сред (дискурсов), в которых живет современный человек.

Список литературы

- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – Минск, 2003. – 448 с.
- Демченко А. Язык эмодзи: Хорошо это или плохо? // Радио Эхо Москвы. – 2018. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/tusalmanach/2334701-echo/> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Жукова О.В. Доминатные лексические средства экспликации эмоций в языковой картине мира Вильгельма Фон Гумбольдта // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 1–2 июня 2018 г. / ред. кол.: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова, С.В. Дмитрюк. – М., 2018. – С. 146–147.
- Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб., 1999. – 464 с.
- Ионова С.В. О двух аспектах эколингвистических исследований // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 10–25. – DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987. – Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/2018/16442> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Ионова С.В., Шаховский В.И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 966–987.
- Кара-Мурза Е.С. Предупреждение речевых преступлений в СМИ – Общественная повестка дня и коммуникативные практики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2009. – С. 409–411.
- Маджаева С.И., Касимцева Л.М. Речевое поведение врача при коммуникации с пациентом // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 2 (42). – С. 46–52.
- Санта-Мария Гарсия К., Феррер-Ревул Д. Международная конференция «Язык и эмоции», Мадрид, Испания, 23–25 ноября 2016 г. // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 441–445. – DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-441-445. – Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/15909/14434> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Кислякова Е.Ю. Ино-образ в структуре языковой личности как проблема коммуникативистики // Известия ВГПУ. – 2017. – № 2. – С. 115–121.
- Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Мытищи, 2018. – 31 с.
- Леонович О.А. Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия ВГПУ. – 2019. – № 1 (134). – С. 178–184.

- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 263 с.
- Межличностная коммуникация: теория и жизнь / Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В.; под науч. ред. О.И. Матьяш.* – СПб., 2011. – 560 с.
- Минкин А.В.* Немой Онегин. Части I–XXII // Московский комсомолец. – 2017. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/2017/09/29/nemoy-onegin.html> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Наумова М.М.* Откровенность в межличностной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 25 с.
- Семенова Т.И.* Лингвистический феномен кажимости (На материале современного английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 36 с.
- Сироткина Е.С.* Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 27 с.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987; М., 2019. – 206 с.
- Шаховский В.И.* Эмоции в коммуникативной лингвистике // Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М., 2008. – С. 179–191.
- Шаховский В.И.* Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: Кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский, отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, ред. кол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград, 2013. – 450 с.
- Шаховский В.И.* Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2 (14). – С. 36–41. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/14.pdf> (Дата обращения: 22.04.2019 г.)
- Шаховский В.И.* Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. – М.: URSS, 2015. – 144 с.
- Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции. – Волгоград: Издательство ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
- Шаховский В.И.* Триада экологичности – человек, язык, эмоции – в коммуникативной практике. – Волгоград: Волгоград. гос. социально-педагог. ун-т «Перемена», 2017а. – 359 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/58327.html> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Шаховский В.И.* Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса // Стилистика. – М., 2017б. – С. 32–44.
- Шаховский В.И.* Ускоренная коммуникация как потребность современного социума. Языковое бытие человека и этноса: Сб. науч. трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.)/ под ред. В.А. Пицальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. – С. 285–293. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_cheloveka_i_etnosa_2018-20.pdf (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- Шаховский В.И.* Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 54–79. – DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. – Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/17847/15442> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)

- Шаховский В.И. Современные СМИ: Ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 1. – С. 1–12.
- Шейгал Е.И. Параметры доверительного общения // Человек в коммуникации: аспекты исследований: Сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 204–220.
- Штеба А.А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 172–178.
- Энциклопедия Эмодзи: Значения всех 1427 смайликов iOS 10.3. – Режим доступа: <https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10> (Дата обращения: 08.04.2019 г.)
- The language of emotions: Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven. – Duisburg; Amsterdam: Gerhart Mercator University: John Benjamins Publishing: Philadelphia, 1997. – 337 p.

References

- Bern, E. (2003). *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry*. Minsk.
- Demchenko, A. (2018). Yazyk emodzi: Horosho eto ili ploho? Retrieved from <https://echo.msk.ru/programs/rusalmanach/2334701-echo/>
- Zhukova, O.V. (2018). Dominatnye leksicheskie sredstva eksplikacii emocij v yazykovoj kartine mira Vil'gel'ma Fon Gumbol'dta. In: Tarasov, E.F., Ufimceva, N.V., Sinyachkin, V.P., Mahovikov, D.V., Stepanova, A.A., Dmitryuk, S.V. (Eds.), *Zhizn' yazyka v kul'ture i sociume* – 7 (pp. 146–147). Moscow, Institut Yazykoznaniya RAN.
- Izard, K.E. (1999). *Psichologiya emocij*. Saint-Petersburg.
- Ionova, S.V. (2016). O dvuh aspektakh ekolinguisticheskikh issledovanij. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 1, 10–25.
- Ionova, S.V., Shahovskij, V.I. (2018). Prospekiya lingvokul'turologicheskoy teorii emocij Anny Vezhbickoj. *Russian Journal of Linguistics*, 22(4), 966–987. DOI: 10.2236/2312-9182-2018-22-4-966-987. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/2018/16442>
- Kara-Murza, E.S. (2009). Preduprezhdenie rechevyh prestuplenij v SMI – Obshchestvennaya povestka dnya i kommunikativnye praktiki. In: *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 409–411). Moscow.
- Madzhaeva, S.I., Kasimceva, L.M. (2019). Rechevoe povedenie vracha pri kommunikacii s pacientom. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*, 2(42), 46–52.
- Santamaría-García, C., Ferrer-Revull, D. (2017). ICLE: International conference on language and emotion, Madrid, Spain, 23–25 November 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 21(2), 441–445. DOI: 10.2236/2312-9182-2017-21-2-441-445. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/15909/14434>
- Kislyakova, E.Yu. (2017). Ino-obraz v strukture yazykovoj lichnosti kak problema kommunikativistiki. *Izvestiya VGPU*, 2, 115–121.
- Kislyakova, E.Yu. (2018). *Kommunikativnaya kategorija inakosti* (Unpublished doctoral thesis). Mytishchi.
- Leontovich, O.A. (2019). Pozitivnaya lichnost': kommunikativnye osobennosti i povedencheskie harakteristiki. *Izvestiya VGPU*, 1(134), 178–184.
- Martine, A. (1960). *Princip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyah*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury.

- Mat'yash, O.I., Pogol'sha, V.M., Kazarinova, N.V., Bibi, S., Zarickaya, Zh.V. (2011). *Mezhlichnostnaya kommunikaciya: teoriya i zhizn'*. Saint-Petersburg.
- Minkin, A.V. (2017). *Nemoj Onegin. CHasti I-XXII*. Retrieved from <https://www.mk.ru/culture/2017/09/29/nemoy-onegin.html>
- Naumova, M.M. (2015). *Otkrovennost' v mezhlichnostnoj kommunikacii* (Unpublished doctoral thesis). Volgograd.
- Semenova, T.I. (2007). *Lingvisticheskij fenomen kazhimosti (Na materiale sovremennoogo anglijskogo yazyka)* (Unpublished doctoral thesis). Moscow.
- Sirotkina, E.S. (2019). *Russkoyazychnaya sms-kommunikaciya kak ob"ekt lingvisticheskogo analiza* (Unpublished doctoral thesis). Moscow.
- Shahovskij, V.I. (1987; 2019). *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticeskoy sisteme yazyka*. Voronezh, Moscow.
- Shakhovsky, V.I. (2008). Emocii v kommunikativnoj lingvistike. In: *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticeskoy sisteme yazyka* (pp. 179–191). Moscow.
- Shakhovsky, V.I. (Ed.) (2013). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremenном kommunikativnom prostranstve*. Volgograd.
- Shakhovsky, V.I. (2011). Modus kazhimosti: passionarnost' oskorblenij real'nyh i kazhushchihsy, *Journal of Psycholinguistics*, 2(14), 36–41. Retrieved from: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/14.pdf>
- Shakhovsky, V.I. (2015). *Golos emocij v yazykovom kruge homo sentiens*. Moscow: URSS.
- Shakhovsky, V.I. (2016). *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krige: Chelovek, jazyk, emocii*. Volgograd: Izdatel'stvo IP Polikarpov I.L.
- Shakhovsky, V.I. (2017). Triada ekologichnosti – chelovek, yazyk, emocii – v kommunikativnoj praktike. Volgograd, Volgograd. gos. social'no-pedagog. un-t, «Pere-mena». Retrieved from <http://www.iprbookshop.ru/58327.html>
- Shakhovsky, V.I. (2017). Mnogoyazychie stilej emocional'nogo medijnogo diskursa. In: *Stilistika* (pp. 32–44). Moscow.
- Shakhovsky, V.I. (2018). Uskorennaya kommunikaciya kak potrebnost' sovremenennogo sociuma. In: Pishchal'nikovo, V.A., Komalova, L.R., Germanov, N.N. (Eds.), *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Issue 20* (pp. 285–293). Retrieved from http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_cheloveka_i_etnosa_2018-20.pdf
- Shakhovsky, V.I. (2018). Kognitivnaya matrica emocional'no-kommunikativnoj lichnosti. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/17847/15442>
- Shakhovsky, V.I. (2019). Sovremennye SMI: Otvetstvennost' zhurnalista. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 1, 1–12.
- Shejgal E.I. (2005). Parametry doveritel'nogo obshcheniya. In: *Chelovek v kommunikaci: aspekty issledovanij* (pp. 204–220). Volgograd: Peremena.
- Shteba, A.A. (2014). Lingvoekologicheskij absolut smeshannyh emocij. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 172–178.
- Enciklopediya Emodzi: Znacheniya vsekh 1427 smajlikov iOS 10.3 (2017). Retrieved from <https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10>
- The language of emotions: Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven. – Duisburg; Amsterdam: Gerhart Mercator University; John Benjamins Publishing: Philadelphia, 1997. – 337 p.

Бубнова И.А.

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ:
СИМВОЛ СЛАВНОГО ПРОШЛОГО
И РАСКОЛОТОГО НАСТОЯЩЕГО¹**

*Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва, aribubnova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме прецедентного имени, которое рассматривается как символ культурной ценности, связанный с историческим прошлым страны, хранящийся в общей когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества и призванный объединять граждан в единую социокультурную общность – нацию. Продемонстрирована практическая возможность исследования прецедентного имени с помощью метода семантических универсалий. Применение данного метода подтвердило гипотезу о том, что в настоящий момент прецедентные имена, относящиеся к советскому периоду развития России, перестают выполнять свою функцию интегрирующего фактора, в связи с чем степень близости ценностно-ориентационного единства разных возрастных категорий граждан нашей страны в настоящее время постепенно снижается. Как показал проведенный анализ, расхождения в «весе» использованных ассоциаций в группах, различающихся по возрасту, со значительной долей уверенности могут объясняться наличием определенного багажа знаний, т.е. фактором образования (современное российское и советское образование).

Ключевые слова: прецедентное имя; культура; ценность; нация; метод семантических универсалий; ценностно-ориентационное единство.

Поступила: 10.08.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Бубнова И.А., 2019

Bubnova I.A.
Allusive Name:
A Symbol of Glorious Past and Split Present

*Moscow City University,
Moscow, Russia, aribubnova@gmail.com*

Abstract. The paper deals with the problem of an allusive name, which is seen as a symbol of a cultural value, closely connected with historical past of the country, included in the core of the cognitive base of the Russian linguacultural community, and aimed at forming a specific type of peoples' integration called nation. It is demonstrated that psychological methods on the whole and the Semantic Universals Method, in particular, could be helpful in research of allusive names. The application of the Method of Semantic Universals in practice confirms that nowadays allusive names associated with the Soviet period of Russian history reduce their integrative function. As a result, the degree of contiguity of value-orientation unity in groups of citizens of Russia that differ in age is declining gradually. The analysis shows that the disagreement in the «weight» of associations in groups with age differences could correlate with the factor of education (modern Russian or Soviet systems of education).

Keywords: allusive name; culture; value; nation; semantic universals method; value-orientation unity.

Received: 10.08.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Глобализационные процессы, затрагивающие все основополагающие сферы жизни общества, стимулировали рост интереса социальных и гуманитарных наук, в том числе и лингвистики, к проблемам национальных ценностей и национальной идентичности, которые, по мнению значительного числа специалистов, работающих в различных направлениях, в настоящий момент оказались под угрозой исчезновения.

В принципе споры о том, что представляет собой нация, в чем заключаются ее отличия от этноса, насколько корректно говорить о том, что национальные ценности, в значительной степени обусловленные культурой народа, определяют в настоящий момент его специфический взгляд на мир и существуют ли сегодня вообще такие особые национальные ценности, ведутся в науке постоянно. Не вда-

ваясь глубоко в суть этих дискуссий, отметим только несколько точек зрения, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу. Первая принадлежит известному французскому философу и историку Э. Ренану, основоположнику теории наций, еще в конце XIX в. писавшему, что особую роль в формировании нации играют историческое сознание и общая коллективная память: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна – это *общее обладание богатым наследием воспоминаний*, другая – *общее соглашение, желание жить вместе*, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством. <...> Итак, нация – это *великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем*» [Ренан, 1902, с. 100–101] (курсив наш. – И. Б.). Не менее важные в аспекте нашей работы замечания об основополагающих признаках нации можно найти в современных научных трудах. Так, по выражению Б. Андерсона [Андерсон, 2016], нация – это «воображаемое сообщество», существующее только в общественном сознании *как искусственная конструкция, которая создается и поддерживается системой образования, средствами массовой коммуникации и процессами социализации, в том числе политической*» (курсив наш. – И. Б.). В свою очередь отечественные исследователи, обращая внимание на то, что «в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных только узами общего гражданства» [Гринин, 2011 с. 16], подчеркивают, что не менее существенным, чем гражданство, единая территория проживания, язык и культура, является чувство самоидентификации, позволяющее человеку относить себя к определенному сообществу: «Нация – это сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, связанная общими ценностями прошлого и настоящего социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве, которое (государство) совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ “нации” (“России”, “Франции” и т.д.) и “гражданское сознание”, которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями» [там же] (курсив наш. – И. Б.). Итак, население превращается в нацию – социально конструируемый феномен, – только обладая общим славным прошлым, т.е. культурным наследием, и общим будущим, транслируемыми в сознание поколений через единый для всей страны

ны язык и общую стандартизированную систему образования, которые, таким образом, становятся главными способами интеграции людей, проживающих на одной территории, в единую социальную общность.

Если с позиций философии, социологии и политологии национальные ценности, как и сама нация (в отличие от этноса), представляют собой конструкты, в основе которых лежит культура народа или народов, проживающих вместе в течение длительного по историческим меркам периода, то с позиций лингвистики слова, называющие эти ценности, относятся к группе абстрактной лексики, конкретного денотата в реальности не имеющей. Однако их нематериальный характер, как отмечал еще Г. Лейбниц, не мешает высшим духовным качествам оставаться не менее реальными, чем телесные: «Конечно, справедливости не видят так, как видят лошадь. Но <...> она также содержится в действиях, как прямота и кривизна в движении, независимо от того, обращают на нее внимание или нет» [Лейбниц, 1983, с. 306]. Главное отличие данных имен от конкретной лексики заключается в их принадлежности к сфере «духовной культуры» (если термин «культура» понимать широко), т.е. такой информации об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в символах» [Чернейко, 1997, с. 58].

Суть символа, в свою очередь, заключается в его способности, замещая обозначаемое, позволять быть в наличии отсутствующему [Гадамер, 1988]. Но этим его роль не исчерпывается. Символ как одна из наиболее сложных форм фиксации культурно значимой информации [Шейкин, 1998], в отличие от знака, служащего средством коммуникации, сам «задает» программу действий, определяя модель поведения человека, поэтому ему соответствует внутреннее нравственное убеждение: если знак конвенционализируется, то символ канонизируется [Арутюнова, 1999, с. 345].

Всеми свойствами символа, описанными выше, обладают прецедентные имена – имена людей, связанные с определенными жизненными обстоятельствами и воплощающие некую культурную норму поведения или оценки ситуации, рассматриваемые в национальном сообществе как эталон. Основополагающей функцией прецедентных имен является то, что они, сохраняясь в когнитивной базе (определенным образом структурированной совокупности «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 2002, с. 113]) и отражая культурно специфический взгляд на мир, обусловленный всей историей народа, обес-

печивают передачу культурных ценностей от поколения к поколению и сохранение чувства национальной идентичности. В силу этого любое изменение смыслового содержания, стоящего за тем или иным именем, как и изменение состава списка самих имен, свидетельствует о внутренних процессах, происходящих в настоящий момент в культуре и обществе, а фиксация и скрупулезный анализ этих изменений, отраженных в языке, дают возможность прогнозизировать будущее нации.

Именно данные специфические черты прецедентных имен определяют достаточно стойкое внимание психолингвистики, этнопсихолингвистики, психолингвокультурологии, социолингвистики к динамике их содержания в настоящее время. В то же время сегодня исследование происходящих изменений требует расширения спектра используемых в экспериментах и при анализе полученных результатов методов (на этот факт обращает внимание, говоря о задачах, стоящих перед этнопсихолингвистикой, В.А. Пищальникова [Пищальникова, 2018], и мы полностью разделяем ее мнение), в том числе применения тех, которые успешно работают в психологии. Один из таких методов – метод построения семантических универсалий, как полагают психологи, является весьма эффективным для моделирования и углубленного изучения индивидуальных значений в силу того, что описание любого объекта с его помощью оказывается значительно шире и валиднее математических моделей, где применяются методы редукции данных. Преимущества метода семантических универсалий, как представляется, могут быть использованы и в исследовании прецедентных имен как важных элементов национальной когнитивной базы, так как позволяют не только выявить динамику, но и определить степень близости ценностно-ориентационного единства разных возрастных категорий граждан нашей страны в настоящее время.

Исследование прецедентных имен методом построения семантических универсалий стимула

Рассмотрим возможности применения описанного метода, используя данные, полученные в экспериментальной работе Д.В. Гороховой [Горохова, 2019]¹, где была предпринята попытка проследить

¹ Кандидатская работа Д.В. Гороховой выполнена под руководством И.А. Бубновой.

динамику содержания и номенклатуры прецедентных имен в сознании носителей русской лингвокультуры для подтверждения гипотезы о том, что «на современном этапе развития России внешние социальные факторы, непосредственно связанные с глобализационными процессами, начинают превалировать над национальной культурой, играя ведущую роль в формировании смыслового содержания морально-нравственных ценностей и, соответственно, номенклатуры прецедентных имен, маркирующих данные ценности в языковом сознании российской молодежи» [Горохова, 2019, с. 5–6].

На основном этапе работы (исследование имело лонгитюдный характер и проводилось с 2012 по 2016 г.) одним из использованных методов был метод группового ассоциативного эксперимента (вариант направленного ассоциативного эксперимента (далее – АЭ)). Специфика поставленной в работе цели обусловила следующую формулировку инструкции: «Вам будут предложены два списка. В первом списке перечислены морально-нравственные ценности, а во втором – имена, которые могут эти ценности олицетворять. Пожалуйста, соотнесите данные ценности с перечисленными именами. Вы можете дописать имя, если оно, на Ваш взгляд, не включено в данный Ваш список, а также не использовать те имена, которые есть в списке, но не соответствуют предъявленным ценностям» [там же, с. 101].

В эксперименте приняли участие две группы респондентов, количество участников в каждой группе – 85 человек, общее количество респондентов – 170 человек. Респонденты, вошедшие в первую группу, – студенты российских вузов, получившие среднее образование в постперестроечный период истории России, средний возраст – 20 лет; респонденты из второй группы – люди, получившие среднее и высшее образование в советский период, средний возраст – 41 год.

Для построения семантических универсалий нами использовались ассоциации, полученные в каждой группе не менее трех раз, что объясняется следующим:

1) наиболее информативны частотные (выбранные не менее трех раз) реакции, так как вероятность случайного выбора для испытуемого с нормальным развитием и, соответственно, вероятность случайного совпадения ассоциаций у трех и более респондентов пренебрежимо мала;

2) если в группе из 20–30 человек ассоциация при описании какого-либо стимула используется больше, чем тремя испытуемыми, то она используется неслучайно [Серкин, 2004, с. 76].

Набор неслучайных ассоциаций на определенный стимул называется ассоциативной семантической универсалией для данной группы [Серкин, 2004, с. 76].

В результате ранжирования данных семантическая универсальность стимула *трагедия* для группы студентов была представлена следующим рядом прецедентных имен: *Башни-Близнецы* (71), *Норд-Ост* (20), *Сталинград* (11), *Жанна Д'Арк* (9), *Хатынь* (6), *Бим* (5), *Джейн Эйр* (3) *Иуда* (3), *Мерлин Монро* (3), *Ксения Собчак* (3) (общее количество ассоциативных реакций вместе с единичными – 161).

Семантическая универсальность стимула *трагедия* для группы взрослых респондентов имеет следующую структуру: *Норд-Ост* (62), *Хатынь* (54), *Башни-Близнецы* (37), *Саластис* (24), *Шарли* (4), *Таня Савичева* (8), *Бим* (4), *Жанна Д'Арк* (3) (общее количество ассоциативных реакций вместе с единичными – 208).

Как можно заметить, основное различие семантических универсалий в группах заключается в различиях в частотности АЭ при одинаковом наполнении (последнее вполне закономерно при ограничениях, накладываемых самим методом направленного АЭ).

Следующий этап при построении семантической универсальности состоит в определении условной групповой выраженности определенного качества, т.е. представленности в описаниях группы той или иной характеристики стимула – «неизмеряемого» при применении других методов параметра.

В нашем случае в системе сознания студентов «вес» трагедии, определяемой событиями, произошедшими в США, в абсолютных числах равен 0,83 (взрослая группа – 0,43). Значительно менее трагичными кажутся им события, связанные с *Норд-Остом* – 0,23 (во взрослой группе – 0,73), а *Хатынь*, судя по выраженности качества «трагичности», равной 0,07 (во взрослой группе – 0,63), как реальная трагедия, связанная с историей своего собственного народа, большинством респондентов не рассматривается. Отсюда очевидно, какое событие, прежде всего, будет очерчивать круг явлений и направлять понимание феноменов, которые могут восприниматься сегодня современным молодым человеком как трагичные.

Не менее интересным кажется включение в семантическую универсалию стимула *трагедия* прецедентного имени *Сталинград* с «весом» 0,13, отсутствующего во взрослой группе (там данное имя появляется как маркер ценности *героизма* со значением 0,23, уступая первые места личным именам, воспринимаемым как пре-

цедентные, – *Н. Гастелло, А. Матросов, Ю. Гагарин, – и отражая, как можно предполагать, идею общего героизма всего народа*).

Представляется, что связь «*трагедия – Сталинград*» объясняется, прежде всего, именно социальным фактором, в частности отсутствием единой общенациональной системы образования и, как следствие, использованием при обучении разных учебников истории с весьма различающимся содержанием, транслирующим разные точки зрения как на период Великой Отечественной войны, так и вообще на советский период истории. Например, авторы одного из учебников истории [Волобуев, 2016] при описании Сталинградской битвы замечают: «*Удары были нанесены на участках, где советским войскам противостояли румынские, итальянские и венгерские части, отличавшиеся сравнительно низкой боеспособностью*» [там же, с. 166]. Вопрос о том, чем занимались немецкие войска, когда Советская армия вступила в схватку с «небоеспособными румынами, итальянцами и венграми», остается открытым, да и, вероятно, не возникает в сознании школьников, так как далее их внимание смещается на невероятные страдания людей в тылу, которые, как можно сделать вывод из текста, были вызваны не страшными событиями войны, а организованы государством, изобретавшим в этих тяжелейших условиях всё новые способы издевательств над своими гражданами: «*Государство изымало всё, что только можно было найти... Мало того, что труд на производстве был работой на износ, надо было еще в свободное время обрабатывать огород*» [там же, с. 177]. «*С конца 1943 г. до лета 1944 г. под предлогом сотрудничества, бандитизма и измены Родине с родных мест были выселены...*» [там же, с. 182] (выделено нами. – И. Б.).

При этом описания концлагерей даются в нескольких строках, без какого-либо акцента на их количестве, названиях наиболее известных, числе погибших советских и других граждан (заметим, что наряду с этим число умерших в 30-е годы в СССР от голода выделяется особо, причем цифры варьируются от 2,7 до 4,5 млн человек, см. ниже), страшных пытках и издевательствах, газовых камерах, концлагерях для детей, без использования в тексте фотографий, обошедших весь мир, и отличаются весьма примечательным, в аспекте теории воздействия, выбором лексических средств, например: «*над узниками концлагерей, куда попадали и военнопленные, и гражданские лица, ставили медицинские эксперименты, которые приводили к гибели людей или тяжелым последствиям для здоровья*»

[Волобуев, 2016, с. 180] (ср. приведенное выше «работа на износ» в условиях тотального голода, когда государство отнимало последнее).

В целом по всему тексту учебника авторская трактовка общей политики государства в тот период осуществляется при помощи нагруженной эмоционально лексики, например: «*Властьные органы нового строя декларировали идеалы свободы человека, справедливости, равенства людей. Но цена вопроса их не смущала*» [там же, с. 51], «*в деревне начался «черный передел»*» [там же, с. 53]. «*В южных областях СССР начался страшный голод. Пресса труила об успехах социалистического строительства, ни словом не обмолвившись о трагедии. Никакой помощи голодающим правительство не оказалось. ... в 1932–1933 гг. в Украине, на Северном Кавказе... умерли от 2,7 до 4,5 млн человек*» [там же, с. 106]. «*Диктатура, расхождение между тем, что было записано на бумаге, и тем, что было в реальной жизни, независимость судебной системы обернулась на деле превращением ее в орудие массового террора. ... В СССР возникла целая закрытая империя исправительно-трудовых учреждений*» [там же, с. 113]. «*Больших успехов в создании «новых людей» из бывших беспризорников добился педагог А.С. Макаренко*» [там же, с. 126]. «*Творческая интеллигенция чувствовала на своем плече руку «пролетарского государства». Требовалось восхвалять партию и ее вождя. ... Своего рода эталоном партийной литературы стала автобиографическая книга Н.А. Островского «Как закалялась сталь» о подвигах на боевом и трудовом фронте*» [там же, с. 128] (выделено нами. – И. Б.).

Подобные примеры можно продолжать, однако и этих, как представляется, достаточно, чтобы понять тот «образ страны» и «нации», который создается в сознании школьников. Очевидно, что в этом случае невозможно говорить об «общем славном прошлом» (по Ренану), поэтому неудивительно, что прецедентные имена, и в частности *Сталинград*, связанные с советским периодом истории, молодыми людьми, обучавшимися по таким учебникам, в лучшем случае воспринимаются как символы трагедии, приравниваемой к Башням-Близнецам.

Таким образом, при очень высокой мере семантической близости (0,73), определяемой количеством совпадающих в группах ассоциаций (271) и, соответственно, пересечением семантических полей, качественно ассоциативные семантические универсалии стимула *трагедия* в рассмотренных группах значительно отличаются, что свидетельствует о нарастающем разрыве в смысловом содержании

ценностей, маркированных определенным прецедентным именем, хранящимся в когнитивной базе национального сообщества.

Это же замечание полностью справедливо и для других исследованных в работе Д.В. Гороховой слов, обозначающих ценности (*патриотизм, героизм, честь, жестокость, успех*), понимание которых в системе индивидуального сознания представителей разных поколений определяется прецедентными именами, связанными с историческим прошлым нашей страны, и прежде всего с периодом Великой Отечественной войны.

Всё, сказанное выше, дает основания утверждать следующее:

1) метод семантических универсалий позволяет математически подтверждать сделанные на основании других экспериментальных данных выводы и может успешно применяться как один из методов исследования прецедентных имен;

2) прецедентные имена, связанные с советским периодом в истории развития России и входящие в когнитивную базу русского лингвокультурного сообщества как маркеры каких-либо культурных ценностей, в настоящий момент чаще всего являются символами, «раскалывающими», но не объединяющими нацию;

3) неоднозначное восприятие прецедентных имен, связанных с советским периодом в истории развития России, в сознании представителей разных поколений обусловлено, прежде всего, отсутствием единой трактовки в обществе и образовательном дискурсе исторического прошлого страны, что отражается в содержании учебников, призванных в идеале воспитывать и укреплять национальное сознание.

Заключение

Подводя краткий итог, обратимся к известному тезису А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 2004] о роли социума и идеологических представлений общества, отраженных в языке, через который индивид, собственного языка не имеющий, осознает окружающую его действительность и события, происходящие в мире.

Как показывают результаты сегодняшних исследований, особенно это касается исторического прошлого, когда индивид может идти только путем усвоения «извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной или массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания

ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте. <...> превращаясь в *стереотипы*, они, как и любые стереотипы, способны к сопротивлению. <...> Но и их разрушение не ведет еще к дезинтегрированности сознания, его неадекватности, само по себе оно создает лишь его опускание, способное обернуться психологической катастрофой» [Леонтьев, 2004, с. 119] (курсив автора. – И. Б.).

Соответственно, сам риск возникновения подобной катастрофы (на уровне индивида или в национальном масштабе) связан непосредственно с деятельностью различных социальных институтов, предлагающих индивиду выбор, причем «это выбор не между значениями, а между сталкивающимися общественными позициями, которые посредством этих значений выражаются и осознаются» [там же, с. 119].

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – XV, 896 с.
- Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. – М.: Дрофа, 2016. – 367 с.
- Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Горохова Д.В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019. – 234 с.
- Гранин Ю.Д. Станет ли Россия «национальным государством»? // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 15–26.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении: Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл: Академия, 2004. – 352 с.
- Пицальникова В.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – № 1. – С. 9–25. – Режим доступа: <http://epl-ionion.org/article.php?id=1> (Дата обращения: 01.07.2019 г.)
- Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т.: пер. с фр. / под ред. В.Н. Михайлов-

- ского. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (Дата обращения: 31.07.2019 г.)
- Серкин В.П. Методы психосемантики. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 207 с.
- Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
- Шейкин А.Г. Знак // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 222–223.

References

- Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma*, translated by Nikolaeva, V. Moscow: Kuchkovo pole.
- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.
- Volobuev, O.V., Karpachev, S.P., Romanov, P.N. (2016). *Istoriya Rossii: nachalo XX – nachalo XXI v. 10 kl.*: uchebnik. Moscow: Drofa.
- Gadamer, H.G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki*, translated by Bessonov, B.N. Moscow: Progress.
- Gorohova, D.V. (2019). *Dinamika soderzhaniya i nomenklatury precedentnyh imen v yazykovom soznanii nositelej russkoj lingvokul'tury* (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Granin, Yu.D. (2011). Stanet li Rossiya «nacional'nym gosudarstvom»? *Voprosy filosofii*, 1, 15–26.
- Krasnyh, V.V. (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij*. Moscow: Gnozis.
- Lejbnic, G.V. (1983). Novye opyty o chelovecheskom razumenii. In: *Sochineniya v 4-h tomah*. Vol. 2. Moscow: Mysl.
- Leontiev, A.N. (2004). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow: Smysl; Akademiya.
- Pishchalnikova, V.A. (2018). Actual Issues of Ethnopsycholinguistics. *Ethnopsycholinguistics*, 1, 9–25. Retrieved from: <http://epl-inion.org/en/article.php?id=1>
- Renan, E. *Chto takoe naciya?* Retrieved from: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
- Serkin, V.P. (2004). *Metody psihosemantiki*. Moscow: Aspekt Press.
- Cherneiko, L.O. (1997). *Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Shejkin, A.G. (1998). Znak. In: *Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya*. Vol. 1 (pp. 222–223). Saint-Petersburg.

Масленникова Е.М.

**ЛАКУНЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ:
ЛИЧНОСТНЫЕ СМЫСЛЫ ИНТЕРПРЕТАТОРА¹**

*Тверской государственный университет,
Россия, Тверь, e-maslenikova@inbox.ru*

Аннотация. Неполноценная текстовая коммуникация может быть вызвана несоответствием / несовпадением моделей мира автора текста и его читателя. Если читатель, не имеющий достаточного объема знаний о мире, при интерпретации сам заполняет «непонятое», то возникают личностные текстовые лакуны. Отсутствие у переводчика способности визуализировать реалию как часть Мира текста приводит к искажению и / или ложной интерпретации событий из Мира текста в переводе. Текст перевода рассматривается как вторичная текстовая проекция.

Ключевые слова: текст; понимание; перевод; лакуны; реалии.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Maslenikova E.M.

**Lacunas of Cultural Space and Visualization of Realities:
Interpreter's Personal Meanings**

*Tver State University,
Russia, Tver, e-maslenikova@inbox.ru*

Abstract. Inadequate textual communication can be caused by inconsistency and / or discrepancy between the world models that the author of the text and its readers possess and share. Readers can have not enough knowledge about the real world and /

¹ © Масленникова Е.М., 2019

or imaginary world represented in the text. In this case they fill in the text gaps trying to understand and interpret the text. As a result misunderstanding occurs and personal text lacunae arise. Translators' lack of the ability to visualize the Text World reality results in the distortion and / or false interpretation of the events in the Text World. Translations are seen as secondary text projections.

Keywords: text; understanding; translation; lacunae; realias.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Визуализация ассоциативных связей слова и текста представляют особую трудность для переводчика как первичного читателя-интерпретатора, создающего текст для вторичного читателя из системы переводящего языка и культуры, так как требуется обеспечить сохранность художественной образности, которая была создана автором оригинала.

Визуализация и личностные смыслы

Трудности перевода, вызванные необходимостью сохранить визуальную (или визуализированную) составляющую текста, связаны с:

- внешним приемом, когда автор прибегает к использованию дополнительных ассоциативных связей слова в создании художественной образности;
- наличием рисунков или иллюстраций (в особенности авторских);
- спецификой самого текста.

Сознание индивида можно рассматривать как поле интерпретаций личностных смыслов, извлекаемых им из художественного текста: в этом случае «личностный смысл объединяет различные представления о какой-либо реалии – от визуальных до вербальных», а «каждый признак реалии, отраженный в личностном смысле, может стать знаком ее и вызывать ассоциации, связанные с данной реалией» [Пищальникова, 2010, с. 44].

Оказавшись на лондонском вокзале, герой романа «Hercule Poirot's Christmas» (1938) писательницы А. Кристи (1890–1976) с ностальгией вспоминает свою родную Южную Африку, где на голубом небе (*blue skies*) всегда светит яркое солнце (*sunshine*). Поскольку английское прилагательное *blue* допускает трактовку как ‘синий; голубой, лазурный; голубоватый’, то общая цветовая гамма эпизода оказывается сине-голубой: *blue skies, cold blue flowers, blue convolvulus*. В значении ‘холодный’ прилагательное *cold* используется в отношении серо-голубых цветов (*cold blue flowers*). Что касается многолетнего цветкового растения *plumbago* ‘свинцовый корень, свинчатка’, используемого в декоративных целях как живая изгородь (*hedges of plumbago*), то оно имеет крупные бледно-голубые цветы. Чувства тоскующего по дому героя усиливает используемый автором глагол *cling* ‘цепляться’: как вьюнки (*blue convolvulus*) обивают хижины (*clinging to every little shanty*), так и его сердце привязано к дому.

He felt a quick pang of homesickness. Sunshine – blue skies – gardens of flowers – cold blue flowers – hedges of plumbago – blue convolvulus clinging to every little shanty. A. Christie. Hercule Poirot's Christmas (1938)

В переводе А.В. Перцова (1991) оказывается другое растение – произрастающая в Южной Африке пеларгония из семейства гераниевых, а вьюнки стали *пестрыми*. А. Лосева (1990) не стала вникать в ботанико-садовые тонкости наименований растений, получив *легкие ограды*, но добавила эмоциональность в описание сцены (вьюнки у каждой убогой лачуги). С. Шпак (1991) также упростил эпизод, оставив только *сады, хижины и голубые вьюнки*. И. Емельянникова (1998) представляет себе *кусты синего плюща, обивающего каждый крохотный домишко*. Что касается обвитой вьюнками хижины (*shanty*), то она оказывается блокгаузом, лачугой или домишком, при этом с помощью эпитетов создается картина убогой жизни, о которой с нежностью вспоминает герой: *самый последний блокгауз* (А.В. Перцов, 1991), *убогая лачуга* (Н. Лосева, 1990), *крохотный домишко* (И. Емельянникова, 1998).

...цветущие сады, хижины, покрытые голубыми вьюнками. А. Кристи. Праздник смерти (перевод С. Шпака, 1991); *...в садах растут необыкновенные голубые цветы – пеларгонии. Где самый последний блокгауз до крыши обвит пестрыми вьюнками.* А. Кристи. Рождество Эркюля Пуаро (перевод А.В. Перцова, 1991); *Его потянуло обратно в Южную Африку. Сердце сжала острыя тоска по дому. Солнце, синее небо, сады, полные цветов,*

прохладных синих цветов, легкие ограды, вьюнки даже у каждой убогой лачуги. А. Кристи. Убийство под праздник (перевод Н. Лосевой, 1990); *На секунду его охватила тоска по дому. Яркое солнце, синее море, цветущие сады, прохладные голубые цветы, кусты синего плюща, обвивающего каждый крохотный домишко.* А. Кристи. Убийство на Рождество (перевод И. Емельянниковой, 1998); *...сады, полные цветов, живые изгороди, синие вьюнки на стенах каждой лачуги.* А. Кристи. Рождество Эркюля Пуаро (перевод В.В. Тирдатова, 2004)

Культурные ценности и культурные смыслы

В силу того что художественный текст изначально «предздан» культурой, внутри которой он создавался, то для читателей, отделенных от него пространственно-временным барьером, текст становится источником представлений о системе культурных ценностей, а также непосредственно участвует в формировании этой системы. Выбор соответствующих и / или требуемых языковых средств зависит от следующих факторов:

- значимость событий из Мира текста для переводчика как внешнего наблюдателя;
- возможность идентифицировать отдельный культурный смысл или систему культурных смыслов, а также подтекст и затекст путем установления гипертекстуальных связей;
- конвенциональность языковых средств;
- эмоционально-оценочные характеристики слов, (не) опознаваемых переводчиком, и их контекстуально-временная маркированность;
- иное коллективное сознание, сформировавшееся в культуре принимающего языка;
- субъективное переживание-проживание переводчиком как активным читателем-интерпретатором текста и его смыслов;
- ситуационные, в том числе личностные, обстоятельства.

Субъективное переживание-проживание переводчиком как активным читателем-интерпретатором текста и его смыслов может привести к:

- приписыванию оригиналу собственных впечатлений о мире;
- коррекции оригинала под собственные знания;
- идеологическим играм с текстом;
- усилию оценочности и преобладанию личностных мотивов;

- адаптации оригинала по причинам социокультурного и / или психологического характера.

Английские авторы часто показывают настороженное отношение провинциальных жителей к оказавшимся в их краях чужакам, когда тем требуется долгое время, чтобы местное общество их приняло. Возможно, для современных англоязычных читателей также оказывается утраченным социально-обусловленный контекст начального эпизода из романа А. Кристи «Death on the Nile» (1937), где показано недобродетельное и завистливое отношение жителей английской провинции к богатой наследнице, посмевшей не только купить понравившееся загородное поместье, но и начать его активную модернизацию. Однако остается вопрос о праве переводчика «чистить» оригинал, что, например, произошло, когда Е. Васильева (1991) просто убрала весь этот эпизод при переводе.

Иногда трудно найти объяснение отдельным переводческим решениям или выявить направляющие их закономерности. Например, если в оригинале другого романа А. Кристи «4.50 from Paddington» (1957) служанка научила героиню вязать крючком (*a crochet pattern*), то в переводах та стала *вышивать* разные узоры (В. Коткин, 1990) или только *один узор листочками* (М. Кан, 2002).

Культурологические лакуны

В работе [Марковина, Сорокин, 1985] было предложено ввести понятие «культурологическая лакуна». Культурологические лакуны обусловлены, главным образом, экстралингвистическими факторами и возникают в результате различия или расхождения: поведенческих норм; неверbalных средств коммуникации; художественно-образного восприятия мира; национальных характеров и т.д.

Если этнографические лакуны обусловлены отсутствием тех или иных реалий, характерных для одной культуры, в другой культуре, то культурологические лакуны часто приводят к смысловой незащищенности текста. Речь также может идти о культурно связанных и обусловленных стереотипах общения, когда типовой образец ситуации включает знания коммуникантов о характере поведения в данной ситуации, в том числе о связанных с ней реалиях, и предусматривает типовой сценарий их взаимодействия.

В соответствии с модой XIX в. на небольших комнатных собачек одна из героинь лимериков Э. Лира (1812–1888) приобрела себе подобную маленьющую нахальную коричневую собачонку

(*a little brown saucy-cur*). Особого внимания заслуживает выбранное автором существительное для обозначения породы животного: *cur* ‘дворняжка, непородистая собака’.

*There was a young lady of Corsica,
Who purchased a little brown saucy-cur;
Which she fed upon ham,
And hot raspberry jam,
That expensive young lady of Corsica.*

E. Lear

На авторском рисунке (рис. 1) к лимерику представлена одетая в соответствии с модой того времени в платье с завышенной талией дама, угощающая стоящую перед ней на тумбе любимицу. На небольшом столике изображена упоминаемая в лимерике еда: *ham* ‘ветчина’ и *raspberry jam* ‘малиновый джем’. Чтобы читатель не ошибся, на банке имеется соответствующая надпись – *jam*.

Pic. 1. E. Lear. «There was a young lady of Corsica...»

М. Фрейдкин (2004) называет молодую леди (*a young lady of Corsica*) – нищей, кому оказалось дорого кормить деликатесами капризного пса (*Пса кормить нищей леди из Кладно / Выходило немножко накладно*). Е. Клюев (2007) делает из собачки рыжего Барсика.

Пса кормить нищей леди из Кладно
Выходило немного накладно.
Он на завтрак одну
Только ел ветчину,
На обед – только джем виноградный.

(Перевод М. Фрейдкина, 2004)

Вот вам барышня с острова Корсики:
Завела она рыжего Барска
И кормила грудинкой
С шоколадной начинкой,
От чего умирала вся Корсика.

(Перевод Е. Клюева, 2007)

Анонимный автор статьи о русских баснописцах «*Russian Fabulists, with Specimens*», опубликованной в журнале «*Fraser's magazine for Town and Country*» (1842), представляет читателю басню «Зеркало и Обезьяна» / «*The Monkey and the Mirror*» (1815) И.А. Крылова (1768/69–1844) как гротескную пародию на человека («*that grotesque parody on man*»). Если героями русской басни являются кума *Мартышка* и ее кум *Медведь*, то в переводе действующими лицами стали *Pug* ‘мопс’ и *Puss* ‘кошечка, киска’ (*Pug call'd to Puss to come and take a peep*). Подобный выбор объясним тем, что долгое время среди английской знати было модным держать в качестве домашних комнатных любимцев именно мопсов.

Личностная актуализация текстовых смыслов

То, что попадает в коммуникативный фокус текста, зависит от личностной актуализации (foregrounding в терминологии [Miall, Kuiken, 1994]) тех или иных параметров текста.

Герой другой басни И.А. Крылова «Тришкин каftан» (1815) обрезал рукава, чтобы залатать локти каftана, а фалды, чтобы наставить рукава, получив в результате *каftан, которого длиннее и камзолы*. Когда в 1825 г. тайный советник, сенатор и камергер граф Г.В. Орлов (1777–1826), вынужденный жить в Париже из-за болезни жены, решил издать за свой счет двухтомник басен И.А. Крылова с их параллельными переводами на французский язык и на итальянский язык «*Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens*», то к этому проекту были привлечены лучшие европейские профессиональные поэты и поэты-любители.

Басню о незадачливом *Тришке* перевел писатель и видный бельгийский деятель барон де Штассарт / Goswin Joseph Augustin, baron de Stassart (1780–1854). В его «*L'habit de Jocrisse*» из второго тома сборника басен упоминается персонаж французского народного театра *Пьеро* (*Pierrot*), в традиционном костюме которого присутствуют очень длинные рукава (*Bref il bouché les trous aux*

dépens de ses manches / Que d'un bon tiers il raccourcit. / Chacun de le raillery!... il dépouille ses hanches / Des basques dont il fait manches à la Pierrot). Кроме этого, герой перевода получил свое имя (*Jocrisse*) в честь неловкого и безвредного камердинера из французских комедий, олицетворяющего глупость и неуклюжесть в своих заботах о нуждах господина. Как шутовской персонаж *Jocrisse* считается разновидностью театральной маски *Пьера*. В перевод басни «Тришкин каftан» введена отсылка к модному в эпоху короля Генриха IV (1553–1610) предмету мужской одежды – очень короткому дублету. Переводчик пишет, что результат переделок стал напоминать локти королевского дублета (*Sans que le malheur rût l'abattre; / Ses coudes rappelaient le pourpoint d'Henri-Quatre*), объяснив в сноске эту историческую аллюзию следующим образом: Генрих IV жаловался своему суперинтенданту финансов на протертые локти в костюме по причине недостатка денег в казне («*On sait qu'Henri IV se plaignait à d'O, son intendant-général des finances, de n'avoir plus que des pourpoints troués aux coudes*»). Если русский баснописец высмеивает своей басней знать, пытавшуюся скрыть свои финансовые проблемы, то в морали к басне барон Штассарт обличает ловко обращающихся с финансами государственных мужей из магistrата (*Etendue ou restreinte au gré du magistrat, / Suivant le besoin, le caprice, / Grace aux adroits ciseaux de nos hommes d'État, / Mainte charte-ressemble à l'habit de Jocrisse*).

В подобных случаях предполагается совпадение реакций на уровне наиболее общих представлений о предмете, объекте, ситуации, а также ассоциативно-образная соотнесенность со стереотипами и активация соответствующих когнитивных контекстов.

В предисловии к книге «*Kriloff's original fables*» (1883) переводчик Д. Харрисон / J. Henry Harrison оговаривает, что особую трудность для него представляла необходимость сохранения отображеных в баснях русских национальных черт и подбора соответствующих английских эквивалентов. Ориентация на принимающую аудиторию привела к тому, что в его переводе басни И.А. Крылова «Демьянова уха» / «*Damian's Fishsoup*» (1813) изменился код поведения главных героев: например, жене Демьяна велено не кланяться (*Да кланяйся, жена!*!), а делать реверансы (*Wife, thy reverence make!*), а само действие перенесено в гостиную (*Damian's parlour*), откуда гость сбегает, схватив не *кушак* и *шапку*, а пальто, трость и накидку (*Seizing his coat, / Stick, and capote*).

Процесс поиска и определения переводчиком смысловых опор в оригинале идет по принципу «что есть текст для меня».

Особенности концептуализации во вторичном тексте

В числе трех основных областей концептуализации О.В. Магировская называет: «1) область предметов и явлений реального мира; 2) область действия как основного признака проявления предметной сущности и 3) область события как фрагмента отношений между его участниками» [Магировская, 2009, с. 85]. Соотношение оценки и ценностей в процессе категоризации вызывает эмоциональное переживание.

В басне А.Е. Измайлова (1779–1831) «Канарейка и Соловей» (1826–1830?) воссоздана атмосфера типичной русской усадьбы XIX в., где среди *берез к смородиновым и малиновым кустам* ведет *аллейка*, а под окном разбит *цветник с сиреневыми кустами*. Переводчик басни Л. Винер / Leo Wiener (1862–1939) родился на территории Российской империи в городе Белостоке, но переехал в США. Пейзаж в его выполненной прозой переводе «The Canary and the Nightingale» (1903) меняется: садовые посадки смородины, малины и сирени отсутствуют, а *Nightingale* «соловей» поет в зарослях *ежевики* (*a bramble bush*). Произошло то, что можно назвать схематизацией содержания под имеющиеся стереотипные ситуации и проявлением этнокультурной специфики языковой личности переводчика: «то, что мы называем значением слова, словосочетания и целого сообщения, есть результат соотнесения знака вместе с ситуацией общения с хранящимися в механизме памяти эквивалентами (“следами”) прежних ситуаций, прежних ситуативных типов, субъективно и объективно значимых» [Горелов, 2006, с. 27]. Отметим, что заросли *ежевики* часто фигурируют в описаниях типично английских пейзажей, например, у А. Конан Дойля (1859–1930) в рассказе «The Adventure of the Speckled Band» (*acres of bramble-covered land*) или у Г. Честертона (1874–1936) в рассказе «The Mistake of the Machine» (*bramble hedges*).

Р.Л. Стивенсон в стихотворении «From a Railway Carriage» (1885) упоминает не только собирающего ежевику ребенка (*Here is a child who climbs and scrambles, / All by himself and gathering brambles*), но и глазеющего на проезжающий мимо поезд бродягу (*Here is a tramp who stands and gazes*). Существуют два перевода этого стихотворения: в «мужском» переводе И. Ивановского (1958) *маленький мальчик ищет на кочках морошку*, а в «женском» переводе М. Лукашиной (2001) *маленький мальчик просто стоит на склоне холма*. Проносящийся мимо в окне поезда пейзаж включает мосты и дома (*bridges and houses*), живые изгороди и канавы (*hedges*).

and ditches), луга (*the meadows*), холм и равнину (*the hill and the plain*), железнодорожные станции (*stations*), мельнице (*a mill*) и реку (*a river*). М. Лукашина расширяет список увиденного (*ограды, часовни, аллеи, сосны, кустарники, клены, березки, дома, дорога, реки, мосты, хутора, города*), сделав при этом из *бродяги* (*a tramp*) работающих в поле жнецов, что видны лишь по пояс. И. Ивановский заменяет *бродягу* на *прохожего у калитки*, развивая при этом исходный образ *реки* (*there's a river*) до *реки и рыболова на плотине*. Подобные замены приводят к тому, что формируется несколько иная концептуальная модель Мира текста. Исходная модель Мира текста может даже значительно видоизменяться, особенно в случае наложения конструктов контактирующих культур друг на друга.

Переоценка Мира текста и ложная визуализация

Неточная переводческая селекция, классификация и оценка приводят к «искривлению» текстового пространства и формированию у вторичного читателя ложных представлений о параметрах инокультурного мира, закрепленных в оригинале. В таких случаях большое значение приобретает способность переводчика определить фокусный диапазон текста и границы диалога культур, в который включены как оригинал, так и перевод.

Герой лимерика «*There was an Old Person of Mold*» Э. Лира для спасения от холода купил муфты (*muffs*), меха (*furs*) и пуховые изделия (*fluffs*), в которых он изображен закутанным на авторской иллюстрации. Судя по рисунку (рис. 2), подобный внешний вид вызывает у окружающих чувство удивления или неудовольствия. Привычка кутаться воспринималась настоящими англичанами как нечто эксцентричное и иностранное: ее сохраняет бельгиец Пуаро из романов А. Кристи на протяжении всей своей жизни в Англии. Г. Честертон, описывая в рассказе «*The Flying Stars*» (1911) приезд финансиста эра Леопольда Фишера (Sir Leopold Fischer) в загородное поместье на Рождество, специально подчеркивает его иностранный вид (*a friendly, but foreign-looking old gentleman*). Переводчики не только «привязывают» лимерик к своим топонимам, но и перечисляют предметы зимней одежды: *старикашка из Вологды* имеет *сто тринацать* *одежек* (С. Таск, 2011), *агроном из колхоза* купил *тулуп и одиннадцать шуб* (С. Щоргин, 1999–2002), а *теплокровный старики* получает *доху на пуху и тулуп на меху* (М. Фрейдин, 2003).

Рис. 2. E. Lear. «There was an Old Person of Mold...»

Рассмотрим «обратную» визуализацию реалий в случае межсемиотического перевода литературного произведения в виде создания иллюстраций художниками под текст перевода на примере басен И.А. Крылова, опубликованных в переводе У. Ральстона / William Ralston Sheddon-Ralston (1828–1889). В издание «Kriloф and His Fables» (1869) вошли переводы 93 басен, а к 46 басням были созданы черно-белые иллюстрации, относительно которых переводчик высказал свое неудовольствие интересным образом: перед предисловием он разместил свое извинение на русском языке («Т□хъ русскихъ, которымъ попадется этотъ переводъ уважаемаго баснописца, переводчикъ покорн□йше просить принять въ соображеніе, что иллюстрированіе книги никакъ отъ него не завис□ло»). Так, басня «Ворона и курица» / «The crow and the hen» (1812) высмеивает бедственное положение войск Наполеона в захваченной Москве, когда солдаты были вынуждены стрелять и поедать ворон. Иллюстрация (рис. 3) представляет собой изображение типичного пейзажа: на крыше дома в гнезде сидит ворона, по двору ходят куры, петухи, цыплята, а на заднем плане видны церкви с крестами. Таким образом, английский читатель получил текст с иллюстрациями, в определенной степени отражающими сложившееся в Англии XIX в. лубочное представление о России и быте ее жителей, а русскоязычный читатель, кто имел возможность ознакомиться с книгой, понимал, что вины переводчика в подобных изображениях нет.

Рис. 3. «*The crow and the hen*» (Неизвестный иллюстратор)

Возрастает роль лингвокультурных факторов в переводческой деятельности. Отсутствие у переводчика способности визуализировать реалию как часть Мира текста приводит к искажению и / или ложной интерпретации событий из Мира текста. Например, стоящий на накрытом для чая столе у героев романа «*The Picture of Dorian Gray*» (1890) О. Уайльда (1854–1900) предмет *Georgian urn* представляет собой не просто *большой старинный чайник* (М. Абкина, 1960; В. Чухно, 1999) или *шипящую желобчатую георгианскую вазу* (А. Грызунова и М. Немцов, 2007). Английское чайное серебро, а именно георгианские изделия, считается лучшим, часто его изготавливали по образцу античных урн. Поданное к чаю угощение на фарфоровых блюдах (*globe-shaped china dishes*) было накрыто круглыми крышками (*what was under the covers*), но два блюда стали *шарообразными* (М. Абкина), оказались покрытыми *полусферами* (А. Грызунова и М. Немцов) и даже превратились в *фарфоровую сахарницу* и *молочник* (Д. Целовальникова, 2018).

Вторичное (пере)осмысление знаний о мире учитывает «входящие» связи. Выделяются не только отмеченные признаки реалии как характеризующие рассматриваемый объект или ситуацию, но и связанные с ее атрибутами. Имеет место интерпретация переводчи-

ком полученных данных через призму своего собственного мировидения. Отсутствие предмета в практическом опыте приводит: к описательному переводу; пропуску отдельной реалии или целого эпизода, где она упоминается; подбору эквивалента через отношение объекта к классу. Визуализация реалий для вторичного читателя предполагает наличие у него возможности опереться на (потенциально) имеющийся опыт и / или представление о предмете.

Выводы

Семиотичность текстового пространства связана как с этнографическими лакунами, так и с лакунами культурного фона. Невозможность активизировать соответствующий когнитивный контекст, предусмотренный и заложенный в оригинал его автором, часто обусловлена лингво- и социокультурной спецификацией как художественного текста, так и отдельного СЛОВА, которое становится одним из инструментов конструирования текстовой реальности. Спецификация СЛОВА, как правило, не указывается в обычных словарных дефинициях: то, что стоит за прототипом и / или названием категорий базового уровня в процессе языковой презентации знаний, находится под значительным влиянием различных культурных факторов, о которых неноситель языка и культуры обычно не имеет никакого представления. Эмоционально-оценочные характеристики СЛОВА зависят от того, что «лежит» за значением слова в синхронии и диахронии.

Список литературы

- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: КомКнига, 2006. – 112 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 1. – 800 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 2. – 784 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 3. – 560 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб.: Диамант, 1996. – Т. 4. – 688 с.
- Кристи А. 4.50 из Паддингтона: Книга для чтения на англ. яз. – СПб.: КАРО, 2008. – 384 с.

- Кристи А.* В 4.50 из Паддингтона / пер. с англ. В. Коткина. – М.: Прейскурантиз-дат, 1991. – 176 с.
- Кристи А.* В 4:50 с вокзала Паддингтон / пер. с англ. М. Кан. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.
- Кристи А.* Праздник смерти / пер. с англ. С. Шпака. – М.: Прейскурантиздат: Маркетинг-XXI, 1991. – 160 с.
- Кристи А.* Рождество Эркюля Пуаро // Кристи А. Рождество Эркюля Пуаро / пер. с англ. А. Перцова. – Свердловск: Ассоциация «Взаимодействие»; Минск: Университетское, 1991. – С. 3–180.
- Кристи А.* Рождество Эркюля Пуаро // Кристи А. Убийства по алфавиту / пер. с англ. В.В. Тирдатова. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 191–362.
- Кристи А.* Смерть на Ниле // Кристи А. Эркюль Пуаро: Романы / пер. с англ. Е. Васильевой. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 457–602.
- Кристи А.* Убийство на Рождество // Кристи А. Сочинения: В 3 т. / пер. с англ. И. Емельянниковой. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 3: Скрюченный домишко. Тринадцать сотрапезников. Родосский треугольник. Убийство на Рождество. – С. 371–542.
- Кристи А.* Убийство под праздник // Кристи А. Треснувшее зеркало. Убийство под праздник: Романы / пер. с англ. Н. Лосевой. – М.: ДЭМ, 1990. – С. 211–397.
- Крылов И.А.* Басни. – М.: Художественная литература, 1983. – 304 с.
- Лир Э.* Книга без смысла. В переводах, перепереводах и переперепереводах Евгения Клюева. – М.: Время, 2007. – 144 с.
- Лир Э.* Лимерики / пер. с англ. М. Фрейдкина. – Харьков: Фолио, 2008. – 224 с.
- Лир Э.* Мир вверх тормашками / пер. с англ. С.Э. Таска. – М.: ТриМаг, 2012. – 64 с.
- Магировская О.В.* Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкоznания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. 4. – С. 78–96.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 184–202.
- Пицальникова В.А.* История и теория психолингвистики. – М.: АСОХ, 2010. – Ч. 3: Психопоэтика. – 144 с.
- Стивенсон Р.Л.* Детский сад стихов и другие стихотворения. На англ. и русск. яз. – М.: Радуга, 2001. – 350 с.
- Уайльд О.* Портрет Дориана Грея / пер. с англ. Д. Целовальниковой. – М.: ACT, 2017. – 320 с.
- Уайльд О.* Портрет Дориана Грея / пер. с англ. М. Абкиной. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 320 с.
- Уайльд О.* Портрет Дориана Грея // Уайльд О. Портрет Дориана Грея / пер. с англ. А. Грызуновой, М. Немцова. – М.: Эксмо, 2010. – С. 5–276.
- Уайльд О.* Портрет Дориана Грея // Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Исповедь. Пьесы. Сказки / пер. с англ. В. Чухно. – М.: Эксмо, 2004. – С. 33–296.
- Chesterton G.K.* The flying stars // Chesterton G.K. The complete Father Brown stories. – Ware: Wordsworth Editions, 2006. – P. 65–75.
- Chesterton G.K.* The mistake of the machine // Chesterton G.K. The complete Father Brown stories. – Ware: Wordsworth Editions, 2006. – P. 239–251.
- Christie A.* Death on the Nile. – London: Collins Fontana Books, 1971. – 222 p.

- Christie A. Hercule Poirot's Christmas.* – London: HarperCollins Publishers, 2013. – 278 p.
- Conan Doyle A. The adventure of the speckled band // Conan Doyle A. The adventures of Sherlock Holmes.* – London: Penguin Books Ltd., 1994. – Mode of access: file:///C:/Users/5 F15~1/AppData/Local/Temp/The%20 Adventures%20 of%20 Sherl ock%20 Holmes_en.epub (Дата обращения: 19.06.2019 г.)
- Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs, précédées d'une introduction française de M. Lemontey, et d'une préf. italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff. – Paris: Bossange, 1825. – Vol. 2. – 350 p.
- Kriloff's Original Fables / Translated by I.H. Harrison.* – London: Remington & Company, 1883. – 228 p.
- Lear E. The complete non-sense book / Ed. by Lady Strachey; Introduction by the Earl of Cromer.* – New York: Duffield, 1912. – 433 p.
- Miall D.S., Kuiken D. Beyond text theory: Understanding literary response // Discourse Processes.* – 1994. – Vol. 17. – P. 337–352.
- Ralston W.R.S. Krilof and his fables.* – London: Strahan and Co., 1869. – 180 p.
- Russian fabulists, with specimens. Second article // Fraser's magazine for Town and Country. – 1842. – Vol. 25 (Jan. – June). – P. 238–250.
- Wiener L. Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time.* – New York: G.P. Putnam, 1902. – Vol. 1. – 486 p.
- Wilde O. The picture of Dorian Gray.* – M.: Менеджер, 2004. – 302 c.

References

- Gorelov, I.N. (2006). *Neverbal'nye komponenty kommunikacii* [Non-verbal components of communication]. Moscow, KomKniga.
- Dal', V.I. (1996). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Saint-Petersburg, Diamant.
- Dal', V.I. (1996). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Saint-Petersburg, Diamant.
- Dal', V.I. (1996). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Saint-Petersburg, Diamant.
- Dal', V.I. (1996). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Saint-Petersburg, Diamant.
- Kristi, A. (2008). *4.50 iz Paddingtona* [4.50 from Paddington]: Kniga dlya chteniya na angl. yaz. Saint-Petersburg, KARO.
- Kristi, A. (1991). *V 4.50 iz Paddingtona* [4.50 from Paddington], translated by V. Kotkin. Moscow, Prejskuranizdat.
- Kristi, A. (2013). *V 4:50 s vokzala Paddington* [4:50 from Paddington], translated by M. Kan. Moscow, Eksmo.
- Kristi, A. (1991). *Prazdnik smerti* [Hercule Poirot's Christmas], translated by S. Shpaka. Moscow, Prejskuranizdat, Marketing-XXI.
- Kristi, A. (1991). *Rozhdestvo Erkyulya Puaro* [Hercule Poirot's Christmas]. In: Kristi, A. *Rozhdestvo Erkyulya Puaro*, translated by A. Percov (pp. 3–180). Sverdlovsk, Vzaimodejstvie; Minsk, Universitetskoe.

- Kristi, A. (2004). *Rozhdestvo Erkyulya Puaro* [Hercule Poirot's Christmas]. In: Kristi, A. *Ubijstva po alfavitu* (pp. 191–362), translated by V.V. Tirdatov. Moscow, Centrpolygraf.
- Kristi, A. (2000). *Smert' na Nile* [Death on the Nile]. In: Kristi, A. *Erkyul' Puaro: Romany* (pp. 457–602), translated by E. Vasil'eva. Saint-Petersburg, Azbuka.
- Kristi, A. (1998). *Ubijstvo na Rozhdestvo* [Hercule Poirot's Christmas]. In: Kristi, A. *Sochineniya. Vol. 3: Skryuchennyj domishko; Trinadcat' sotrapeznikov; Rodoskij treugol'nik; Ubijstvo na Rozhdestvo* (pp. 371–542), translated by I. Emel'yannikova. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub.
- Kristi, A. (1990). *Ubijstvo pod prazdnik* [Hercule Poirot's Christmas]. In: Kristi, A. *Tresnuyshchее zerkalo; Ubijstvo pod prazdnik: Romany* (pp. 211–397), translated by N. Loseva. Moscow, DEM.
- Krylov, I.A. (1983). *Basni* [Fables]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
- Lear, E. (1912). *The complete non-sense book*, edited by Lady Strachey. Introduction by the Earl of Cromer. New York, Duffield.
- Lir, E. (2004). *Limeriki* [Limericks], translated by M. Frejkin. Har'kov, Folio.
- Lir, E. (2012). *Mir vverh tormashkami* [The World upside down], translated by S.E. Taska. Moscow, TriMag.
- Magirovskaya, O.V. (2009). Urovni konceptualizacii v yazyke [Levels of conceptualization in language]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Konceptualizaciya mira v yazyke* (pp. 78–96). Moscow, In-t yazykoznaniya RAN; Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina. Vol. IV.
- Markovina, I.Yu., Sorokin, Yu.A. (1985). Naciona'lno-kul'turnye aspekty rechevogo myshleniya [National-cultural aspects of speech thinking]. In: *Issledovanie rechevogo myshleniya v psiholingvistike* (pp. 184–202). Moscow, Nauka.
- Pishchal'nikova, V.A. (2010). *Istoriya i teoriya psiholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Part 3: Psihopoetika. Moscow, ASOH.
- Stivenson, R.L. (2001). *Detskij sad stihov i drugie stihotvorenija* [A Child's Garden of Verses]. Na angl. i russk. yaz. Moscow, Raduga.
- Uajl'd, O. (2004). *Portret Dorianu Greya* [The picture of Dorian Gray], translated by V. Chuhno. In: Uajl'd, O. *Portret Dorianu Greya. Ispoved'. P'esy. Skazki* (pp. 33–296). Moscow, Eksmo.
- Uajl'd, O. (2010). *Portret Dorianu Greya* [The picture of Dorian Gray], translated by A. Gryzunova and M. Nemcov. In: Uajl'd, O. *Portret Dorianu Greya* (pp. 5–276). Moscow, Eksmo.
- Uajl'd, O. (2017). *Portret Dorianu Greya* [The picture of Dorian Gray], translated by D. Celoval'nikova. Moscow, Izdatel'stvo AST.
- Wilde, O. (2007). *Portret Dorianu Greya* [The picture of Dorian Gray], translated by M. Abkina. Saint-Petersburg, Azbuka-klassika.
- Edvard Lir. *Kniga bez smysla. V perevodah, pereperevodah i perepereperevodah* Evgeniya Klyueva [A book without meaning. Translations, re-translations and re-translations of Yevgeny Klyuev] (2017). Moscow, Vremya.
- Chesterton, G.K. (2006). The Flying Stars. In: Chesterton, G.K. *The Complete Father Brown Stories* (pp. 65–75). Ware, Wordsworth Editions.
- Chesterton, G.K. (2006). The Mistake of the Machine. In: Chesterton, G.K. *The Complete Father Brown Stories* (pp. 239–251). Ware, Wordsworth Editions.
- Christie, A. (1971). *Death on the Nile*. London, Collins Fontana Books.

- Christie, A. (2013). *Hercule Poirot's Christmas*. London, HarperCollins Publishers.
- Conan Doyle, A. (1994). The Adventure of the Speckled Band». In: Conan Doyle, A. *The Adventures of Sherlock Holmes*. London, Penguin Books Ltd. Retrieved from: file:///C:/Users/5F15~1/AppData/Local/Temp/The%20Adventures%20of%20Sherlock%20Holmes_en.epub
- Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs*, précédées d'une introduction française de M. Lemontey, et d'une préf. italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff (1825). Vol. 2. Paris, Bossange.
- Kriloff's Original Fables* (1883), translated by I.H. Harrison. London, Remington & Company.
- Miall, D.S., Kuiken, D. (1994). Beyond text theory: Understanding literary response. *Discourse Processes*, 17, 337–352.
- Ralston, W.R.S. (1869). *Krilof and his fables*. London, Strahan and Co.
- Russian Fabulists, with Specimens. Second article* (1842). *Fraser's magazine for Town and Country*, XXV (Jan. – June), 238–250.
- Wiener, L. (1902). *Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time*. New York, G.P. Putnam. Vol. 1.
- Wilde, O. (2004). *The picture of Dorian Gray*. Moscow, Menedzher.

Дрога М.А.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИТАТ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ
(На материале заголовков)¹**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород, droga@bsu.edu.ru*

Аннотация. Работа посвящена исследованию языка газетной публистики. В интернет-изданиях, газетах, рекламе используется большое количество заголовков, выполняющих разные функции. Анализируются примеры на материале газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Мир новостей» и др. В статье рассматриваются особенности заголовков современных газет. Обращается внимание на заголовки, содержащие прецедентный текст. Также исследуется трансформация известных цитат в журналистских статьях. Цель автора – привлечь внимание читателя, а также выразить свое отношение к описываемому событию.

Ключевые слова: заголовок; язык газет; цитирование; цитата; прецедентность; имя собственное; интертекстуальность.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Дрога М.А., 2019

Droga M.A.
Transformation of Quotes in Newspaper Text
(On the Material of Headlines)

*Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod, droga@bsu.edu.ru*

Abstract. This paper focuses on newspaper publication language. There is a great number of headlines that perform different functions in Internet newspaper publications and advertising. Analyzed examples to be analyzed are retrieved from such newspapers as «Argumenty and Fakty», «Komsomolskaya Pravda», «Mir Novostey», etc. The paper explores the features of modern newspaper headlines. Special attention is drawn to the headlines, containing precedent texts. Transformations of famous quotes in journalistic articles are also looked at. The aim of journalists is to attract the audience and to express their own view to the described event.

Keywords: headline; newspaper language; quoting; quotation; precedent; proper noun; intertextuality.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Массмедиа являются одним из инструментов познания реальности. «Тексты СМИ сейчас являются наиболее социально значимыми сообщениями, превалирующими в обществе над всеми другими видами текстов. Медиатекст отражает особый тип реальности, которая является продуктом информационной деятельности человека» [Пищальникова, 2018].

Текстовые новообразования нестандартной структуры обладают большим потенциалом и по этой причине всё чаще используются в современных СМИ. Элементы языковой игры с использованием аббревиаций, сложения основ, замены компонентов включаются в медиатексты не только с целью фиксации внимания читателя, но и выполняют развлекательную функцию: читающий становится участником интеллектуальной игры, разгадывая многослойный смысл текстового новообразования.

Исследование показало, что развлекательную функцию часто выполняют газетные заголовки, содержащие строчки из известных фильмов, художественных текстов и т.п. За ними скрываются

культурно-исторические события, элементы народного прошлого. Заголовок всегда выделен графически; он противопоставлен основному тексту, читатель в первую очередь обращает на него внимание, он формирует основу для дальнейшего восприятия текста читателем [Саблина, 2009].

Термин «прецедентный текст» был предложен Ю.Н. Карапуловым еще в 1986 г. Феномен прецедентности выступил объединяющим компонентом готовых образов, оценок, норм. В отечественной лингвистике до сих пор ведутся споры о соотношении понятий «интертекстуальность» и «прецедентность», и в большинстве исследований четкой границы между ними не проводится. По сути, любой текст является цитатой чужих текстов. Так, в СМИ чрезвычайно востребованными становятся заголовки, содержащие цитатные формулы культурного состояния общества. Структурная трансформация цитат в заголовках газет рассматривалась в работах Е.А. Земской, Е.П. Черногрудовой, Т.Ю. Чигириной, Т.В. Васильевой, Е.С. Ляшенко и др. [Васильева, 2005; Ляшенко, Курмакаева – эл. ресурс].

Методика исследования

Цель настоящей работы состоит в анализе заголовков современной прессы. Заголовки, указывающие на известные события, известных людей, литературные произведения, отражают креативную деятельность человека, демонстрируют новый виток в развитии медийного текста и его влиянии на читателя. В задачи исследования входило: представление особенностей заголовков текстов газетной публистики и описание средств выражения информационного содержания, а также выявление доминанты в репрезентации культурного фонда русского языка.

В арсенале средств массовой коммуникации существует несколько категорий, обращение к которым является едва ли не обязательным [Дрога, Коробкова, 2018]. «К числу подобных феноменов относится имя собственное в его противопоставлении имени нарицательному и в его многообразных коммуникативных модификациях, результатом которых может быть превращение в прецедентное имя, сохраняющее многие признаки имени собственного и вместе с тем в той или иной степени приближающееся к имени нарицательному» [Нахимова – эл. ресурс].

Выборка заголовков для исследования осуществлялась на материале газет «Комсомольская правда», «Аргументы и факты»,

«Мир новостей» и др. за последние три года. Метод сплошной выборки комбинировался с квантитативным приемом, позволившим выделить наиболее пополняемые тематические группы заголовков. Полученный языковой материал детально обрабатывался при помощи описательного метода.

Результаты исследования

Анализ заголовков газетных текстов выявил употребление собственных имен, которые обозначают художественные или иные произведения, а также известных людей прошлого и настоящего (*Гоголь-переселенец*, *Ангел-хранитель*, *Амур-каток*, *Таня-Москвич* и т.п.). «Особенно активно вовлекаются в деривационные процессы и обыгрываются в медийных текстах имена (фамилии) значимых и популярных деятелей. Подобные новообразования оперативно реагируют на интенсивную динамику общественных процессов и часто негативно характеризуют определенного политического деятеля и его сторонников» [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты., 2018, с. 73]. Пример: *Джигурда-мобиль* (заголовок). *Объявивший о своем участии в выборах мэра Москвы актер Никита Джигурда своеобразно отметил победу российской сборной над командой Испании. Для этого он на улицах российской столицы запустил агитационный автомобиль с изображением самого себя* (КП, 02.07.2018 г.).

Гораздо большее число заглавий – фразы, представляющие собой ссылку на мировые события и узнаваемые тексты. Это заголовки-цитаты из художественных текстов, народных песен, мультфильмов, фразеологизмы, и т.п. Например: **В чужом пиру похмелье...** (заголовок). П. Климкин, министр иностранных дел Украины: «Украина обязана испортить России праздник футбола». Для этого украинской команде следовало победить не только российскую, но и другие сборные. Но она даже не смогла отобраться на ЧМ. А когда **в чужом пиру похмелье, дурные мысли и лезут в голову** (АиФ, 20.06.2018 г.).

Выражение «во чужом пиру похмелье» означает, что человек испытывает чувство чуждости по отношению ко всем окружающим, не разделяет общего приподнятого настроения, пребывая в мрачном расположении духа.

Полные прецедентные тексты становятся источниками интертекста в СМИ. Тексты могут цитироваться лишь целиком в тех

случаях, когда они невелики по объему (анекдоты, тосты, загадки, пословицы и т.п.). В других случаях апелляция к прецедентным текстам происходит путем использования прецедентных высказываний, имен и ситуаций [Фокина, 2006].

Отметим, что журналисты используют цитаты в измененном и переработанном виде (применительно к целям заголовка): *Тайны королевского двора* (заголовок). *Что за секретная диета Кейт Миддлтон?* (АиФ, 01.07.2018 г.). Фразеологизм «тайны мадридского двора» появился благодаря роману Георга Борна «Изабелла, или Тайны мадридского двора». В романе повествуется о скандальных похождениях испанской инфанты Изабеллы. В народе в шутку стали использовать это выражение при наличии каких-то тайн, интриг, особенно в среде известных людей. За последние годы это выражение не один раз попадало в заголовки газет, став общим достоянием культуры. *В лесу снималась елочка* (заголовок). *Наши читатели продолжают участвовать в литературно-фотографическом конкурсе. В этот раз в подборке оказались фотографии, на которых в прекрасном образе запечатлены символы Нового года* (КП, 04.01.2018 г.). *Обезьяна, будь человеком!* (заголовок). *Коко – самая умная говорящая горилла в мире – скончалась на 47-м году жизни* (КП, 28.06.2018 г.). Читатель невольно вспоминает о всем знакомом мультфильме «Баранкин, будь человеком!» (1963), снятом по одноименной повести Валерия Медведева (1962). Ленивый и непослушный ученик Баранкин превращается в крохотного человека. Его ждет много опасностей и приключений в мире насекомых. Но просьба «будь человеком!» в обычной жизни часто используется в значении войти в положение того, кто просит, понять его ситуацию, пойти навстречу, на уступки, проявить гуманность. Обычно с такой просьбой обращаются к друзьям.

Анализ отобранных заголовков позволил сделать вывод о частотности аббревиатур в их компонентном составе. «При существующей тенденции к языковой экономии в быстром темпе современной жизни – передать максимум информации, прикладывая минимум усилий, места, времени, – аббревиатуры просто созданы для такой функции <...> являются активным участником языковой игры, поскольку часто называют актуальные реалии современной действительности...» [цит. по: Социокультурные и лингвопрагматические аспекты ..., 2018, с. 137].

Приведем пример: *Что ПАСЕешь, то и вернешь*. Приедет ли делегация России в Страсбург? (заголовок). *На минувшей неделе Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы решило пору-*

чить Комиссии ПАСЕ по регламенту изучить вопрос о полномочиях национальных делегаций (АиФ, 29.05.2019 г.). В данном прецедентном тексте, отсылающем к пословице «что посеешь, то и пожнешь» (о человеке, который своими поступками предопределяет свое будущее), содержится аббревиатура ПАСЕ (Парламентская ассамблея Совета Европы). Это одно из двух главных уставных ведомств Совета Европы; консультативный орган, состоящий из представителей парламентов всех государств-членов. ПАСЕ является старейшим в Европе органом межпарламентского сотрудничества, основанным 70 лет назад. Происходит не только замена компонентов прецедентного выражения, но и замена орфограммы *о на а* в соответствии с целями подзаголовочной части.

Среди рассмотренных нами примеров встретились следующие виды структурной трансформации цитат, представляющих собой прецедентные тексты:

1) сокращение компонентного состава:

А поутру они проснулись... (АиФ, 05.12.2017 г.). Ср.: «А поутру они проснулись – кругом помятая трава, там не одна трава помята – помята девичья краса» (народная песня);

2) расширение компонентного состава:

Кошка, которая гуляет сама по себе на протезе (заголовок). *В Башкирии попавшей под машину Мурке распечатали новую лапу на 3D-принтере* (КП, 19.04.2018 г.). Ср.: «Кошка, которая гуляла сама по себе» (знаменитая сказка Редьярда Киплинга) – чудесная история о том, как дикие животные стали домашними и о хитрости дикой кошки. Но в данной статье речь о том, как хирурги и современная медицина помогли домашнему животному;

Чтобы брючный костюмчик сидел... (заголовок). *Во время предвыборной гонки Елену Зеленскую чаще всего видели в брючных костюмах. В голубом она появилась в день второго тура выборов на избирательном участке. Брючный костюм – тренд сезона, считают стилисты. Образ выглядит довольно демократично* (АиФ, 30.05.2019 г.). Фраза «главное, чтобы костюмчик сидел» стала крылатой благодаря песне из телефильма «Чародеи» режиссера К. Бромберга, снятому по сценарию братьев Стругацких в 1982 г. Произвести хорошее впечатление при первой встрече – главное для героя фильма. Такая же мысль прослеживается в отрывке из газетной статьи, в которой говорится о первой леди Украины, супруге Владимира Зеленского Елене.

Кононов и Каррера – два сапога пара (заголовок). *В Чемпионате России-2018/2019 был задействован двадцать*

один главный тренер. Среди них тренеры «Спартака» Кононов и Кэррера. При Массимо Кэррере «Спартак» угодил в пике, из которого Олег Кононов команду не вывел (Советский спорт, май, 2019 г.). Разговорное и ироническое выражение «два сапога пары», обозначающее людей, по своим качествам похожих друг на друга, дополняется двумя именами собственными в начале предложения-заголовка.

С Детского мира по нитке (заголовок). Многодетная мама за месяц создала прибыльный комиссионный магазин (АиФ, 2019, № 17).

Летящей походкой уходим от боли (заголовок). Как ноги влияют на наше здоровье (КП, 24.01.2019 г.).

3) замена слов-компонентов (может быть как частичной, так и полной):

а) *«Сепар» и «Молот»* (заголовок). Новейший украинский миномет опять убивает своих. Украинская разработка 2015 года вот уже год осуществляет «диверсии» в тылу, лишая жизни и здоровья военнослужащих ВСУ (АиФ, 06.07.2018 г.). Ср.: Серп и молот – советская государственная эмблема, символ союза рабочих и крестьян. В заголовке произошла замена первого слова в составе устойчивого словосочетания;

Росстата разбушевался (заголовок). По данным Росстата, каждая четвертая семья не может пригласить гостей на семейное торжество, 49,1% семей не в состоянии выехать на недельный отпуск, а у 11% семей не хватает денег на необходимые лекарства (Мир новостей, 10.04.2019 г.). В 1965 г. появился французский фильм «Фантомас разбушевался». Фантомас (фр. Fantômas, человек-фантом) – вымышленный персонаж, гениальный преступник, скрывающий свое лицо, один из наиболее известных антигероев французской литературы и кино. С этого времени стало популярным обозначение человека в маске *фантомасом*. В статье описываются последние статистические данные о жизни россиян.

Как хороши, как свежи были розы (заголовок). 7 лучших ракурсов для фото в отпуске (КП, 28.06.2018 г.). Этот заголовок отсылает нас к строке «как хороши, как свежи были розы», приписанной Ивану Тургеневу. Писатель использовал ее в одном из своих «стихотворений в прозе» (1882). Но не все знают, что данная фраза впервые появилась в стихотворении «Розы» (1835) без указания автора. На самом деле строчка была написана поэтом Иваном Петровичем Мятлевым (1796–1844), современником А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, довольно известным в свое время многими лирическими и шутливыми сочинениями. Также есть похожие строки

у Игоря Северянина, который в стихотворении «Классические розы» написал: «как хороши, как свежи будут розы» – замена одной буквы в слове;

Давай закусим, товарищ, по одной (заголовок). Гурманы знают: *правильные закуски градус не крадут, а создают атмосферу праздника. И к тому же не позволяют в новогоднюю ночь напиться* (КП, 27.01.2019 г.). Трансформация лексического значения и замена компонента (ср.: «давай закурим, товарищ, по одной» – строка из песни).

Кто в лес, кто по языкам. Как выбрать летний лагерь для ребенка? (заголовок). Если вы еще не определились, куда пристроить ребенка на летние каникулы, то стоит подумать про детский лагерь (АиФ, 29.05.2019 г.). Во фразеологическом словаре русского языка мы найдем следующее толкование выражения «кто в лес, кто по дрова»: разг. шутл. Вразнобой, вразброд; нестройно (о несогласованных действиях, обычно о пении, игре на музыкальных инструментах). Момент совпадения с прецедентным текстом – обозначение выбора, рассогласованности действий.

Преступница на все руки (заголовок). Одним из самых резонансных убийств стала расправа над женщины-полицейским Мишель Кизеветтер (КП, 30.05.2019 г.). В статье описывается долгий путь следователей, которые не могли найти женщину-призрака, оставлявшую свои следы на местах преступлений. Косвенно прослеживается связь с выражением «мастер на все руки». Изначально оно появилось в среде перчаточников – мастеров по изготовлению перчаток. Перчатки вошли в широкое употребление в средние века. В Россию попали из Европы. Изготовление перчаток, в отличие от производства обычных варежек было делом трудоемким. Как видим, в прессе происходит замена слова *мастер*, обозначающего высший уровень, блестящий результат на компонент с негативной окраской «преступница», обозначающий лицо женского пола.

Есть такая профессия – Родину восхищать (заголовок). Как на ТВ отметят 85-летие любимца зрителей Василия Ланового (КП, 27.05.2019 г.). Выражение, пришедшее в разговорный обиход из кинофильма «Офицеры»: «Есть такая профессия – Родину защищать».

На страницах печатных СМИ замечено одесское выражение, использовавшееся в кафе, ресторанах и гостиницах, перефразированное в следующий заголовок:

а) *Любой курорт за ваши деньги* (заголовок). Когда есть деньги, то лето можно устроить себе даже в январе. Однако в последнее время наши знаменитости предпочитают проводить январь не только на пляже, но и в горах. Селебрити разделились на два лагеря – любителей солнца и снега (КП, 17.01.2019 г.).

б) *Купить иль не купить?* (заголовок). В сегодняшнем мире очень развита привязанность людей к вещам. Все крутится вокруг материальных благ. Люди готовы с утра до ночи работать, чтобы осуществить очередную запланированную покупку. Для кого-то это действительно необходимость, а для кого – просто показать свое материальное превосходство (КП, 18.06.2018 г.). Ср.: «Быть или не быть?» (У. Шекспир. Гамлет) – замена всего лексического состава прецедентного высказывания.

Как видно из примеров, современные заголовки имеют высокий индекс обращения к культурологическому материалу. Так, использование заголовков, называемых «интертекстами», происходит во всех сферах жизни: политике, киноиндустрии, экономике, медицине и т.п. Графически яркие и броские заголовки содержат отсылки к ранее созданным текстам. Причем трансформация цитат происходит с использованием различных приемов.

- **Лексическая трансформация**

Наши и медведь (заголовок). Как бурый мишка Тима стал болельщиком и актером. В день открытия чемпионата мира по Москве в кабриолете катался настоящий медведь, который периодически дудел в фанатскую дудку (АиФ, 18.06.2018 г.). Изменение слова «Маша», обозначавшего героя мультфильма (сказки), на слово «наши» приспосабливает заголовок для обобщающего именования всех российских футбольных болельщиков.

Звезда обетованная (заголовок). Ходят упорные слухи – от России в Израиль на конкурс «Евровидение-2019» поедет Сергей Лазарев. Но есть и другие претенденты (КП, апрель, 2019). Фразеологизм «земля обетованная» употребляется в значении: место, куда кто-либо стремится, мечтает попасть; место, где царят довольство и счастье; вообще что-либо желанное, что представляется высшим счастьем. В медийном тексте раскрывается значение трудного выбора, еще одной попытки, которую предпринял бывший участник музыкального конкурса Сергей Лазарев.

- **Графическая или интонационная трансформация**

Во поле «Березка» плясала (заголовок). Как легендарный танцевальный ансамбль прославил СССР на международном уровне (КП, 22.04.2018 г.). Ср.: название известной русской народ-

ной хороводной песни «Во поле березка стояла». В данном случае «Березка» – официальное название танцевального коллектива, поэтому графически оформлено в кавычках и с заглавной буквы.

Декретные материалы (заголовок). Насколько выросли выплаты мамам? (АиФ, 2019, № 12). Сериал «Секретные материалы» впервые попал на наши экраны почти 25 лет назад, и в то время никто не предсказывал, насколько он станет массовым. То, что начиналось как научно-фантастический телесериал со сверхъестественными явлениями, вскоре начало просачиваться в попкультуру, оставляя наследие, с которым не многие могут соперничать в жанре научной фантастики. В статейном заголовке нет прямой связи с прецедентным названием, ярко прослеживается игра слов: при замене заглавной буквы происходит переориентация читателя на тему детских пособий, положенных мамам и папам в России.

- Грамматическая трансформация

Никто не виноват и ничего не надо делать (заголовок). *Как устроена Россия?* (АиФ, 12.06.2018 г.). Ср.: «кто виноват?» и «что делать?» – два извечных философских вопроса, поставленных классиками русской литературы. Изменение местоимений объясняется содержанием публикации о том, что у России свой путь развития и не следует искать причины неудач.

Важно отметить, что среди заголовков выделяются так называемые дезориентирующие, т.е. не связанные с цитируемым прецедентным текстом, не отражающие его сути: *Следствие ведут лежаки* (заголовок). *Телезрителей ждет новый комедийный детектив «Пляж. Жаркий сезон»* (КП, 05.07.2018 г.). «Следствие ведут ЗнаТоКи» – цикл советских детективных фильмов, один из самых популярных советских сериалов.

В подобных примерах степень информативности и предсказуемости текста минимальна: *Белая горилла под моим окном* (заголовок). *В прокат вышел фильм с гориллой в главной роли* (КП, 12.07.2018 г.). Этот заголовок не имеет ничего общего с прецедентным текстом: Сергей Есенин писал о тоске по Родине, где береза – символ духовной чистоты. Это еще раз подтверждает тот факт, что для автора статьи доминирующей целью является заинтересованность читателя. То, что получается в результате замены компонента, приобретает комический эффект.

Результатом комплексной трансформации является трансформированная цитата – квазицитата. Например: *Возьмите от пенсии всё!* (заголовок). *Современные пенсионеры активно догоняют моло-*

дое поколение, всё больше осваивая новые финансовые инструменты и технологии (АиФ, 2019, № 17). Здесь наблюдаем качественную трансформацию и лексическую замену компонентов слогана текстом из популярных реклам: «Пепси, бери от жизни всё!».

Ты ж меня кидманула (заголовок). *Криминальная драма «Время возмездия» готовит сюрприз для поклонников Николь Кидман* (КП, 20.03.2019 г.). «Ти ж мене підманула» (рус. ты ж меня обманула) – шуточная и плясовая украинская народная песня. В ней повествуется о молодом парне и девушке, которая каждый день недели назначает ему свидания, а сама на них не приходит. Данная песня является одной из самых популярных украинских песен. В заголовочной части газетной статьи происходит изменение смысла и замена глагола в несвойственной русскому языку форме. В результате глагол содержит в полном виде фамилию знаменитой голливудской актрисы Николь Кидман.

Расширение компонентного состава и грамматическая трансформация глагола, изменившего время, прослеживаются в следующем заголовке: *Острый язык до Киева довел* (заголовок). *Пока еще действующий украинский президент Петр Порошенко в воскресенье оглушительно проиграл выборы Владимиру Зеленскому. Что ждет Украину и как сложатся взаимоотношения Киева и Москвы после смены власти?* (АиФ, 2019, № 17). (Ср.: «язык до Киева доведет», которое означает возможность отыскать нужное место).

Тачки счет любят (заголовок). *Сколько теперь стоят машины и каков их возраст* (КП, 17.01.2019 г.). Происходит изменение порядка следования компонентов высказывания и лексическая замена компонента прецедентного выражения «деньги любят счет».

Только мы с конем по площади идем (заголовок). *14 апреля в Кремле начнет 14-й сезон торжественный развод пеших и конных караулов* (КП, 12.04.2018 г.). «Выйду ночью в поле с конем...» – название популярной песни, впервые исполненной группой «Любэ» в 1994 г. Автор текста – Александр Шаганов. В ней есть строка «только мы с конем по полю идем...», которая пользуется чрезвычайной популярностью и у журналистов.

Финальный бой ведет ледовая дружина (заголовок). *Начались съемки заключительного сезона хоккейной мелодрамы «Молодежка»* (КП, 12.04.2018 г.). Замена компонента также произошла и в этом заголовке – строка из известной песни «трус не играет в хоккей»: «суровый бой ведет ледовая дружина». Прилагательное «финальный» необходимо для указания на завершение транслируемого сериала.

Друзь в игре не бросит (заголовок). Зрителей ждет решающий поединок весенней серии «Что? Где? Когда?» (КП, 16.04.2018 г.). Прецедентный текст – слова из песни на стихи Михаила Пляцковского «Настоящий друг»: «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит...».

Без Друзя меня чуть-чуть (заголовок). Команда Виктора Сиднева проведет первую игру в клубе «Что? Где? Когда?» без своей главной звезды Александра Друзя (КП, 23.05.2019 г.). Песня «Если с другом вышел в путь» была очень популярна в советское время, ее слова знал каждый школьник. Стока «без друзей меня чуть-чуть» получила в заголовке новую жизнь: речь о нашумевшем уходе Александра Друзя из команды знатоков и из игры в целом.

Характеры бывают разные: синие, белые, красные... (заголовок) (КП, 12.04.2018 г.). Песня группы «Отпетые мошенники» «Девушки бывают разные: черные, белые, красные...». Статья о том, что характер каждого человека имеет цвет (в психологии).

Ну вы, блин, даете! (заголовок). Вся программа «Московской Масленицы» – это сплошной интерактив. Живое участие гостей предусмотрено не только в гастрономической части, но и развлекательной (АиФ, 2019, № 10). Знаменитым одноименное выражение стало после того, как прозвучало из уст героя русского фильма «Особенности национальной охоты» как реакция удивления. В газетном дискурсе выражение используется без замен и трансформаций, но приобретает новый смысл. Слово «блин» не является здесь вводным, а обозначает главного героя описываемого события – русское традиционное блюдо, которое выпекают в Масленицу.

Город от ума (заголовок). Что говорят жители столицы, переехавшие в новые дома по программе реновации (АиФ, 2019, № 12). Казалось бы, этот заголовок не имеет ничего общего с грибоедовским названием пьесы. Однако замена компонента *горе* дает право автору сменить ракурс стереотипных мыслей читателя. «Отклонение от семантической нормы можно признать поиском такого языкового знака, который “отключает” в сознании адресата речи влияние стереотипных, а потому обычных и не вызывающих у него интереса рациональных координатов оценки высказывания. В плоскости логики, задающей такие координаты и автоматически применяемой носителем языка при восприятии высказываний, фиксируется отступление от здравого смысла» [Колесникова, 2017].

Клоп в помощь (заголовок): «Сотрудниками теплиц по выращиванию экопомидоров являются насекомые-энтомофаги. И самый известный из них – клоп макролофус (АиФ, 2019, № 12). В данном прецедентном выражении аномальный характер высказывания обнаруживается на уровне нарушения смысловой связанности и не противоречивости его элементов в рамках словосочетания. Толкование фразы «Бог в помощь» без труда находим в словаре: (устар. прост.) в речевом этикете пожелание кому-либо успеха в труде. В медийном тексте происходит суммирование взаимоисключающих понятий («клоп» и «помощь»), что естественным образом чувствуется читателем интуитивно, а значит заголовок задает определенное направление читателю в соответствии с целями автора. Таким образом, «привлекательный подзаголовок, требуя реинтерпретации в контекстуальных рамках, создает своеобразную смысловую “воронку” для читателя, так как желаемое тождество знака и смысла семантизируется в зигзагообразной структуре» [Колесникова, 2017].

Заголовок, реализуя стратегию коммуникативного сотрудничества с читателем, помогает преподнести необходимую информацию ярко, точно и убедительно. «Помогают добиться этого лексические элементы, представляющие неожиданную лексическую сочетаемость, например у заголовка, создающего интригу, появляется подзаголовок, который раскрывает, поясняет ситуацию» [Прохорова, 2012]: *Упал – очнулся в вытрезвителе* (заголовок). «Мир новостей» уже писал, что в недрах Госдумы готовится законопроект о возрождении системы вытрезвителей. И вот законопроект готов, в середине мая он внесен на рассмотрение (Мир новостей, 29.05.2019 г.). В данном тексте наблюдаем несколько трансформаций: расширение компонентного состава в виде добавления места действия, а также сокращение прецедентного выражения из советского кинофильма «Бриллиантовая рука»: «Шел. Подскользнулся. Упал. Закрытый перелом. Потерял сознание. Очнулся – гипс!»

Частотным явлением в текстах газетной публицистики являются рифмованные прецедентные заголовки. Приведем примеры: *Зима, холода, Баста, Навка, Лобода* (заголовок). *На съемках «Новогодней ночи на Первом канале» звезды пели, мерзли и танцевали с астронавтами* (КП, 28.12.2018 г.). В песне «Зима – холода», которую исполнял Андрей Губин, есть строки «зима, холода, одинокие дома».

Танцуем, колдаем, вопросы тасуем (заголовок). Зрителей ждут финалы нескольких популярных проектов. За стол со знато-

ками «Что? Где? Когда?» садятся не только задающие вопросы телезрители, но и ведущий Борис Крюк (КП. 21.12.2018).

Все переженяются, родная! (заголовок). *Новая мелодрама «Родная кровь» расскажет о непростой судьбе блондинки Вероники* (КП, 14.12.2018 г.). Известная фраза из песни «Упала шляпа» – «Все перемелется, родная».

Заключение

Итак, частотность использования цитат в газетных заголовках очевидна. «Прецедентные тексты, функционируя в газетном дискурсе, могут подвергаться разным трансформациям. Трансформированные прецедентные тексты делают газетный заголовок прагматически интенсивным: такой заголовок эмоционально воздействует, выражает оценку, поддерживает контакт с читателем» [Киселева, 2017]. Как показали наблюдения, заголовок, содержащий цитату и ее трансформации, может создавать эффект образности, эмоциональности, оценочности, всегда привлекает внимание. Журналисты используют различные источники прецедентных текстов, чтобы создать более выразительные заголовки статей.

Проведенное нами исследование позволило сделать вывод, что чаще встречаются источники прецедентных текстов, которые узнаемы большим числом читателей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы. Медиатексты влияют на человека, двигаясь в сторону его «поглощения». «Гибко приспосабливаясь к его запросам, тонко настраиваясь на движение его мысли и чувства, разнообразно вовлекая его в свою орбиту и вменяя себя ему в обязанность, они “надиктовывают” все новые и новые правила конвертирования пространства, времени, дискурсов человека и его текстов в свои форматы» [Полонский, 2019].

Характер трансформации прецедентных текстов в заголовке обусловлен коммуникативной задачей автора полнее и ярче выразить свою мысль. Мы выделили следующие способы внедрения в медиатекст прецедентных феноменов: 1) без изменения своего состава, с сохранением исходного смысла; 2) трансформация с сохранением лексического состава; 3) трансформация смысла путем добавления ряда слов или изменения слов исходной цитаты; 4) интонационная трансформация с изменением интонации в конце высказывания, что вызывает определенные смысловые смещения.

В некоторых заголовках, относящих читателя к прецедентным выражениям или текстам, наблюдается сдвиг в передаче их культурно-специфического содержания. Этот процесс происходит в тех случаях, когда в сознании людей начинает формироваться новая картина, описывающая уже существующий феномен. Происходит наслаждение нового смысла высказывания, которое подверглось изменению в заголовке, изменение «реального функционирующего в данный момент культурно значимого содержания имен / высказываний / текстов и характера включения последнего в речевую деятельность» [Панарина, 2018]. Полученные данные позволяют говорить о том, что в конкретном речевом действии прецедентность не реализуется.

Среди заголовков (прецедентных имен) обнаруживаем выражения, относящиеся к героям и событиям книг, фильмов, названиям литературных произведений. Лидирующую позицию занимают устойчивые сочетания слов, которые получают в газетных текстах новую трактовку, при этом журналисты выступают словоиздателями. «Трансформация фразеологизмов в газетных заголовках помогает передать суть явления или события, основную идею, которую хотелось бы высказать автору, его отношение к чему-либо. Фразеологизмы в газетных заголовках, особенно в измененном виде, придают газетному тексту выразительность, заставляют увидеть в обыденной теме или ситуации новое, усиливают экспрессивность заголовка» [Шепелева, Хван, 2018].

Список литературы

- Аргументы и факты. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/> (Дата обращения: 02.03.2019 г.)
- Васильева Т.В. Когнитивно-функциональные аспекты заголовка (На материале современного американского рассказа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 22 с.
- Дрога М.А., Халявина (Коробкова) Д.В. Составные наименования-заголовки в современной прессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 2. – С. 88–91.
- Киселева Н.А., Жаркова Е.С. Прецедентные феномены в газетных СМИ малого и большого города // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 88–90.
- Колесникова О.И. Нарушения семантической нормы в эстетикогенном дискурсе СМИ // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017). – Киров: Вятский гос. ун-т, 2017. – С. 3408–3414.

Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/> (Дата обращения: 10.03.2019 г.)

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76. – Режим доступа: http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1994/1_%28147%29/4508_%D0%9A%D0%BA%D0%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8F%D1%82%D1%81%D1%8F%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BC%D0%8B8/stat1994-1-4508.pdf (Дата обращения: 25.07.2019 г.)

Ляшенко Е.С., Курмакаева Н.П. Прецедентные высказывания в масс-медиийном заголовке на спортивную тематику. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/38246196-Udk-precedentnye-vyskazyvaniya-v-mass-mediynom-zagolovke-na-sportivnyu-tematiku.html> (Дата обращения 07.07.2018 г.)

Мир новостей. – Режим доступа: <https://mignov.ru/> (Дата обращения: 17.03.2019 г.)

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007. – 207 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (Дата обращения 08.07.2018 г.)

Панарина Н.С. Гештальтность восприятия как существенный параметр механизма вербальной репрезентации прецедентности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 9 (801). – С. 194–205.

Пицальникова В.А. Медиатекст как компонент дискурса СМИ: Сущность и функционирование // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3–1 (20). – С. 184–187.

Полонский А.В. Медийный текст как феномен современной культуры // Тексты нового века: материалы межрегионального круглого стола. – Орёл, 2019. – С. 31–34.

Прохорова К.В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 238–246.

Саблина М.В. Интертекстуальность заголовков современной российской прессы // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – № 2. – С. 94–100.

Советский спорт. – Режим доступа: <https://www.sovsport.ru/> (Дата обращения: 23.03.2019 г.)

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацбурской. – М.: Флинта, 2018. – 232 с.

Фокина О.В. Источники интертекстуальных связей в средствах массовой информации (На примере современных газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 20 с.

Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: На материале центральной, региональной и местной прессы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 22 с.

Шепелева Г.П., Хван М.С. Фразеологизмы в роли газетных заголовков (На материале «Вечернего Бишкека») // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 116–119.

References

- Argumenty i fakty*. Retrieved from <http://www.aif.ru/>
- Vasil'eva, T.V. (2005). *Kognitivno-funkcional'nye aspekty zagolovka (N materiale sovremennoj amerikanskogo rasskaza)* (Unpublished Doctoral dissertation). Moscow.
- Droga, M.A., Haljavina (Korobkova), D.V. (2018). Sostavnye naimenovaniya-zagolovki v sovremennoj presse. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*, 2, 88–91.
- Kiseleva, N.A., Zharkova, E.S. (2017). Precedentnye fenomeny v gazetnyh SMI malogo i bol'shogo goroda. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhu'turnaja kommunikacija*, 1, 88–90.
- Kolesnikova, O.I. (2017). Narushenija semanticheskoy normy v jestetikogennom diskurse SMI. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NGR-2017)* (pp. 3408–3414). Kirov, Vyatsky gos. universitet.
- Komsomol'skaja Pravda*. Retrieved from <https://www.kp.ru/>
- Kostomarov, V.G., Burvikova, N.D. (1994). Kak teksty stanovjatsja precedentnymi. *Russkij jazyk za rubezhom*, 1, 73–76. Retrieved from: http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1994/1_%28147%29/4508_%D0%9A%D0%B0%D0%BA_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%8B_%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8F%D1%82%D1%81%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D1%82%D1%8B%D0%BC%D0%B8/stat1994-1-4508.pdf.
- Ljashenko, E.S., Kurmakaeva, N.P. Precedentnye vyskazyvaniya v mass-medijnom zagolovke na sportivnuju tematiku. Retrieved from <https://docplayer.ru/38246196-Udk-precedentnye-vyskazyvaniya-v-mass-medijnom-zagolovke-na-sportivnuyu-tematiku.html>
- Mir novostej. Retrieved from <https://mirnov.ru/>
- Nahimova, E.A. (2007). Precedentnye imena v massovoj kommunikacii. Ekaterinburg. Retrieved from www.philology.ru/linguistics2/nahimova-07a.htm
- Panarna, N.S. (2018). Geshtal'tnost' vosprijatija kak sushhestvennyj parametr mehanizma verbal'noj reprezentacii precedentnosti. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*, 9(801), 194–205.
- Pishchal'nikova, V.A. (2018). Mediatekst kak komponent diskursa SMI: sushhnost' i funkcionirovaniye. *Sovremennyj diskurs-analiz*, 3–1(20), 184–187.
- Polonskij, A.V. Medijnyj tekst kak fenomen sovremennoj kul'tury. In: Teksty novogo veka: materialy mezhregional'nogo kruglogo stola (pp. 31–34). Orjol.
- Prohorova, K.V. (2012). Zagolovochnyj kompleks v mediatekste: osobennosti funkcionirovaniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 1, 238–246.
- Sablina, M.V. (2009). Intertekstual'nost' zagolovkov sovremennoj rossijskoj pressy. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2, 94–100.
- Sovetskij sport. Retrieved from <https://www.sovsport.ru/>
- Sociokul'turnye i lingvopragmatische skie aspekty sovremennoj slovoobrazovatel'nyh processov: kollektivnaja monografija (2018). Raciburskaya, L.V. (Ed.). Moscow, Flinta.
- Fokina, O.V. (2016). *Istochniki intertekstual'nyh svjazej v sredstvah massovoj informacii (Na primere sovremennoj gazet)* (Unpublished Doctoral dissertation). Moscow.

Chernogrudova, E.P. (2003). *Zagolovki s precedentnymi tekstami v sovremennoj publicistike: na materiale central'noj, regional'noj i mestnoj pressy* (Unpublished Doctoral dissertation). Voronezh.

Shepeleva, G.P., Hvan, M.S. (2018). Frazeologizmy v roli gazetnyh zagolovkov (na materiale «Vechernego Bishkeka»). *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slavjanskogo universiteta*, 18(1), 116–119.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.161.1

DOI: 10.31249/epl/2019.02.10

Гуц Е.Н.¹⁾, Худякова Н.О.²⁾

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫБОРА МЕТОДИК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ВОЗРАСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ РЕЦИПИЕНТОВ^{1,2}

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск, ¹⁾egoots@yandex.ru, ²⁾khudyakova.natalya.95@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа подготовки и проведения психолингвистического эксперимента с применением различных методик при изучении языковой картины мира пожилого человека. Целью данного этапа исследования является определение обусловленности выбора методов и приемов использования психолингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов. Анализ четырех экспериментальных методик (свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента, метода дополнения языкового знака, «семантического дифференциала») позволил сделать вывод о необходимости адаптации экспериментальных заданий к возрастным, социальным и психологическим особенностям реципиентов. Особого внимания и корректировки требуют стимульные списки, шкалы (для «семантического дифференциала») и формулировки заданий для направленного ассоциативного эксперимента. При формировании экспериментальной выборки необходимо учитывать не только возраст, пол реципиента, работает он / она или нет в настоящее время, но и такие факторы, как уровень образования и профессия / род трудовой деятельности до выхода на пенсию.

¹ © Гуц Е.Н., Худякова Н.О., 2019

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: Комплексное лингвистическое исследование».

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент; свободный ассоциативный эксперимент; направленный ассоциативный эксперимент; метод «семантического дифференциала»; метод дополнения языкового знака; реципиенты пожилого возраста.

Поступила: 27.07.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Goots Ye.N.¹⁾, Khudyakova N.O.²⁾

Choice of Psycholinguistic Experiment Methods Depending on Age Characteristics of Recipients¹

*Dostoevsky Omsk State University,
Russia, Omsk, ¹⁾egoots@yandex.ru, ²⁾khudyakova.natalya.95@mail.ru*

Abstract. The paper presents the findings of the analysis of the preparation and carrying out of a psycholinguistic experiment using various techniques in studying the linguistic worldview of an elderly person. The purpose of this stage of the study is to determine if and how the choice of methods and techniques to be employed in a psycholinguistic experiment is determined by age characteristics of the recipients. The analysis of four experimental methods (free associative experiment, directed associative experiment, method of supplementing a linguistic sign, and «semantic differential») has revealed that experimental tasks must be adapted to the age, social, and psychological characteristics of the recipients. Particular attention should be paid to stimulus lists, scales (for the «semantic differential»), and wording of the task for a directed associative experiment. When shaping an experimental sample, it is necessary to take into account the age, gender of the recipient, if he\she is employed or not as well as such factors as the level of education and profession / occupation before retirement.

Keywords: psycholinguistic experiment; free associative experiment; directed associative experiment; the method of «semantic differential»; the method of supplementing the language sign; elderly recipients.

Received: 27.07.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, тем, что в современной лингвистике усилился интерес к языку пожилых людей, к особенностям их языковой картины мира; во-вторых,

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00507.

методология психолингвистического исследования данного объекта разработана недостаточно и требует апробирования и определения эффективности уже известных психолингвистических методов и приемов, а также создания системы специальных экспериментальных методик.

Цель статьи – представить результаты анализа подготовки и проведения психолингвистического эксперимента с применением различных методик при изучении языковой картины мира пожилого человека; определить обусловленность выбора методов и приемов использования психолингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов.

Объектом исследования является система методик психолингвистического эксперимента, использованная при изучении языковой картины мира пожилых реципиентов. **Предмет** исследования – специфика и исследовательский потенциал данных экспериментальных методик при изучении языковой картины мира пожилого человека.

Данное исследование является составной частью научного проекта «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование» [Бутакова, 2018]. Так как оно выполнено в психолингвистической парадигме, основным методом стал психолингвистический эксперимент, объектом которого является субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним [Леонтьев, 1976]. Цель исследования определила выбор экспериментальных психолингвистических методик (методов).

Методы и методики исследования: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, методика дополнения языкового знака и эксперимент по методу «семантического дифференциала».

В дискуссионном поле данного исследования представлены теоретические и экспериментальные работы, посвященные специфике психолингвистического эксперимента, эффективности и эвристическому потенциалу его методов и методик ([Белянин, 2003; Горошко, 2001; Гуц, 2005; Залевская, 2011; Караулов, 2000; Курганова, 2012; Леонтьев, 1971; Леонтьев, 1976; Леонтьев, 1977; Леонтьев, 2003; Петренко, 2010; Пищальникова, 2001; Пищальникова, 2004; Пищальникова, 2005; Пищальникова, Сонин, 2017; Тарасов, 2001; Уфимцева, 2011] и др.), а также возрастному аспекту экспериментальных исследований [Бутакова, 2018; Гуц, Худякова, 2018; Никитина, Салимьянова, 2013; Рогожникова, 2009].

Полученные результаты

Первый этап исследования.

Направленный ассоциативный эксперимент с использованием метода дополнения языкового знака

Дискуссионные вопросы, связанные с организацией, эффективностью и сферой применения данного эксперимента, а также методика его проведения с реципиентами пожилого возраста были подробно освещены в статье Е.Н. Гуц и Н.О. Худяковой [Гуц, Худякова, 2018]. Остановимся на материале и выводах, необходимых для решения задач, поставленных в данной статье.

Испытуемые. Объем выборки – 97 человек в возрасте от 55 до 75 лет. Основная группа – 55 человек, работающие на пенсии, независимо от характера труда и специальности. 42 человека – неработающие пенсионеры.

Экспериментальный материал – шесть предложений с пропусками: 1) _____ говорили о _____. 2) Мы _____ интересные события с _____. 3) Дома _____ говорили _____. 4) _____ сказал / сказала / сказали мне _____. 5) С моими друзьями / другом можно _____. 6) С помощью Интернета _____.

Экспериментальное задание: записать первые пришедшие в голову слова, которыми можно заполнить пропуски в предложениях (на месте каждого пропуска – одно слово). Несмотря на заданность, «направленность» возможных реакций, их обусловленность позицией в предложении, грамматикой и семантикой лексического окружения, испытуемый получает свободу в выборе ответа без деления возможных ассоциаций на «правильные» и «неправильные». В этом мы видим преимущество данного метода перед анкетированием с открытыми вопросами.

Однако при анализе экспериментального материала были выявлены *немотивированные* реакции, нарушающие структуру предложения, а иногда и его смысл. Например, вторую пропущенную позицию предложения «Мы _____ интересные события с _____» испытуемые заполняли следующими реакциями: *в Омске; которые происходят в Омской области и за рубежом; с нашим городом; олимпиады; сайта нашего клуба; связанные с ее учебой; юбилей* и др. Наличие таких реакций можно объяснить несколькими причинами: невнимательностью и даже рассеянностью испытуемых, непониманием структуры предложения, игнорированием этой струк-

туры, желанием зафиксировать свои мысли, не задумываясь о «читаемости», правильности данного высказывания.

Вывод: необходимо предчувствовать такие ситуации, избегать их, либо давать испытуемым подсказки в виде дополнительных вопросов: *Мы__ интересные события с (кем?)__*. Однако для решения задач, связанных с изучением заполнения пропусков пожилыми реципиентами в деформированном тексте, можно специально ставить подобные потенциальные «ловушки».

Второй этап исследования.

Эксперимент по методу «семантического дифференциала»

Метод семантического дифференциала – это широко используемая в психолингвистике, психологии и социологии методика количественного и качественного анализа смыслов и группового сознания.

Испытуемые – 23 человека. Основная задача эксперимента была связана с выявлением эмоционально-оценочной составляющей восприятия пожилыми людьми слов-стимулов. Каждый участник эксперимента получал анкету, которая включала задание, требующее описать свое отношение к предлагаемым словам, применяя процедуру шкалирования (интенсивность выраженности каждого признака градуировалась от + 3 до – 3, включая 0).

Стимульный список представлен 22 словами: *старость, обсуждать, пожилой человек, компьютер, молодой, старый, Интернет, пенсионер, город, пожилая женщина, Омск, пенсионерка, реклама, пенсия, молодость, пожилой возраст, планшет, преклонный возраст, пожилой мужчина, старик*.

Для проведения эксперимента был применен адаптированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда. В список шкал были включены следующие: *веселый – грустный, светлый – темный, хороший – плохой, полный – пустой*. Последняя пара была включена для проверки использования многозначных слов (с возможным метафорическим переносом) в качестве стимулов в данном эксперименте с реципиентами пожилого возраста. Результат (как и предполагалось) был отрицательным, при этом полезным для дальнейшего исследования. Шкала «*полный – пустой*», судя по анкетам, не вызвала вопросов и затруднений у реципиентов только в ответах на стимул *старость* (реакции определялись физическим и эмо-

циональным состоянием реципиента): преобладали ответы оптимистов + 3 и + 2: + 3 (6 реципиентов); + 2 (10 реципиентов); + 1 (5 реципиентов); – 3 (1 реципиент); 0 – два участника эксперимента (мужчина 80 лет и женщина 79 лет).

Эксперимент с использованием метода «семантического дифференциала», полюбившийся нам в работе со школьниками 5–11 классов, с учителями и студентами, оказался, как мы и предполагали, основываясь на результатах пилотных экспериментов в контрольных малых группах, сложным, а для многих возрастных реципиентов абсолютно непонятным: не только шкала «*полный – пустой*» вызвала удивление и затруднение, но и шкала «*светлый – темный*» (*старость, стариk, пенсионер – светлый?, темный? полный? пустой?* – непонятно).

Шкалы «*грустный – веселый*», «*плохой – хороший*», по словам участников постэкспериментальной беседы, проведенной по методу фокус-групп, были понятны, не вызвали затруднения, а выбор ответа зависел от многих причин «личного характера»: от того, какое сегодня давление, есть ли магнитная буря, хватит ли пенсии на лекарства и приедут ли внуки на каникулы.

Вывод. Для успешной и эффективной организации данного эксперимента с учетом возрастных особенностей реципиентов необходимо выполнение следующих условий.

1. Обязательно проводить после основного эксперимента эксперимент по методу фокус-групп, результаты которого позволяют верифицировать полученные данные.

2. Ограничивать список стимулов (не более десяти). В нашем эксперименте было 22 слова-стимула, что осложняло проведение эксперимента, утомляло реципиентов, сказалось на их ответах и на отношении к самому эксперименту.

3. Сохранять оптимальное количество шкал (не больше пяти): в нашем эксперименте – четыре.

4. Не использовать для названия шкал многозначные слова и слова, непонятные реципиентам в качестве оценки слова-стимула.

Однако отказываться от дальнейшего проведения этого эксперимента мы не хотим, хотя и понимаем все сложности в его организации и проведении. Почему не отказываемся? Потому что верим (в этом нас убеждает предыдущий опыт) в эффективность этой психолингвистической методики, позволяющей определить эмоциональную оценку стоящей за словом реалии, будь то *старость, Интернет, компьютер, молодой* или *пожилой человек*.

*Третий этап исследования.
Направленный ассоциативный эксперимент*

Экспериментальное задание: 15 слов-стимулов с вопросами, на которые нужно ответить, причем форма ответов (слово, несколько слов и т.д.) не задавалась.

1. *Старость (какая?)* ____.
2. *В старости делают (что?)* ____.
3. *В старости находятся / живут (где?)* ____ , *(с кем?)* ____.
4. *Пенсия дает (кому?)* ____ , *(что?)* ____.
5. *К старости отношение (какое?)* ____.
6. *Пожилой человек – это* ____.
7. *Пожилой человек может / должен* ____.
8. *Пожилой человек делает (что?)* ____.
9. *Я запомнил рекламу про пожилых людей* ____.
10. *Пенсия – это* ____.
11. *Для пенсии нужно (что?)* ____ , *(когда?)* ____.
12. *Пенсия (какая?)* ____.
13. *Старик – это* ____ , *(кто?)* ____ , *(какой?)* ____.
14. *С пожилым человеком можно* ____.
15. *Старость дает (что?)* ____.

Материалы проведенного эксперимента позволяют делать выводы об особенностях речевого поведения пожилых людей, о ценностной составляющей их языковой картины мира; могут быть полезны для социологии, возрастной психологии, экспериментальной лингвистики.

Однако были объективные трудности и с проведением эксперимента, и с обработкой его результатов, и с их анализом.

Сложными для реципиентов оказались задания, включающие два или три вопроса, например: *Старик – это* ____ , *(кто?)* ____ , *(какой?)* ____ . Типичные ответы: Старик – это мужественный, *(кто?)* – защитник, *(какой?)* – хотя болен. Пенсия дает *(кому? что?)* – возможность следить. Старик – это жалко его, *(кто?)* – очень старый, *(какой?)* – бедненький. Такие задания вызывали много вопросов к экспериментатору, недоумение и расстерянность реципиентов и, как следствие, путаницу с ответами, с записью, неадекватные и немотивированные реакции.

Вывод. Несмотря на то что вопросник был удачно апробирован в школьной и студенческой аудиториях, для многих пожилых реципиентов он оказался сложным и непонятным вследствие наличия нескольких вопросов в одном предложении и расположения пропусков для возможных ответов.

Четвертый этап исследования. Свободный ассоциативный эксперимент

Экспериментальное задание (стандартное для этого эксперимента): записать первое пришедшее на ум слово, которое ассоциируется с указанным словом. *Стимульный список* тот же, что и для эксперимента с использованием «семантического дифференциала» (22 слова). Всего получена 1471 реакция.

Реципиенты хорошо поняли экспериментальное задание и отвечали одним словом, за редким исключением. Анализ ассоциативного материала «по вертикали» выявил наличие разных типов реакций у одного реципиента: собственно семантические, собственно ассоциативные, достраивание стимула до словосочетания и оценочные реакции. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) – это единственный из проведенных нами экспериментов, организация которого не требует каких-либо изменений, адаптации в связи с возрастом реципиентов.

Общие выводы

Анализ результатов пилотного экспериментального исследования, цель которого – изучить обусловленность выбора методик психолингвистического эксперимента возрастными особенностями реципиентов, позволяет сделать следующие выводы: все использованные нами методики, кроме свободного ассоциативного эксперимента, требуют некоторой (в зависимости от цели, сложности экспериментального задания и др.) адаптации к возрастной аудитории. Особое внимание должно быть обращено на отбор стимулов и шкал, а также на формулировку задания.

Сложности для экспериментатора возникают уже на этапе формирования выборки. Такие факторы, как уровень образования реципиента, его профессия / характер трудовой деятельности, работает / не работает он в настоящее время, могут быть нерелевантными для одного эксперимента и важными для другого, например для эксперимента по методу «семантического дифференциала». Однако при проведении психолингвистического эксперимента с пожилыми реципиентами, пожалуй, главную роль (особенно по сравнению с экспериментами со школьниками и студентами) играет психологический фактор. Время, место проведения экспе-

римента, коммуникативные способности экспериментатора – всё имеет значение, всё определяет в той или иной мере успех эксперимента и возможность получить достоверные (в данном случае – не искаженные непониманием задания или нежеланием его выполнять) результаты.

Всё это определяет и необходимость анализа экспериментальных данных не только «по горизонтали» (учет всего массива полученных ассоциаций), но и «по вертикали», что позволяет выявить индивидуальные особенности ассоциирования, психологические типы реципиентов (например, «оптимисты», «реалисты», «пессимисты», «скептики» и др.) и самое главное – возможность и эффективность применения той или иной методики для решения конкретной исследовательской задачи с учетом возраста и психологических особенностей реципиентов.

Список литературы

- Белянин В.П. Психолингвистика. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 226 с.
- Бутакова Л.О. Методологические проблемы комплексных исследований социально-коммуникативных характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 229–247. – Режим доступа: <http://epl-inion.org/article.php?id=14> (Дата обращения: 19.08.2019 г.)
- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: РА-Каравелла, 2001. – 320 с.
- Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 260 с.
- Гуц Е.Н., Худякова Н.О. Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент изучения ценностных составляющих языковой картины мира пожилого человека // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 112–126. – Режим доступа: <http://epl-inion.org/article.php?id=6> (Дата обращения: 19.08.2019 г.)
- Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
- Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 2000. – С. 191–206.
- Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2012. – 401 с.
- Леонтьев А.А. Психолингвистическая структура значений // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 7–27.
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 46–73.

- Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 5–16.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.; СПб.: Смысл: Лань, 2003. – 288 с.
- Никитина Л.Б., Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – 186 с.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 3-е изд. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.
- Пиццальникова В.А. К проблеме определения языковой способности // Языковое бытие человека и этноса. – М.: Изд-во ин-та языкоznания РАН, 2004. – Вып. 7. – С. 159–169. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_chelovek_i_etnosa_2004-7.pdf (Дата обращения: 19.08.2019 г.)
- Пиццальникова В.А. Язык как регулятивный механизм деятельности // Языковое бытие человека и этноса. Психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.: Ин-т языкоznания, 2005. – Вып. 10. – С. 147–157.
- Пиццальникова В.А. Общее языкоznание. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – 238 с.
- Пиццальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкоznание. – М.: Р. Валент, 2017. – 480 с.
- Рогожникова Т.М. Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста // Галерея ассоциативных портретов / под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. – Уфа: УГАТУ, 2009. – С. 53–56.
- Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: Теория и эксперимент. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 2001. – С. 301–311.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: Динамика и вариативность. – М.; Калуга: Институт языкоznания РАН, 2011. – 252 с.

References

- Belyanin, V.P. (2003). *Psiholingvistika*. Moscow: Flinta: Moskovskij psihologo-social'nyj institut.
- Butakova, L.O. (2018). Methodological problems of integrated research of the age group' social-communicative characteristics. *Ethnopsycholinguistics*, 1, 229–247. Retrieved from: <http://epl-inion.org/article.php?id=14>
- Goroshko, E.I. (2001). *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo eksperimenta*. Harkov: RA-Karavella.
- Guts, Ye.N. (2005). *Psiholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka*. Omsk: Variant-Omsk.
- Guts, Ye.N., Hudyakova, N.O. (2018). Directional associative experiment as a tool for studying the value components of the elderly's language world picture. *Ethnopsycholinguistics*, 1, 112–126. Retrieved from: <http://epl-inion.org/article.php?id=6>
- Zalevskaya, A.A. (2011). *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta*. Tver: Tverskoye jgos. un-t.
- Karaulov, Yu.N. (2000). Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noj seti. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira* (pp. 191–206). Moscow: Int-yazykoznaniya RAN.
- Kurganova, N.I. (2012). *Rol' i mesto smyslovogo polya pri modelirovaniu strukturnykh operacionalyh parametrov znacheniya slova* (Unpublished Doctoral dissertation). Tver.

- Leont'ev, A.A. (1971). Psiholingvisticheskaya struktura znamenij. In: *Semanticheskaya struktura slova* (pp. 7–27). Moscow: Nauka.
- Leont'ev, A.A. (1976). Psiholingvisticheskij aspekt yazykovogo znamenija. In: *Principy i metody semanticheskikh issledovanij* (pp. 46–73). Moscow.
- Leont'ev, A.A. (1977). Obshchie svedeniya ob associaciyah i associativnyh normah. In: *Slovar' associativnyh norm russkogo yazyka* (pp. 5–16). Moscow: Izd-vo MGU.
- Leont'ev, A.A. (2003). *Osnovy psiholinguistiki*. Moscow; Saint-Petersburg: Smysl; Lan'.
- Nikitina, L.B., Salim'yanova, I.V. (2013). *Obraz pozhilogo cheloveka v russkoj yazykovoj kartine mira*. Omsk: Variant-Omsk.
- Petrenko, V.F. (2010). *Osnovy psihosemantiki*. Moscow: Eksmo.
- Pishchalnikova, V.A. (2004). K probleme opredeleniya yazykovoj sposobnosti. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa, vol. 7* (pp. 159–169). Moscow: Izd-vo in-ta yazykoznanija RAN. Retrieved from: http://ionion.ru/site/assets/files/1566/iazykovoe_bytie_chelovek_i_etnosa_2004-7.pdf
- Pishchalnikova, V.A. (2005). Yazyk kak regulativnyj mekhanizm deyatel'nosti. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty, vol. 10* (pp. 147–157). Moscow: In-t yazykoznanija.
- Pishchalnikova, V.A. (2001). *Obshchee yazykoznanie*. Barnaul: Izd-voAltGU.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2017). *Obshchee yazykoznanie*. Moscow: R. Valent.
- Rogozhnikova, T.M., et. al (2009). Associativnyj eksperiment s ispytuemyimi preklonnogo vozrasta. In: *Galereya associativnyh portretov* (pp. 53–56). Ufa: UGATU.
- Tarasov, E.F. (2001). Yazykovoe soznanie i ego poznavatel'nyj status. In: *Problemy psiholinguistiki: Teoriya i eksperiment* (pp. 301–311). Moscow: In-t yazykoznanija RAN.
- Ufimceva, N.V. (2011). Yazykovoe soznanie: Dinamika i variativnost'. Moscow; Kaluga: Institut yazykoznanija RAN.

Бутакова Л.О.

**САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА
В РЕЖИМЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ
И СМЫСЛОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ОПРЕДЕЛЕННОЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ^{1,2}**

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, Омск, larisabut@rambler.ru*

Аннотация. В статье предлагается анализ вербальной рефлексии пожилых людей над собой, своим возрастом, социальным статусом, основанный на психолингвистическом исследовании соответствующих фрагментов языкового сознания, связанных с интерпретацией пожилого возраста самими пожилыми людьми, устном дискурсе, полученном в результате записей бесед и спонтанной речи людей данного возраста. В рамках самопрезентации информантов от 63 до 75 лет (первая группа) зафиксировано противоречие между неудовлетворительным физическим состоянием и стремлением к самореализации; неявное выражение идентичности человека, знающего жизнь и способного научить молодых; в группе от 75 до 94 лет (вторая группа) – утрата здоровья, снижение качества жизни, зависимость от родственников. В ходе анализа данных выявлено доминирование в обеих группах непосредственной коммуникации, общения по телефону, просмотра телепередач, восприятие медийных персон как авторитетных собеседников. Экспериментальная часть исследования показала частичное пересечение полученных результатов с результатами устных бесед. Преобладает логико-рациональное переживание стимула, отсутствуют разветвленные связи стимулов – реакций, проявлен ограниченный набор когнитивных областей и актуальных смыслов, связанных с интерпретацией сущности человека (мужчины, жен-

¹ © Бутакова Л.О., 2019

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: Комплексное лингвистическое исследование».

щины) данного возраста, социального статуса, амбивалентного эмоционального и физического состояния, деятельности, отчасти – жизненных интересов (области политических проблем, ценности близких людей, общения в свободном ассоциировании не актуализируются).

Ключевые слова: субъективная семантика; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; языковое сознание; персональный дискурс; самопрезентация, самоидентификация.

Поступила: 22.07.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Butakova L.O.
Self-presentation of the Elderly
in the Mode of Socio-Communicative
and Semantic Characteristics of a Certain Age Group¹

*Dostoevsky Omsk State University,
Russia, Omsk, larisabut@rambler.ru*

Abstract. The paper features the analysis of the reflection of older people on themselves, their age, social status, based on a psycholinguistic study of relevant fragments of linguistic consciousness related to the interpretation of the elderly by the elderly themselves, oral discourse obtained as a result of recorded conversations and spontaneous speech of people of this age. Recordings of spontaneous speech showed, within the framework of self-presentation of the informants between 63 and 75, a contradiction between poor physical condition and the desire for self-fulfillment; implicit expression of the identity of a person who knows life and is able to teach the young; in the group between 75 and 94 – loss of health, reduced quality of life, dependence on relatives; domination in both groups of direct communication, telephone communication, watching TV programs, perception of media people as authoritative interlocutors. The experimental part of the study showed partial overlap with the results of oral conversations. Logical rational experience of the stimulus prevails, there is lack of variable reactions, a limited set of cognitive areas and actual meanings. They are connected with the interpretation of the essence of a person (male, female) of a given age, social status, ambivalent emotional and physical condition, activity, and partly – vital interests. The areas of political problems, the values of people in the immediate circle, communication in free association were not actualized.

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00507.

Keywords: subjective semantics; associative experiment; associative field; linguistic consciousness; personal discourse; self-reproduction, self-identification.

Received: 22.07.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Изучение языка / речи, типов коммуникации, структур сознания, специфики ментального лексикона носителей русского языка пожилого возраста представляет методическую и прикладную проблему психолингвистики и лингвистики в целом. В данной статье предлагается методико-методологический вариант комплексного решения указанной проблемы.

Цель статьи – показать промежуточные итоги работы над проектом в части анализа верbalной рефлексии над своим возрастом немолодых информантов по результатам психолингвистических экспериментов, записей бесед с пожилыми людьми.

Актуальность исследования обусловлена лингвистическими, психолингвистическими и социальными факторами: активной разработкой дискурсивной проблематики, включая описание тематических дискурсов и дискурсов отдельных социальных групп, при отсутствии должного внимания к характеру, социальным параметрам речи пожилых, стратегиям и качеству их самопрезентации в дискурсах различного типа ([Данюшина, 2014; Исенова, Орлова, 2018; Карасик, 2002; Кибрик, Подлесская, 2009, с. 390–395; Черняевская, 2014, с. 54–61] и др.); развитием методологии экспериментального исследования языкового сознания, субъективной семантики социальных и возрастных групп, малой представленностью в них описаний ментального лексикона людей пожилого возраста ([Гуц, 2005; Залевская, 2011; Залевская, 2014; Касаткина, 2007; Курганова, 2012; Мягкова, 2000; Леонтьев, 2003; Леонтьев, 2005; Тарасов, 2000; Пищальникова, 2001; Пищальникова, Сонин, 2017; Рогожникова, 2009] и др.).

Круг объектов исследования в данной статье ограничен фрагментами языкового сознания информантов пожилого возраста; языком, коммуникацией людей в возрасте поздней взрослости (дискурсы пожилых).

В дискуссионном поле преобладают исследования когнитивных и нейрофизиологических процессов, связанных с возрас-

том, потерей памяти, нарушениями двигательной моторики и связанными с ней изменениями речевой деятельности, спецификой словообразования и словоупотребления, геронтогенезом билингвов и т.п. [Cognitive functioning..., 2006; Physical therapists..., 2002; Pitti, 2017; Williams, 2010, p. 42–51; Cognition, language and aging, 2016; Pennebaker, Stone, 2003, p. 29–301]; стратегиями поиска слов в ментальном лексиконе пожилых носителей языка ([Анцыферова, 1996; Краснова, 2005; Смородинова-Щетинина, 2010] и др.).

Проблемное поле исследования, представленного в статье, составили возможности применения комплекса психолингвистических, коммуникативно-прагматических, семантических методик анализа дискурсивного и экспериментального материала для сопоставления с ранее полученными научными выводами о системе возрастных языковых образов, последовательно сменяющих друг друга (см. [Литвиненко, 2006]), как часть исследований ментальных, когнитивных и нейрофизиологических процессов, связанных с возрастом, спецификой коммуникации пожилых людей, характером геронтогенеза; определение стереотипизации представлений об уважении и почитании пожилого человека, его жизненном опыте и мудрости, глупости / старческом слабоумии, негативного отношения со стороны представителей более молодого возраста (см. [Салимьянова, 2011; Рюмина, Самойлов, 2015, с. 338–341]) как одно из направлений исследований, направленных на реконструкцию структуры сознания людей пожилого возраста, способов опознания слова и связанных с ними когнитивных процессов.

Методология, методы и методики исследования были подробно освещены в [Бутакова, 2018; Гуц, Худякова, 2018].

На данной стадии работы над проектом произведено фрагментарное моделирование базовых структур сознания на основе психолингвистических экспериментов с последующим сопоставлением результатов с дискурсивными данными; описаны определенные коммуникативные, социальные, моральные ценности пожилого человека; произведен стилевой, семантический, прагматический анализ и контент-анализ медицинских текстов; выявлены ценностно-оценочные смыслы ключевых слов *в возраст*, *пожилой человек*, *пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсия*, *жизнь* и т.д.; методом диагностирующих бесед с пожилыми людьми, методом скрытого и включенного наблюдения получены данные для формирования образа человека, находящегося в возрасте поздней зрелости, рефлексирующего над возрастом и самим собой (записано более 8 часов звучащей речи от 25 коммуникантов от 63 до 75 лет и от 75 до 94 лет). Сквозным принципом ана-

лиза материала остается сопоставление позиций «снаружи» (представления о пожилых в социальных группах, не относящихся к периоду поздней взрослости) и «изнутри» (саморефлексия о своей возрастной группе).

Полученные результаты

В устном дискурсе информантов выявлены фрагменты с предметной областью «пожилой возраст», что позволяет говорить о самопрезентации и самоидентификации. И в спонтанной речи, и в интервью пожилые люди развивают базовые смыслы по трем направлениям: 1) *физическое состояние*; 2) *интеллектуальное состояние*; 3) *социальная реализация*. Заметны отличия групп *младших и старших пожилых*. *Группа младших пожилых*: самопрезентация информантов свидетельствует о переходном состоянии от зрелости к пожилому возрасту (наблюдаются противоречавшие друг другу характеристики и оценки по всем параметрам у большинства информантов). По отношению к собеседнику молодого возраста в этой группе высокочастотны оценочные и регулятивные речевые действия, позволяющие увидеть в самоидентификации признаки авторитетности, знания жизни, высокого статуса относительно молодого собеседника. *Группа старших пожилых*: активен интерес к физическому состоянию; прослеживаются признаки зависимости от других людей. Наблюдается дифференциация информантов по интересам: часть из них ведет активный образ жизни, путешествует и говорит об этом. В обеих группах на вопрос «Согласны ли Вы с выражением, что человек остается молодым, пока молода его душа?» получены утвердительные ответы (в младшей группе – 100%, в старшей – 80%). В ответах на вопросы интервью фиксируются типичные каналы коммуникации (непосредственное общение, телевидение, стационарный телефон, сотовый телефон – для разговоров; «бумажная» пресса). Среди информантов старшей группы *Интернетом* пользуются 10%, в младшей группе этот показатель определяется образованием, профессией, характером работы до ухода на пенсию. Наиболее значимыми собеседниками выступают близкие родственники; как авторитетные собеседники воспринимаются медиальные персоны, которых часть информантов называет неофициальным именем.

Тематическое своеобразие речи пожилых оценивалось по данным спонтанной речи и монологических фрагментов интервью.

В группе младших пожилых *актуальна тема высоких цен*, преимущественно на продукты; в обеих группах пожилыми инициируются политические темы. Ценности реконструировались по ответам на вопрос «Что Вас радует и что огорчает?», а также исходя из эмоционально-оценочных высказываний разной тематики. Младшие и старшие пожилые выделяют особую значимость для них *близких людей* – детей, внуков, правнуоков, других родственников. К актуальным ценностям относится *здравье*, утрата которого переживается.

Результаты анализа в языковом аспекте. Исследовалось *функционирование дискурсивных слов* (прагматем, дискурсивных маркеров). Исходя из гипотезы о том, что не существует «типичного пожилого человека», поскольку каждый подходит к старшему возрасту со своим социальным опытом, интеллектуальным и культурным багажом, в поисках возрастной специфики говорения изучалась та сторона языка, которая наименее нагружена семантически. Функционирование *дискурсивных слов* (далее ДС) исследовалось в двух возрастных группах (младшие пожилые – 6 человек, старшие пожилые – 6 человек); для сопоставления привлекались данные спонтанной устной речи информантов от 20 до 30 лет (6 человек). Были выявлены следующие особенности: 1) три группы ДС (стартовые ДС, метакоммуникативы, ксенопоказатели) наиболее частотны во всех возрастных группах, включая контрольную группу молодых информантов; 2) общий показатель плотности дискурсивных слов индивидуален, не зависит от возраста, имеет диапазон варьирования от 100 до 120 единиц; исключение составляют 16% информантов, у которых этот показатель значительно ниже – менее 50 единиц; 3) информанты с низким показателем плотности ДС относятся к возрастным группам младших пожилых и старших пожилых; низкая плотность ДС формирует такие качества дискурса, как *неконтактность и категоричность*; 4) в речи младших и старших пожилых не выявлено поколенческих¹ ДС, в отличие от информантов студенческого возраста.

Специальное внимание было уделено ДС с функцией поиска, что обусловлено предпосылкой о снижении памяти в пожилом возрасте и предполагаемой актуальностью ситуации поиска слова в речи пожилых. Прямой зависимости между возрастом и количе-

¹ Примерами поколенческих ДС можно назвать такие: *на созвоне, сорян, пе-
чалька* (ДС поколения тридцатилетних); *сконнектимся, на проводах* (ДС двадцати-
летних носителей русского языка).

ством ситуаций поиска не наблюдается, однако имеется специфика в объектах и результатах поиска. Для информантов возрастной группы «старшие пожилые» характерно припоминание *конкретной лексической единицы*, а не выбор наиболее точного средства выражения. При поиске субстантивов – собственных имен *в поиск включаются механизмы памяти*, а не сопоставления, воображения, категоризации и т.д. Зафиксирована коммуникативная норма, согласно которой молодые собеседники (студенты), не дожидаясь результатов хезитации собеседника из группы старших пожилых, подсказывают «правильное», по их мнению, слово. В дружелюбных по тональности разговорах такое коммуникативное поведение реализует стратегию речевой поддержки.

Анализ экспериментальной базы, созданной в рамках проекта (время проведения экспериментов апрель–ноябрь 2018, январь–апрель 2019). Применялись три типа психолингвистических методик: свободный ассоциативный эксперимент (САЭ); направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ); эксперимент по методике семантического дифференциала (СД) (с ним больше всего сложностей у данной категории респондентов). Получены реакции испытуемых от разных возрастных групп. В данном случае речь идет о группе информантов в возрасте от 55 до 85 лет (группа пенсионеров); социальный статус – работающие и неработающие. В ходе САЭ получено: 1471 реакция пенсионеров, 1428 реакций студентов и людей среднего возраста; в ходе НАЭ – 1278 реакций пенсионеров, 1224 реакции студентов и людей среднего возраста.

Анализ результатов экспериментов. Обработанный экспериментальный материал, полученный: а) от информантов в возрасте от 55 до 75 лет (НАЭ – методика дополнения языкового знака); б) информантов в возрасте от 55 до 85 лет (САЭ, НАЭ, СД для всего стимульного списка из 23 лексем и пр., НАЭ – достраивание языковых знаков – стимулов «пожилой человек», «пенсия»; СД для всего стимульного списка).

Результаты САЭ

У реципиентов пожилого возраста при свободном ассоциировании вырисовывается картина, отмеченная малым проявлением эмоций или их отсутствием, характером реагирования определенного типа (возраст и социальный статус, в котором пребывают информанты, переживается логико-рационально, нет разветвленных реак-

ций, мало оценочных реакций типа *хорошо* (2), *ура, жизнь только начинается* (1)). В ассоциативном поле (АП) *пожилой человек* (см. схему 1) выделяется слой **характеристики**, в котором заметна амбивалентная картина – важны и возраст, и мудрость, и активность, и наличие сил, опыта (*старый* (6); *взрастной* (2); *умудренный* (4); *активен*; *еще полон сил*; *заслуженный*; *молодой* (2); *мудрый*; *опытный* (2); *привередливый*; *степенный*; *счастливый* (2); *продвинутый*; *старой*; *не старый*; *в морщинах*); **слои обладания объектами и сущности** значительно меньше, в первом слое актуальны те же смыслы возраста, опыта, мудрости, добавились смыслы болезни, при наличии активности и молодой души (*взраст* (2); *болезни*; *куча болезней*; *опыт*; *солидный возраст*; *солидность*; *молодая душа*; *мудрость*; *отдых*; *активность*; *тросточка*), во втором слое актуализируются смыслы возрастной квалификации, полезности и социального статуса (*старая развалина* (2); *старик*; *человек после 60 лет*; *человек в возрасте*; *за 70*; *копилка советов*; *советчик*; *умница*; *муж*; *пенсионер*). У слоя **деятельности** в анализируемом АП статус ниже, реакции связаны с длительностью жизни, поиском себя, отсутствием отрицательных эмоций (*пожил на свете*; *много прожил*; *много пожил*; *вызывает уважение*; *долго жил*; *не унывать*; *поиски себя*).

Схема 1 Когнитивная структура АП «ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК»

Какой [характеристика]: старый (6); умудренный (4); активен; возрастной (2); еще полон сил; заслуженный; молодой (2); мудрый; опытный (2); привередливый; степенный; счастливый (2); продвинутый; старой; не старый; в морщинах (29 г 40,8%).

У него есть (что?) [качества, свойства, предметы]: болезни; куча болезней; опыт; солидный возраст; молодая душа; солидность; возраст (2); мудрость; отдых; активность; тросточка (12 г 16,9%).

Он сделал / делает / должен делать (что?) [деятельность]: пожил на свете; много прожил; много пожил; вызывает уважение; долго жил; не унывать; поиски себя (7 г 9,8%).

Это (кто?) [сущность]: старая развалина (2); старик; человек после 60 лет; человек в возрасте; за 70; копилка советов; советчик; умница; муж; пенсионер (11 г 15,5%).

В каком периоде [время]: период жизни; начало новой жизни (2 г 2,8%).
Отказ (1 г 1,4%).

В АП *пенсионер* (см. схему 2) преобладают слои **характеристики и деятельность**. В слое **характеристики** важны признаки наличия пенсии, работы, социальной оценки, возраста, мудрости,

опыта (заслуженный; получающий пенсию; работающий; достойный человек; еще полон энергии; труженик; далеко не пионер; пионер; пожилой; мудрый; опытный; отдыхающий; свободный). Слой **деятельности** стимула пенсионер аналогичен по реакциям этому же слову стимула *пожилой человек* – актуальны смыслы заслуженности пенсии, ее получения и дожития (*получает пенсию* (3); *заслужил пенсию* (6); *дожил до пенсии* (3); *дожил!* (3)) (см. схему 2). **Сущность** пенсионера определяется через параметры наличия пенсии, состояния отдыха, «неработы» (*человек, получающий пенсию; получающий пенсию; человек получающий соц. пособие; человек на отдыхе; не работающий человек; на заслуженном отдыхе*). Объекты обладания связаны со слоем сущности и деятельности – пенсия, опыт, отдых, свобода (*отдых* (2); *заслуженный отдых; новые знания; опыт* (2); *пенсия; свобода* (2); *страх работы; счастье*).

Схема 2

Когнитивная структура АП «ПЕНСИОНЕР»

Какой [характеристика]: заслуженный; получающий пенсию; работающий; далеко не пионер; пожилой; мудрый; опытный (2); отдыхающий; еще полон энергии; пожилой; рабочий; свободный (13 из 71 18,3%).

Это (кто?) [сущность]: человек, получающий пенсию; труженик; далеко не пионер; человек на отдыхе (2); не работающий человек; достойный человек; не работающий человек; пионер; сосед по даче; человек, получающий соц. пособие (11 г 15,5%).

Он сделал / делает (что?) [деятельность]: заслужил пенсию (6); дожил до пенсии (3); дожил! (3); получает пенсию (4); на заслуженном отдыхе; поиск (18 г 25,4%).

Для него происходит (что?) [время]: жизнь только начинается; новый этап жизни; это какой-то рубеж (3 г 4,2%).

У него есть (что?) [объекты]: заслуженный отдых; новые знания; опыт (2); пенсия; свобода (2); страх работы; отдых (2); счастье; (11 г 15,5%).

Оценка: хорошо (2); ура, жизнь только начинается! (3 г 4,2%).

Образ по паспорту, пример (2 г 2,8%).

В АП *пенсионерка* (см. схему 3) преобладают слои **сущности, обладания качествами и свойствами, деятельности**. Когнитивная структура (далее КС) **сущности** содержит реакции, соотносящие стимул с общей квалификацией по полу (*женщина*), статусу, ситуативному состоянию (*женщина, получающая пенсию; женщина на отдыхе* (2); *женщина на пенсии* (2), *счастливая женщина; усталый человек*); социальной и семейной роли (*бабулька, бабушка, пенсионерка*).

нерка, пожилая женщина; помощница, активистка; дачница). Реакции, отнесенные к **деятельному** слою, актуализируют достижение свободы, пенсии, заслуженности пенсии, дожития (*получила степень свободы; дожила до пенсии женщина (6); наконец дожила; заслужила пенсию*). В слое **обладания** качествами и свойствами собраны реакции, связанные с акцентированием наличия возраста, энергии / болезней, иной жизни (*возраст (3); другая жизнь (3); активность; болезни; знания; сожаление; старание; отработанный стаж; отдых; свободное время*), что соотносимо с реакциями слоя характеристики, в котором важны наличие пенсии, отдых, отсутствие достижений и средств (*получающая пенсию; ничего не достигшая; нищая; отдыхающая*).

Схема 3 Когнитивная структура АП «ПЕНСИОНЕРКА»

Какая [характеристика]: заслуженная; нищая; получающая пенсию; ничего не достигшая; не работающая (2); отдыхающая (7 г 9,8%).

Это (кто?) [сущность]: женщина на отдыхе (2); женщина на пенсии (2); это я (2); бабушка (2); бабулька; пожилая женщина; старушка; пенсионерка; женщина, получающая пенсию; активистка; дачница; дачница; помощница; женщина; достойная женщина; подруга; студентка; счастливая женщина; усталый человек (23 г 32,4%).

Она сделала / делает (что?) [деятельность]: дожила до пенсии женщина (6); наконец дожила (2); освободилась от работы; поиски занятых; получила степень свободы; ходьба с палками; заслужила пенсию (14 г 19,7%).

У нее есть (что?) [качества, свойства]: другая жизнь (3); возраст (3); активность; еще не старость; знания; отработанный стаж; сожаление; старание; болезни; новая фаза жизни; отдых; свободное время (16 г 22,5%).

Оценка: хорошо (1 г 1,4%).

Выводы

Эксплицитная вербальная самопрезентация информантов в возрасте от 63 до 75 лет свидетельствует о переживании переходного этапа в их жизни: противоречие между неудовлетворительным физическим состоянием и стремлением к самореализации; в неявной форме информанты этой группы выражают идентичности человека, знающего жизнь и способного научить молодых. Аналогичная картина проявляется в амбивалентном характере реакций АЭ; разница состоит в большей определенности реагирования информантов всех возрастных групп при позиционировании *пожилого человека*,

пенсионера, пенсионерки как опытных, мудрых, степенных людей, советчиков и обладающих энергией субъектов социума.

В речи информантов в возрасте от 75 лет до 94 лет при самопрезентации вербализуется утрата здоровья, снижение качества жизни, зависимость от родственников. В обеих группах доминирует непосредственная коммуникация, общение по телефону, просмотр телепередач, причем медийные персоны частью информантов воспринимаются как авторитетные собеседники. Тематически общение сфокусировано вокруг близких людей (наибольшая ценность), высоких цен, политических проблем. Эти части ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) частично представлены в реакциях информантов на стимулы ассоциативного эксперимента, среди которых преобладают логико-рациональные переживания стимула. Последние отличаются отсутствием разветвленных связей стимулов – реакций, презентацией ограниченного набора когнитивных областей и актуальных смыслов, связанных с интерпретацией сущности человека (мужчины, женщины) данного возраста, социального статуса, амбивалентного эмоционального и физического состояния, деятельности, отчасти – жизненных интересов (области политически проблем, ценности близких, общения в свободном ассоциировании не актуализируются).

Список литературы

- Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. – М., 1996. – Т. 17, № 6. – С. 60–71. – Режим доступа: <http://psystat.net/age/00019.htm> (Дата обращения: 23.06.2018 г.)
- Бутакова Л.О. Методологические проблемы комплексных исследований социально-коммуникативных характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 229–247. – Режим доступа: <http://epl-inion.org/article.php?id=14> (Дата обращения: 23.06.2018 г.)
- Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 260 с.
- Гуц Е.Н., Худякова Н.О. Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент изучения ценностных составляющих языковой картины мира пожилого человека // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 112–126. – Режим доступа: <http://epl-inion.org/article.php?id=6> (Дата обращения: 23.06.2018 г.)
- Данюшина Л.А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2014. – 207 с.
- Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.

- Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. – Тверь: ТГУ, 2014. – 222 с.
- Исенова М.Х., Орлова Н.В. Между Агнией Барто и «Мистером Максом»: дискурсивное пространство младшего школьника. – Омск: Наука, 2018. – 136 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 23 с.
- Кибрик А.А., Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). – М.: РГГУ, 2009. – С. 390–395.
- Краснова О.В. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. – 2005. – Вып. 3 (24). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdeniye-pozhilye-lyudi-i-starost> (Дата обращения: 20.03.2018 г.)
- Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2012. – 401 с.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.; СПб.: Смысл: Лань, 2003. – 288 с.
- Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл: КДУ, 2005. – 511 с.
- Литвиненко Ю.Ю. Контрастивное изучение лексики (На материале лексико-семантического поля «Возраст») // Русско-китайские языковые связи и проблемы межцивилизационной коммуникации в современном мире: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.Б. Никитина. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – С. 210–215.
- Литвиненко Ю.Ю. Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 256 с.
- Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 112 с.
- Никитина Л.Б., Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – 186 с.
- Пицальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
- Пицальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – М.: Р. Валент, 2017. – 480 с.
- Рогожникова Т.М. Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста // Галерея ассоциативных портретов / под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. – Уфа: УГАТУ, 2009. – С. 53–56.
- Рюмина Т.В., Самойлов И.В. Особенности образа пожилого человека в восприятии студентов // Молодой ученый. – 2015. – № 19. – С. 338–341.
- Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011. – 245 с.
- Смородинова-Щетинина Л.Г. Особенности общения пожилых людей // Царско-сельские чтения. – 2010. – Т. 5, вып. 14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-obscheniya-pozhilyh-lyudey> (Дата обращения: 29.03.2018 г.)
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.

- Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.
- Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 54–61.
- Cognitive functioning and everyday problem solving in older adults / Burton C.L., Strauss E., Hultsch D.F., Hunter M.A. // The Clinical Neuropsychologist. – 2006. – Vol. 20 (3). – Mode of access: <http://www.biomedsearch.com/nih/Cognitive-functioning-everyday-problem-solving/16895857.html> (Дата обращения: 10.02.2018 г.)
- Physical therapists' nonverbal communication predicts geriatric patients' health outcomes / Nalini Am., Koo J., Rosenthal R., Riverside C., Winograd H. // Psychology and Aging. – 2002. – Vol. 17 (3). – P. 443–452.
- Pitt I. What does being an adult mean? Comparing young people's and adults' representations of adulthood // Journal of Youth Studies. – 2017. – Vol. 20 (9), Issue 9. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2017.1317336> (Дата обращения: 10.02.2018 г.)
- Williams K., Kemper S. Exploring interventions to reduce cognitive decline in aging // Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services. – 2010. – № 48 (5). – P. 42–51.
- Cognition, language and aging / Edited by H.H. Wright. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. – 248 p.
- Pennebaker J.W., Stone L.D. Words of wisdom: Language use over the life span // Journal of Personality and Personal Psychology. – 2003. – Vol. 85, N 2. – P. 29–301.

References

- Antsyferova, L.I. (1996). Pozdniiy period zhizni cheloveka: tipy stareniya i vozmozhnosti postupatel'nogo razvitiya lichnosti [Late period of a person's life: types of aging and opportunities for the progressive development of the personality]. *Psychological journal*, 17 (6), 60–71. Retrieved from: <http://psylist.net/age/00019.htm>
- Butakova, L.O. (2018). Metodologicheskiye problemy kompleksnykh issledovanii sotsi-al'no-kommunikativnykh kharakteristik opredelennoy vozrastnoy gruppy [Methodological problems of complex studies of social and communicative characteristics of a certain age group]. *Ethnopsycholinguistics*, 1, 229–247. Retrieved from: <http://epl-ionion.org/en/article.php?id=14>
- Guts, Ye.N. (2005). *Psikholingvisticheskoye issledovaniye yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic study of the language consciousness of a teenager]. Omsk: Variant-Omsk.
- Guts, Ye.N., Khudyakova, N.O. (2018). Napravlennyi assotsiativnyy eksperiment kak instrument izucheniya tsennostnykh sostavlyayushchikh yazykovoy kartiny mira pozhilogo cheloveka [Directed associative experiment as an instrument for studying the value components of the linguistic picture of the world of an elderly person]. *Ethnopsycholinguistics*, 1, 112–126. Retrieved from: <http://epl-ionion.org/en/article.php?id=6>
- Danyushina, L.A. (2014). *Detskiy diskurs kak fenomen formiruyushcheysha yazykovoy lichnosti* [Children's Discourse as a Phenomenon of the Forming Language Personality] (Unpublished Doctoral dissertation). Rostov n/D.

- Zalevskaya, A.A. (2011). *Znachenije slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of the word through the prism of the experiment]. Tver': Tverskoy gosun-t.
- Zalevskaya, A.A. (2014). *Interfeysnaya teoriya znachenija slova: psicholingvisticheskiy podkhod* [Interface theory of the meaning of the word: psycholinguistic approach]. Tver': TGU.
- Isenova, M.Kh., Orlova, N.V. (2018). *Mezhdu Agniyey Barto i «Misterom Maksom»: diskursivnoye prostranstvo mladshikh shkol'nikov* [Between Agnia Barto and «Mr. Max»: the discursive space of junior schoolchildren]. Omsk: Nauka.
- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- Kasatkina, T.Yu. (2007). *Spetsifika razvitiya znachenija slova v gerontogeneze* [The specifics of the development of the meaning of the word in gerontogenesis] (Unpublished Doctoral dissertation). Izhevsk.
- Kibrik, A.A., Podlesskaya, V.I. (2009). *Diskursivnyye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya* [Discursive markers in the structure of the oral story: the experience of corpus research]. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International Dialogue Conference* (pp. 390–395). Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Krasnova, O.V. (2005). *Porozhdenije zabluzhdenij: Pozhilyye lyudi i starost'* [Generation of errors: the elderly and old age]. *Otechestvennyye zapiski*, 3 (24). Retrieved from: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/porozhdenie-zabluzhdenij-pozhilye-lyudi-i-starost>
- Kurganova, N.I. (2012). *Rol' i mesto smyslovoogo polya pri modelirovaniu strukturnykh i operatsional'nykh parametrov znachenija slova* [The role and place of the semantic field in modeling the structural and operational parameters of the word meaning] (Unpublished Doctoral dissertation). Tver'.
- Leont'ev, A.A. (2003). *Osnovy psicholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow; Saint-Petersburg: Smysl; Lan'.
- Leont'ev, A.N. (2005). *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl; KDU.
- Litvinenko, Yu.Yu. (2009). *Kontrastivnoye izuchenije leksiki (Na materiale leksiko-semanticeskogo polya «Vozrast»)* [Contrastive study of vocabulary (On the material of the lexical-semantic field «Age»)]. In: Nikitina, L.B. (Ed.) *Proceedings from International Scientific Conference «Russko-kitayskiye yazykovyye svyazi i problemy mezhtsivilizatsionnoy kommunikatsii v sovremennom mire»* [International Scientific Conference «Russian-Chinese language links and problems of intercivilizational communication in the modern world»] (pp. 210–125). Omsk: Izdatel'stvo OmGPU.
- Litvinenko, Yu.Yu. (2006). *Kontsept «vozrast» v semanticeskem prostranstve obrazza cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The concept of «age» in the semantic space of the image of man in the Russian language worldview] (Unpublished Doctoral dissertation). Omsk.
- Myagkova, Ye.Yu. (2000). *Emotsional'no-chuvstvennyy komponent znachenija slova*. [Emotional-sensory component of the meaning of the word]. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta.
- Nikitina, L.B., Salim'yanova, I.V. (2013). *Obraz pozhilogo cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The image of an elderly person in the Russian language picture of the world]. Omsk: Variant-Omsk.

- Pishchalnikova, V.A. (2001). *Obshcheye yazykoznaniye* [General Linguistic]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2017). *Obshcheye yazykoznaniye* [General linguistics]. Moscow: R. Valent.
- Rogozhnikova, T.M.) 2009). Assotsiativnyy eksperiment s ispytuyemymi preklonnogo vozrasta [An associative experiment with elderly subjects]. In: Rogozhnikova, T.M. et al. *Galereya assotsiativnykh portretov* [Gallery of associative portraits] (pp. 53–56). Ufa: USATU.
- Ryumina, T.V., Samoylov, I.V. Osobennosti obraza pozhilogo cheloveka v vospriyatiu studentov [Features of the image of an elderly person in the perception of students]. *Young scientist*, 19, 338–341.
- Salim'yanova, I.V. (2011). *Obraz pozhilogo cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The image of an elderly person in the Russian language picture of the world] (Unpublished Doctoral dissertation). Omsk.
- Smorodinova-Shchetinina, L.G. (2010). Osobennosti obshcheniya pozhilykh lyudey [Features of the communication of elderly people]. In: *Tsarskoselskiye chteniya* [Tsarskoselskie readings]. Vol. XIV (V). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-obscheniya-pozhilyh-lyudey>
- Tarasov, Ye.F. (2000). Aktual'nyye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual problems of the analysis of language consciousness]. In: Ufimtseva, N.V. (Ed.) *Yazykovoye soznaniye i obraz mira* [Linguistic consciousness and the image of the world] (p. 24–32). Moscow: IYa RAN.
- Ufimtseva, N.V. (2003). Yazykovoye soznaniye kak otobrazheniye etnosotsiokul'turnoy real'nosti [Language consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality]. *Questions of psycholinguistics*, 1, 102–111.
- Chernyavskaya, V.Ye. (2014). Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigm [Phantoms and syndromes of the discursive paradigm]. *Questions of cognitive linguistics*, 1(038), 54–61.
- Burton, C.L., Strauss, E., Hultsch, D.F., Hunter, M.A. (2006). Cognitive functioning and everyday problem solving in older adults. *The Clinical Neuropsychologist*, 20(3). Retrieved from: <http://www.biomedsearch.com/nih/Cognitive-functioning-everyday-problem-solving/16895857.html>
- Nalini, Am., Koo, J., Rosenthal, R., Riverside, C., Winograd, H. (2002). Physical therapists' nonverbal communication predicts geriatric patients' health outcomes. *Psychology and Aging*, 17(3), 443–452.
- Pitti, I. (2017). What does being an adult mean? Comparing young people's and adults' representations of adulthood. *Journal of Youth Studies*, 20(9), 9. Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2017.1317336>
- Williams, K., Kemper, S. (2010). Exploring interventions to reduce cognitive decline in aging. *Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services*, 48(5), 42–51.
- Wright, H.H. (Ed.) *Cognition, language and aging* (2016). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Pennebaker, J.W., Stone, L.D. (2003). Words of wisdom: Language use over the life span. *Journal of Personality and Personal Psychology*, 85(2), 29–301.

Чугунова С.А.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ
В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА
(По результатам свободного ассоциативного эксперимента)¹**

*Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского,
Россия, Брянск, chugunovasvetl@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются результаты свободного ассоциативного эксперимента в двух группах студентов факультета иностранных языков с хорошим уровнем языковой подготовки. В качестве стимулов были представлены слова-эквиваленты на русском и английском языках (в разных группах использовались разные языки), объединяемые абстрактностью значения, частотностью и сферой употребления – в основном в политическом дискурсе. Гипотеза исследования предполагала, что в условиях учебного билингвизма характер взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в речевой организации индивида не зависит от языка стимульного материала – Я1 (родной язык) или Я2 (иностранный язык). Несмотря на количественные расхождения полученных результатов и английский язык многих реакций в случае со стимулами – англоязычными эквивалентами, большая часть реакций, полученных на оба стимула – русский и английский, – представляет собой семантические корреляты или близкие по смыслу выражения.

Ключевые слова: речевая организация индивида; свободный ассоциативный эксперимент; учебный билингвизм; политическая лексика; семантический коррелят.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Чугунова С.А., 2019

Chugunova S.A.
Language-to-Language Relationship
in Classroom Bilingualism Environment
(On the Basis of Free Association Test findings)

*Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,
Russia, chugunovasvetl@rambler.ru*

Abstract. The paper presents a free-association test results in two groups of foreign languages department students with upper-intermediate and advanced levels of foreign language proficiency. The stimuli included semantic equivalents in Russian and English, representing mostly political vocabulary. The two groups used different languages. It was hypothesized that in the context of classroom bilingualism the specificity of relationships between linguistic and world knowledge in the subject's conceptual system does not depend on the language of the stimuli, native (L1) or foreign (L2). Despite the quantitative diversity and the English language of a large number of outputs to English inputs, still the overwhelming majority of the outputs to both Russian and English inputs were semantic equivalents or close in meaning.

Keywords: individual speech function; free-association test; classroom bilingualism; political language; semantic equivalent.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Объектом исследования в настоящей статье является речевая организация индивида в условиях учебного двуязычия; предметом – особенности взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в сознании обучающегося билингва при восприятии стимулов на родном и изучаемом иностранном языках (далее – Я1 и Я2). Цель исследования заключается в экспериментальной проверке гипотезы, что в условиях учебного билингвизма характер взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в речевой организации индивида не зависит от языка стимульного материала – Я1 или Я2, если стимулы представляют собой семантические корреляты, или понятийные эквиваленты.

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих задач: 1) дать definiciju понятия «учебный билингвизм (учебное двуязычие)»; 2) изучить существующую типоло-

гию билингвизма и определить в ней место учебного билингвизма; 3) рассмотреть основные отличия учебного билингвизма от иных видов билингвизма; 4) провести свободный ассоциативный эксперимент для верификации сформулированной гипотезы исследования; 5) интерпретировать полученные от индивидов ассоциативные реакции и сделать выводы в пользу сформулированной гипотезы или признать ее неподтвержденной.

Несмотря на то что по проблеме билингвизма и учебного билингвизма в частности написано немало научной литературы и накоплен немалый исследовательский опыт как в нашей стране, так и за рубежом, очевидно, что остается еще много вопросов, спорных моментов, подводных камней, загадок и даже путаницы в понятиях.

Учебный билингвизм (в англоязычной литературе можно встретить термины: *classroom / learned bilingualism*) рассматривается как «функционирование двух языковых и культурных кодов в языковом сознании для выполнения познавательных заданий и общения с педагогом или сверстниками на занятиях, решения коммуникативных задач вне занятия, самостоятельной деятельности познавательного и занимательного характера» [Мильруд, Максимова, 2017, с. 185]. Вместе с тем полагаем, что положение о функционировании двух культурных кодов в языковом сознании может вызывать определенные сомнения, поскольку возникает вопрос о том, что считать культурным кодом и как этот код формируется в индивидуальном сознании. Если согласиться, что культурный код – это не более чем набор поверхностных знаний декларативного типа, почерпнутых из разного рода вербальных и невербальных текстов, то тогда выражения снимаются. Если же принять точку зрения, что культурный код формируется в культурной среде и никак иначе, то в условиях учебного двуязычия индивид использует два языка – Я1 и Я2, опираясь на один культурный код, связанный с Я1.

К особенностям условий учебного двуязычия относятся: отсутствие языковой среды для Я2 в широком смысле; ограниченное время общения на Я2; ограниченность ситуации общения учебными занятиями (уроками); ограниченность языкового материала программными темами; системность в усвоении языкового материала; целенаправленность усвоения языкового материала; целенаправленная работа над ошибками; наличие профессионального учителя (преподавателя); использование специальных методов и методик обучения; вероятность слабой мотивации к усвоению Я2

или даже ее отсутствие. *Процесс* учебного двуязычия характеризуется необходимостью сознательного, волевого выучивания; постоянным переключением с Я2 на Я1; акцентированием внимания на языковых средствах в ущерб реальной, материальной действительности. Как *результат*, формируется преимущественно субординативный тип двуязычия с условно-коммуникативной компетенцией на Я2 и с преобладанием знаний декларативного типа [Залевская, 2016, с. 14–15].

Что касается типологии билингвизма и подходов к его изучению, то нельзя не заметить, что здесь у специалистов нет единого мнения. В свое время У. Вайнрайх [Weinreich, 1953, р. 10] предложил различать три типа билингвизма в зависимости от типа отношений в сознании между планом выражения и планом содержания языковых знаков обоих языков: координативный, смешанный и субординативный. При координативном («чистом») типе билингвальная личность как бы вмещает в себя две монолингвальные личности, и вербальные знаки двух языков никак не связаны между собой (или связаны очень слабо) ни в плане выражения, ни в плане содержания. Такая ситуация возникает, когда языки усваиваются и используются индивидом в естественных, не учебных, но разных условиях или ситуациях общения, как, например, дома и за его пределами, или в одной стране и в другой стране. При смешанном типе в сознании индивида формируется общая система значений для обоих планов выражения. При этом на формальном уровне оба языка (число языков может быть и больше) примерно равноправны и индивид переключается с одного языка на другой без каких-либо задержек и затруднений. Так происходит, когда языки усваиваются и используются индивидом в одинаковых условиях и ситуациях общения. При субординативном типе Я2 усваивается и используется с постоянной опорой на Я1, т.е. при усвоении иноязычного слова первичным планом содержания становится не объект реальности, а слово-эквивалент на Я1. При этом у индивида так же, как в случае со смешанным типом билингвизма, формируется общая концептуальная система, прежде всего связанная с ситуацией усвоения Я1. Не случайно затем субординативный тип был включен С. Эрвин и Ч. Осгудом в состав смешанного типа в качестве подвида [Appel, Muysken, 2005, р. 75–76]. Кстати, при обсуждении субординативного типа языкового знака в сознании билингва, якобы предложенного У. Вайнрайхом [Weinreich, 1953, р. 10], сам автор ссылается на почти забытую публикацию М. Робертса [Roberts, 1939].

Позиция С. Эрвин и Ч. Осгуда в некоторой степени перекликается с позицией Л.В. Щербы, который также разграничивает «чистый» и «смешанный» типы билингвизма, которым в английском языке соответствуют термины *coordinate* и *compound*. При описании смешанного типа Л.В. Щерба переходит от случаев свободного владения языками, когда языки начинают употребляться «вперемежку», к учебной ситуации с полным сознательным контролем своих речевых действий на Я2 и постоянным сознательным сравнением форм и их значений на Я1 и Я2. Примечательно, что автор видит в таком сравнении большую образовательную пользу для мышления: сравнивая и обнаруживая общее и частное, человек учится мыслить диалектически. И хотя при овладении иностранным языком автоматизм «чистого» двуязычия имеет очевидные преимущества, само по себе чистое двуязычие не несет никакого образовательного значения, поскольку механическое использование двух и более языков без поводов для их сравнения не делает человека более культурным и образованным [Щерба, 1974].

Вместе с тем экспериментальные данные не всегда сообразуются с предлагаемой типологией билингвизма. Ряд экспериментов показал, что видимой разницы между индивидами – носителями координативного / чистого билингвизма и носителями смешанного билингвизма не наблюдается. Критики существующей типологии указывают на то, что зачастую проверяемые в экспериментах значения исчерпываются аффективно-оценочным компонентом и не включают основной денотативный компонент. Материалом для исследования, как правило, становятся отдельные слова, а не целостная языковая компетенция. Нет ясности относительно того, что может представлять собой при смешанном билингвизме общее значение для таких, например, лексем в английском и турецком языках, как *brother*, *sister* и *kardeş*, если турецкая лексема обозначает и брата, и сестру. И таких примеров из разных языков множество [Appel, Muyuk, 2005, p. 77].

Разочаровавшись в идее четкого разграничения билингвизма на типы, многие специалисты переключились на исследование таких не тождественных понятий, как ментальный лексикон и семантическая память индивида: если ментальный лексикон моделирует языковое знание, то семантическая память выходит за пределы языкового знания и оперирует концептуальными структурами, которые далеко не всегда поддаются осознаванию и вербализации. Отсюда встает вопрос: обслуживает ли семантическая память оба языка билингва в одинаковой мере, или языки не

равноправны по отношению к этой структуре? Однако и здесь полученные в разных экспериментах данные не дают однозначного ответа, заставляя исследователей искать всё новые решения с использованием новых понятий, например, механизма переключения языковых кодов (*single-switch theory* vs *two-switch model*). Любопытно и то, что индивиды с высоким уровнем владения несколькими языками не всегда одинаково успешно справляются с переводческой задачей. Это может объясняться и тем, что если языки усваивались в разных условиях и ситуациях общения – формальных и неформальных, а ситуация перевода ограничивается формальными условиями, то это может негативно влиять на процесс и результат перевода [Appel, Muysken, 2005, p. 78–81].

Методика экспериментального исследования

Мы со своей стороны решили оттолкнуться от понятия речевой организации индивида, которая понимается как самоорганизующаяся функциональная динамическая психофизиологическая система, представляющая собой единство процесса переработки своеобразного речевого опыта индивида и продукта этой переработки [Залевская, 2005, с. 33–34; Залевская, 2016, с. 262]. Как уже отмечалось, данная статья представляет собой попытку интерпретировать результаты свободного ассоциативного эксперимента с использованием вербальных стимулов (слов) на Я1 и Я2 в условиях двуязычия с целью проверки гипотезы: в этих условиях характер взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в речевой организации индивида не зависит от языка стимульного материала – Я1 или Я2, если стимулы представляют собой семантические корреляты, или понятийные эквиваленты.

Применение метода свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) обосновано тем, что этот метод является одним из самых простых и в то же время весьма эффективным и надежным исследовательским инструментом. Искусственная ситуация, как ни парадоксально, является достаточно гибкой и свободной, так как в формулировке задания нет установки ни на общение с экспериментатором, ни на решение познавательной задачи [Горошко, 2005]. Результаты САЭ позволяют выявить: принципы организации внутреннего лексикона; семантические связи между словами, которыми оперирует индивид при идентификации поступающей информации; индивидуальные личностные смыслы, которые вы-

ступают в качестве одной из причин эмерджентности человеческого языка и человеческой психики, в отличие от операций, производимых автоматическими устройствами, включая сверхсложные электронные системы. Гипотетически результаты САЭ позволяют выйти за пределы собственно лексикона и семантической памяти человека в его образ мира, расширяют наши представления о процессе семиозиса, об общей информационной базе, о взаимодействии чувственного и рационального в сознании.

В качестве стимулов были предложены слова – семантические корреляты на русском и английском языках (в разных группах использовались разные языки), объединяемые абстрактностью значения, частотностью и сферой употребления – в основном в политическом дискурсе: ОППОЗИЦИЯ – OPPOSITION, ПРАВИТЕЛЬСТВО – GOVERNMENT, ДЕМОКРАТИЯ – DEMOCRACY, ВЫБОРЫ – ELECTIONS, ПАРТИЯ – PARTY, ОЛИГАРХ – OLIGARCH, КОММУНИЗМ – COMMUNISM, СПРАВЕДЛИВОСТЬ – JUSTICE, ВЛАСТЬ – POWER, ПРЕЗИДЕНТ – PRESIDENT, РАВЕНСТВО – EQUALITY, ЭКОНОМИКА – ECONOMY, ПОЛИТИКА – POLITICS, УСПЕХ – SUCCESS, ОБРАЗОВАНИЕ – EDUCATION, ДЕНЬГИ – MONEY, КАРЬЕРА – CAREER (всего 17 русских и 17 английских единиц). Используя данные стимулы, мы руководствовались желанием выявить отношение молодежи к ключевым понятиям, определяющим состояние не только современной, но и любой исторической эпохи.

В нашем эксперименте, проводившемся в середине 2018 г. и в начале 2019 г., приняли участие студенты университета, изучающие английский язык как иностранный в качестве основной специальности с высоким уровнем владения языком (upper-intermediate и advanced). Всего в свободном ассоциативном эксперименте принял участие 71 респондент. Стимульный материал предъявлялся в письменной форме на отдельной карточке для каждого респондента, на которой тот записывал вербальные ассоциативные реакции, или поочередно на экране телевизионного монитора, в этом случае респонденты записывали свои реакции после предъявления каждого стимула. Испытуемые должны были записать на любом языке (Я1 или Я2) от одного до трех первых пришедших на ум слов (словосочетаний или фраз) в связи с увиденным стимулом, им запрещалось общаться между собой и пользоваться какими-либо подсказками.

В первой группе студенты (всего 36 человек в возрасте 18–20 лет) работали с русскоязычными стимулами. Один респондент отказался от участия в эксперименте, также по разным стимулам

было получено 17 отказов. Во второй группе студенты (всего 34 человека в возрасте 18–20 лет) работали с англоязычными стимулами. Никто из испытуемых не отказался от участия в эксперименте, однако по разным стимулам получено 36 отказов. Также следует оговориться, что поскольку испытуемые-мужчины, участвовавшие в данном эксперименте, находились в значительном меньшинстве, гендерный аспект при анализе полученных данных не учитывался.

Для описания полученных в двух группах ассоциативных реакций необходимо определиться с переменными, которые будут выступать в качестве критериев сопоставления. Поскольку особенность большинства вербальных единиц состоит в том, что они представляют собой комплекс формальных и семантических признаков, следует произвести их оценивание прежде всего по этим двум основаниям. Кроме того, необходимо учесть количественный показатель. Признаться, обработка полученных в САЭ данных оказывается непростой задачей, хотя алгоритмы и методики оценивания существуют: 1) фиксация языка реакции: Я1 или Я2; 2) подсчет количества разных реакций; нулевых реакций (отказов); единичных реакций; 3) измерение степени ассоциативной связности через подсчет индекса частоты ассоциативной связи (заметим, в терминах Воронежской психолингвистической школы И.А. Стернина он именуется индексом яркости ассоциативной реакции); индекса взаимной ассоциативной связи; индекса пересечения ассоциаций на группу слов и другие [Залевская, 2011].

Результаты экспериментального исследования

В силу ограниченности объема статьи, рассмотрим реакции, полученные лишь на некоторые стимулы (см. табл. 1–3). Для начала рассмотрим распределение ассоциативных реакций по стимулам ОППОЗИЦИЯ – OPPOSITION относительно формально-количественного критерия (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ассоциативных реакций
по стимулам ОППОЗИЦИЯ и OPPOSITION в обеих группах
по формально-количественному критерию**

Стимул (кол-во разных реакций – отказов – единичных реакций)	Ассоциативные реакции у двух и более респондентов (кол-во повторов)	Единичные ассоциативные реакции
оппозиция (27–0–14)	Навальный (6) / борьба (с) (5) / сопротивление (4) / противостояние (4) / против (чего-либо), напротив (4) / против- ник (4) / политика (4) / война (3) / власть (3) / (другое) мнение, мne- ния (2) / другое (мне- ние) (2) / партия (2) / лингвистика (2)	соревнование / повстанцы / недовольства / враг / спор / решение / страна / выборы / то, чего нет / новость / плохо / антоним / defending, защи- щаться
OPPOSITION (43–1–37)	политика (3) / (личное) мнение (3) / politics (2) / против чего-то (напро- тив) (3) / противостоя- ние (2) / борьба (2)	оппозиция / сопротивление / протест protest / противопос- тавление / различие / непохо- жесть / разница / contrary / antonym / negative / contradic- tions / conflict / another / dif- ferent / war / riot / resistance / not agree / argue / fight / un- friendly / opponents / opinion / взгляды (view) / sides / people / народ / authority / power / позиция / corruption / партия / Navalny / стремле- ние / to mug

Количественное сопоставление показывает, что в случае с русскоязычным стимулом общее количество разных реакций составило 27, из которых количество единичных ассоциативных реакций составило 14; отказов не зафиксировано. В случае с англоязычным стимулом общее количество разных реакций составило 43, из которых количество единичных ассоциативных реакций составило 37; зафиксирован один отказ. Обращает на себя внимание тот факт, что среди реакций на англоязычный стимул большой процент составляют реакции на английском языке. На наш взгляд, это объясняется

хорошим уровнем языковой подготовки участников эксперимента, что, в свою очередь, подтверждается и тем, что все англоязычные реакции обнаруживают смысловую связь с англоязычным стимулом, а не формальную, т.е. по звуковому сходству. Исключение могут составлять реакции *оппозиция* и *позиция*, однако и их можно трактовать как имеющие семантическую связь со стимулом: в первом случае имеет место перевод с иностранного языка на русский, во втором мы можем иметь дело с семантическим коррелятом реакций *мнение* (*opinion*) и *взгляды* (*views*).

Если сопоставить повторяющиеся реакции по обоим стимулам, нельзя не заметить, что все ассоциативные реакции на стимул *OPPOSITION*, за исключением *politics*, находят место в колонке с реакциями на стимул *ОППОЗИЦИЯ*. Более того, если отвлечься от языка реакции (*Я1* и *Я2*) и параметра частотности, то также очевидно, что практически все реакции, полученные на русскоязычный стимул, повторяются среди реакций, полученных на соответствующий англоязычный стимул. Кроме того, если объединить реакции типа *мнение* / *opinion*, *борьба* / *fight* и т.п. на англоязычный стимул по семантическому признаку, то они из единичных реакций переходят в разряд повторяющихся и таким образом увеличивают количество сходных повторяющихся реакций по обоим стимулам. Отдельно хотелось бы прокомментировать реакцию *Навальный* / *Navalny*. Дело в том, что между экспериментами в группах со стимулами на *Я1* и *Я2* случился перерыв в несколько месяцев. Когда эксперимент проводился в группе со стимулами на *Я1*, президентская избирательная кампания в России только что завершилась, а когда эксперимент проводился в группе со стимулами на *Я2*, после выборов прошло несколько месяцев, и интерес к политическим баталиям и оппонентам власти, видимо, несколько притупился. Этим, на наш взгляд, может объясняться меньшее количество данной реакции во второй группе. Ассоциативные реакции, семантически не пересекающиеся или пересекающиеся слабо, в значительной степени опосредованно, представляют собой явное меньшинство: *то, чего нет*; *лингвистика* (хотя реакция *antonym*, несомненно, семантически связана с этой реакцией), *corruption*, *стремление*, *defending*, *защищаться*, *страна*, *выборы*, *новость*, *to mug* (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ассоциативных реакций
по стимулам ОППОЗИЦИЯ и OPPOSITION в обеих группах
по критерию ситуационно-смыслового сходства**

Ассоциативные реакции на стимул ОППОЗИЦИЯ (общее кол-во)	Ассоциативные реакции OPPOSITION на стимул (общее кол-во)
Навальный (6)	Navalny (1)
сопротивление / противостоя- ние / против (чего-либо), напротив / борьба / война / другое (мнение) / спор / соревнование / недовольства / повстанцы (26)	борьба / fight / war / сопротивление / resistance / противостояние / против чего-то (напротив) / contrary / another / different / conflict / argue / not agree / оппозиция / протест / protest / противопоставление / различие / непо- хожесть / разница / contradictions / riot / sides (27)
враг (1)	opponents (1)
политика (4)	politics (2)
власть (3)	power /authority (2)
мнение (я) (2)	opinion / взгляды (view) / позиция (7)
партия (2)	партия (1)
антоним (1)	antonym (1)
страна (1)	people / народ (2)
плохо (1)	negative / unfriendly (2)
Ассоциативные реакции, не обнаруживающие явного семантического сходства	
лингвистика (2) / выборы (1) / то, чего нет (1) / новость (1) / defending, защи- щаться (2)	стремление (1) / corruption (1) / to mug (1)

Рассмотрим полученные ассоциативные реакции на стимуль-
ную пару ВЛАСТЬ – POWER (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ассоциативных реакций
по стимулам ВЛАСТЬ и POWER в обеих группах
по формально-количественному критерию**

Стимул (кол-во разных реакций отказов – единичных реакций)	Ассоциативные реакции у двух и более респондентов (кол-во повторов)	Единичные ассоциативные реакции
ВЛАСТЬ (34–0–29)	сила (сильная) (11) / коррупция (3) / влияние (2) / деньги (2) / жадность (2)	закон / возможности, привилегии / кулак / конституция / политика, законы, общество / народ / президент / правительство / налоги / грозный, надежда / борьба / жесткость / независимая / неограниченная / несправедливая / обществознание / право не многих / захватчик, личность / кризис / масоны / в руках у олигархов / эгоизм / Сменись уже! / извращенное понятие
POWER (40–1–33)	сила (3) / strong (strength) (3) / мощь (2) / влияние (2) / nuclear (2) / ability to do smth. (anything) (2) / power (powerful) (2)	strength of older people / супергерой / superman / политика, общество / тренировки, упражнения / необходимо / полномочия, авторитет / control / girl / people, logic / being better than others / fear / знание / money / деньги / brain / physics / nuclear weapon / nuclear power station / счастье / freedom / возможности, уверенность / упорство / force / control / sport, health / энергия

Несмотря на количественные расхождения, здесь также обнаруживается большое количество реакций на английском языке на англоязычный стимул, и также все реакции на англоязычный стимул на обоих языках демонстрируют смысловую, а не формальную связь со стимулом. Тем не менее в случае с этими стимулами, причем с обоими, наблюдается большее количество, чем с предыдущей парой, опосредованных реакций, при этом некоторые реакции указывают на синтагматический, а не парадигматический характер связи со стимулом: *власть – деньги, money (власть де-*

neг); girl (власть девушки); fear (власть страха); власть – в руках у олигархов; власть – сменись уже! и т.д. Однако, несмотря на то что единичных реакций, которые не повторяются даже при условии отвлечения от языка реакции, в этом случае значительно больше (*physics, масоны, президент, тренировки, упражнения, sport, health, эгоизм, кулак, право не многих, logic* и некоторые другие), всё равно количество семантических коррелятов и близких по смыслу реакций составляет большинство. При этом возможно, что большее число ассоциативных реакций, не проявляющих явного семантического сходства в случае со стимульной парой ВЛАСТЬ – POWER, может объясняться и формальным несходством самих стимулов, в отличие от стимульной пары ОППОЗИЦИЯ – OPPOSITION, в которой лексемы обнаруживают значительное сходство в плане выражения.

Заключение

Итак, в статье исследовалась речевая организация индивида в условиях учебного двуязычия, а именно: особенности взаимодействия родного и иностранного языков (Я1 и Я2) в сознании обучающегося билингва. Обзор научной литературы по данной проблеме обнаруживает отсутствие единого мнения у специалистов. Это вызвано целым рядом причин, среди которых хотелось бы отметить наиболее выпуклые. Во-первых, двуязычие в целом и учебное двуязычие в частности – это не только языковая проблема, но и психологическая, и социокультурная, и педагогическая; и искусственное дробление этого комплексного, чрезвычайно сложного и неоднородного явления не всегда способствует его лучшему пониманию. Во-вторых, если говорить о взаимодействии языковых и когнитивных процессов и структур в сознании двуязычного индивида, то не всегда характер этих взаимодействий до конца ясен и очевиден: так, результаты некоторых наблюдений и экспериментов с билингвами не соотносятся с предлагаемой типологией билингвизма [Щерба, 1974; Appel, Muysken, 2005; Weinreich, 1953].

С целью проверки гипотезы о том, что характер взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в речевой организации обучающегося билингва при восприятии стимулов на родном и иностранном языках (Я1 или Я2) не зависит от языка стимульного материала – Я1 или Я2, если стимулы представляют собой семантические корреляты или понятийные эквиваленты,

был проведен свободный ассоциативный эксперимент в двух группах студентов – носителей русского языка, изучающих английский язык как иностранный в качестве основной специальности. Насколько нам известно, исследований такого рода пока не проводилось. Несмотря на количественные расхождения полученных результатов и Я2 многих реакций на стимулы на Я2, большая часть реакций, полученных на оба стимула – русский и английский – представляют собой семантические корреляты или близкие по смыслу выражения. Таким образом, мы полагаем, что на данном этапе нашего исследования гипотеза о том, что в условиях учебного билингвизма характер взаимодействия языковых и энциклопедических знаний-переживаний в речевой организации индивида не зависит от языка стимульного материала – Я1 или Я2, если стимулы представляют собой семантические корреляты, или понятийные эквиваленты, находит подтверждение. Это позволяет сделать вывод в пользу образования субординативного типа отношений между планом выражения и планом содержания языкового знака на Я2 в сознании индивида в условиях учебного билингвизма и общей концептуальной системы, сформированной в процессе овладения и употребления Я1 в контексте родной культуры.

Список литературы

- Горошко Е.И. Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3. – С. 53–60.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
- Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
- Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – 269 с.
- Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 185–204.
- Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 313–318.
- Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. – 228 p.
- Roberts M.H. The problem of the hybrid language // *Journal of English and Germanic Philology*. – 1939. – Vol. 38. – P. 23–41.
- Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953. – 148 p.

References

- Goroshko, E.I. (2005). Problema provedeniya svobodnogo associativnogo eksperimenta. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 53–60.
- Zalevskaya, A.A. (2005). *Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy*. Moscow, Gnozis.
- Zalevskaya, A.A. (2011). *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta*. Tver', Tver. gos. un-t.
- Zalevskaya, A.A. (2016). *Vvedenie v teoriyu uchebnogo dvuyazychiya*. Tver', Tver. gos. un-t.
- Mil'rud, R.P., Maksimova, I.R. (2017). Uchebnyj bilingvizm: Vchera, segodnya i zavtra. *Yazyk i kul'tura*, 37, 185–204.
- Scherba, L.V. (1974). K voprosu o dvuyazychiu. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (313–318). Leningrad, Nauka.
- Appel, R., Muysken, P. (2005). *Language contact and bilingualism*. Amsterdam, Amsterdam University Press.
- Roberts, M.H. (1939). The problem of the hybrid language. *Journal of English and Germanic Philology*, 38, 23–41.
- Weinreich, U. (1953). *Languages in contact: Findings and problems*. New York, Linguistic Circle of New York.

Фролова О.В.¹⁾, Ляксо Е.Е.²⁾

**КОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ
ПЯТИ-СЕМИЛЕТНИХ ДЕТЕЙ
С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ
И УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ^{1,2}**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, Санкт-Петербург, ¹⁾olchel@yandex.ru, ²⁾lyakso@gmail.com*

Аннотация. Целью исследования является определение специфики реализации коммуникативных навыков у пяти-семилетних детей с особенностями интеллектуального развития при взаимодействии с взрослыми и сверстниками. В исследовании приняли участие дети с умственной отсталостью легкой степени (n = 15, код F70 по МКБ-10) и смешанными специфическими расстройствами психологического развития (n = 20, F83), воспитывающиеся в детском доме; дети с диагнозом смешанные специфические расстройства психологического развития (n = 7, F83) и типично развивающиеся дети (n = 54), воспитывающиеся в условиях семьи. Выявлены показатели, характеризующие вербальную и невербальную коммуникацию при взаимодействии ребенка и взрослого, ребенка и сверстника, которые значимо различаются у детей изученных групп.

Ключевые слова: вербальная коммуникация; невербальная коммуникация; детский дом; умственная отсталость легкой степени; смешанные специфические расстройства психологического развития.

Поступила: 05.08.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Фролова О.В., Ляксо Е.Е., 2019

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01133).

Frolova O.V.¹⁾, Lyakso E.E.²⁾

**Communicative Skills of 5–7-year-old Children
with Developmental Disorders and Intellectual Disabilities¹**

*St. Petersburg University,
Russia, St. Petersburg, ¹⁾olchel@yandex.ru, ²⁾lyakso@gmail.com*

Abstract. The aim of the study is to identify specifics of communicative skills in groups of 5–7-year-old children with intellectual disabilities in the situations of interaction with adults and peers. The participants of the study were children with mild intellectual disabilities (n = 15, code F70 according to ICD-10) and mixed specific developmental disorders (n = 20, F83), brought up in an orphanage; children with mixed specific developmental disorders (n = 7) and conventionally developing children (n = 54), brought up in a family. The indicators of verbal and nonverbal communication were revealed during interaction between a child and an adult, a child and a peer, which differ in children from the groups analyzed.

Keywords: verbal communication; nonverbal communication; orphanage; mild intellectual disabilities; mixed specific developmental disorders.

Received: 05.08.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Становление коммуникации в онтогенезе подробно рассматривается в лингвистических [Цейтлин, 2000; Казаковская, 2004; Седов, 2008] и психолингвистических исследованиях [Ушакова, 2011]. Изучается коммуникативное поведение школьников [Лемяскина, 2006], детей дошкольного возраста [Чернышова, Стернин, 2004]. В процессе психического и социального развития ребенок овладевает способностью вести диалог: учится разговаривать, вступать в диалогические отношения, применять языковые и нязыковые средства в целях общения и решения «нелингвистических задач» [Казаковская, 2001].

Коммуникация между людьми с интеллектуальными нарушениями описывается терминами «своеобразная», «двусмысленная» [Griffiths, Smith, 2016]. В первую очередь это связано с особенностями вербальной коммуникации людей с тяжелыми формами

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-013-01133.

интеллектуальных нарушений [Consistency, context., 2001], для таких взрослых показательна низкая разборчивость речи [Speech characteristics., 2016; Barreto, Ortiz, 2008].

Умственная отсталость (УО) по медицинской классификации (МКБ-10) определяется как состояние задержанного или неполного умственного развития, которое характеризуется снижением навыков, возникающих в процессе развития, и навыков, которые определяют общий уровень интеллекта, т.е. познавательных способностей, языка, моторики, социальной активности (F70 – F79). Степень умственной отсталости обычно оценивается стандартизованными тестами. При умственной отсталости легкой степени (F70) ориентировочный IQ составляет 50–69 баллов (что соответствует уровню умственного развития в возрасте 9–12 лет).

По данным различных авторов, дети с умственной отсталостью (F70) составляют около 1% популяции детей 3–10 лет [Prevalence of., 2011; Pratt, Greydanus, 2007]. Умственная отсталость может возникнуть на фоне другого психического или физического нарушения, либо без него. Умственная отсталость сопровождает ряд генетических синдромов (например, синдром Дауна), тяжелых неврологических заболеваний (детский церебральный паралич), что затрудняет осуществление оценки вклада ведущего заболевания и сопутствующей симптоматики в разные сферы развития ребенка. Изучается освоение языка, навыков чтения, когнитивных и социальных навыков детьми со специфическими генетическими нарушениями, обусловливающими наличие умственной отсталости: синдромом Вильямса, Дауна, хромосомы X-хромосомы, расстройствами аутистического спектра [Kover, 2018; Reading deficits., 2018; Syntactic comprehension., 2015; Sokol, Fey, 2013; Abbeduto, Chapman, 2005; Gernsbacher, 2005].

Известно, что существуют пренатальные, перинатальные и постнатальные факторы риска возникновения УО. В специальных исследованиях в регионах, где население недостаточно информировано о потенциальных факторах риска, связанных с УО [Nemertiana et al., 2018], показано, что многие из негенетических факторов риска могут быть предотвращены, если они выявлены на ранней стадии. С риском возникновения УО связывают возраст матери, низкий уровень образования матери, употребление матерью алкоголя и табака, наличие в ее анамнезе таких заболеваний, как диабет, астма, повышенное артериальное давление, эпилепсия, преждевременные роды, пол (выше риск для мужского пола ребенка) и низкий вес ребенка при рождении [Prenatal, perinatal., 2016].

Для детей с ограниченными интеллектуальными способностями характерна задержка в речевом развитии, которая касается разных областей: синтаксиса, накопления словарного запаса, разборчивости речи [Facon et al., 2002; Mervis, John, 2008; Consistency, context., 2001; Ypsilanti, Grouios, 2008]; описан дефицит фонологической рабочей памяти [Schuchardt et al., 2010; Schuchardt et al., 2011; Rosenquist et al., 2003]. При этом отмечается, что у большинства детей с УО коммуникативные навыки находятся на уровне их ментального возраста [Chapman, 1997; Rondal, 2001], и при наличии соответствующей среды дети с нарушениями интеллекта могут овладевать сложными формами коммуникативного поведения [Kaiser et al., 2001].

По мнению одних авторов [Políšenská, Kapalková, Novotková, 2018], речевое развитие детей с УО идет по тому же пути, как и у типично развивающихся (ТР) детей [Bates, et al., 1995]. В специальном исследовании понимания детьми слов, высказываний и историй, показано, что восприятие речи у детей с УО происходит так же, как и у ТР детей младшего возраста [Políšenská, Kapalková, Novotková, 2018]. По мнению других авторов, речевое развитие детей с УО идет по особой траектории. Для пятилетних детей с УО выявлена связь между объемом фонологической кратковременной памяти и объемом словаря, тогда как у типично развивающихся детей развитие фонологической кратковременной памяти, синтаксиса и рост словаря происходят более независимо друг от друга [How cognitive..., 2011; What links verbal., 2004].

Материнская и частичная социальная депривация (в ситуации воспитания в доме ребенка, детском доме) приводят к нарушениям в развитии интеллектуальной сферы и речи ребенка [Болезни нервной..., 1979; Шпиц, Коблинер, 2006]. Описание особенностей детей, растущих в условиях материнской депривации, дано в работе [Шпиц, Коблинер, 2006]. После разлучения с матерью у ребенка развиваются задумчивость, печаль, замыкание в себе и другие симптомы, характерные для невротического поведения. Степень нарушения когнитивного развития связана с длительностью нахождения в условиях депривации [Черного, Мухамедрахимов, 2013; Early deprivation..., 2015]. Исследования, направленные на изучение структурно-функциональной организации мозга детей, воспитывающихся в условиях депривации, показали особенности строения белого вещества, снижение метаболизма в ключевых областях головного мозга [Social origins..., 2017; Early institutionalization., 2010; Local brain., 2001].

Специалисты-практики, работающие с детьми, растущими в детских домах в России, отмечают незрелость эмоционально-волевой сферы воспитанников, что обуславливает нарушения в сфере коммуникации. Четырехлетние воспитанники дома ребенка практически не способны к беседам на абстрактные, не привязанные к конкретному предмету темы [Ляксо, Столярова, 2008]. На материале русского языка подробно изучено речевое развитие детей из дома ребенка первых трех лет жизни [Влияние материнской депривации.., 2006], описаны ранние вокализации таких детей [Ляксо, Новикова, 1999]; лексические, фонетические, синтаксические характеристики речи и навыки коммуникации детей из дома ребенка до пятилетнего возраста [Ляксо, Столярова, 2008].

Целью данного исследования является определение специфики реализации коммуникативных навыков у пяти-семилетних детей с особенностями интеллектуального развития, воспитывающихся 1) в семье и 2) детском доме, при взаимодействии с а) взрослыми и б) сверстниками.

Методика исследования

В работе использована комплексная методика, разработанная в группе по изучению детской речи Санкт-Петербургского государственного университета [Ляксо, Столярова, 2008; Уровень речевого.., 2012; Распознавание взрослыми.., 2016; Emotion, age.., 2017].

В исследовании приняли участие 96 детей от 5 до 7 лет. В зависимости от диагноза и условий воспитания дети были раздelenы на группы. 1. Дети с диагнозом «умственная отсталость легкой степени» (F70 по МКБ-10), воспитывающиеся в условиях детского дома (15 детей: 6 девочек, 9 мальчиков), составили группу УО-д. Дети, включенные в данную группу, не имели следующих диагнозов: детский церебральный паралич, расстройства аутистического спектра, синдром Дауна и другие подтвержденные генетические синдромы. 2. Дети с диагнозом «смешанные специфические расстройства психологического развития» (F83 по МКБ-10) из детского дома (20 детей: 4 девочки, 16 мальчиков) – группа СР-д; большинство воспитанников детского дома без тяжелых неврологических и психиатрических нарушений имеют данный диагноз. 3. Дети с диагнозом «смешанные специфические расстройства психологического развития» (F83 по МКБ-10), воспитывающиеся в условиях семьи (7 детей: 1 девочка, 6 мальчиков), – группа СР.

4. Типично развивающиеся дети, воспитывающиеся в условиях семьи (54 ребенка: 26 мальчиков, 28 девочек) – группа ТР.

Произведена аудио- и видеозапись речи и поведения детей в условиях детского дома и детского сада. Запись речи и поведения детей осуществляли при помощи видеокамеры «SONY HDR-CX560E» и цифрового магнитофона «Marantz PMD660» с выносным микрофоном «SENNHEIZER e835S» в модельной ситуации «диалог ребенка и взрослого» и при спонтанном взаимодействии детей между собой. В модельной ситуации «диалог ребенка и взрослого» экспериментатор максимально стандартизировал свое поведение при взаимодействии со всеми детьми – участниками исследования, чередовал общие и специальные вопросы (разработан стандартный список вопросов) на тему прогулок, друзей в группе детского сада / детского дома, любимых животных, посещения цирка, зоопарка. Спонтанное взаимодействие детей между собой предполагало игру детей с игрушками в группе детского сада / детского дома.

Осуществлен анализ текстов диалогов детей с взрослым и диалогов между детьми по частоте употребления ребенком различных типов реплик: реплика представлена ответом да / нет, одним словом, простой фразой, двумя простыми фразами, несколькими простыми фразами, содержит сложноподчиненное предложение. Реплики детей в диалогах со сверстниками были проанализированы по частоте употребления различных типов предложений: повествовательные, побудительные и вопросительные.

Для оценки поведения ребенка и специфики реализации навыков верbalной и неверbalной коммуникации в ситуации взаимодействия со сверстником проведен экспертный анализ видеозаписей. Фрагменты видеозаписей взаимодействия детей между собой (диалогов) длительностью до 1 минуты просматривали 5 специалистов – сотрудников Группы по изучению детской речи (3 женщины, двое мужчин, возраст 30 ± 6 лет, все с нормальным слухом – на основании данных аудиометрии). Специалисты заполняли специально разработанную анкету, содержащую следующие вопросы относительно особенностей коммуникации между детьми.

1. Каким образом один ребенок привлекает внимание другого ребенка (использует речевое высказывание, крики / звукосочетания, жесты)?

2. Удается ли ребенку привлечь внимание другого ребенка?

3. Определите направление взгляда ребенка (на собеседника, на игрушку / объект, который используется при взаимодействии, в сторону).

4. Ребенок произносит фразы, слова, звукосочетания / кричит?
5. Ребенок повторяет слова / звуки за другим ребенком?
6. Ребенок повторяет движения за другим ребенком?
7. Опишите эмоции ребенка (радуется, спокоен, боится, сердится).

8. Опишите жесты ребенка: использует указательные, иллюстративные жесты, кивает, качает головой.

9. Опишите мимику ребенка: улыбается, хмурится, поднимает брови от удивления, демонстрирует отвращение.

Подсчитывалось количество ответов экспертов по каждому пункту. Статистическую обработку данных проводили в программе «Statistica 10» с использованием непараметрического критерия Краскела – Уоллиса, ранговой корреляции Спирмена (при уровне значимости $p < 0,05$), Регрессионного анализа.

Исследование одобрено Этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета, информированное согласие подписано родителями детей, растущих в условиях семьи, и законным представителем детей – воспитанников детского дома.

Результаты исследования

1. Анализ текстов диалогов между ребенком и взрослым

На основании анализа текстов диалогов детей и взрослого установлено, что ответные реплики всех детей представлены преимущественно простыми фразами (0,46; 0,41; 0,48; 0,37 – частота проявления в группах УО-д; СР-д; СР и ТР соответственно). В каждой группе детей выявлены значимые различия между частотой употребления простых фраз и реплик, содержащих две или несколько простых фраз и реплик, содержащих сложноподчиненные предложения (при $p < 0,01$ – критерий Краскела-Уоллиса). Дети с УО не использовали в диалоге сложноподчиненные предложения. У детей группы СР-д зарегистрированы единичные реплики, включающие сложноподчиненные предложения (частота употребления 0,01) (табл. 1).

Таблица 1

**Частота употребления детьми
различных типов ответных реплик в диалоге со взрослым
(медианные значения для групп УО-д, СР-д, СР, ТР)**

Тип реплики	Группы детей			
	УО-д	СР-д	СР	ТР
Слово	0,14	0,14	0,12	0,19
простая фраза	0,46	0,41	0,48	0,37
две простые фразы	0,06	0,08	0,08	0,02
несколько простых фраз	0,04	0,02	0,02	0,03
сложноподчиненное предложение	0	0,01	0,02	0,04
ответ «да / нет»	0,25	0,3	0,23	0,21

2. Анализ текстов диалогов между ребенком и сверстником

В диалогах детей со сверстниками частота проявления реплик, представленных простыми фразами, выше, чем в диалогах между детьми и взрослым. Реплики «да / нет» используются детьми в диалогах друг с другом значительно реже, чем в диалогах с взрослым. Частота употребления реплик, представленных отдельными словами, в группах детей УО-д и СР-д выше, чем частота употребления таких реплик в группах детей СР и ТР. Типично развивающиеся дети используют больше сложноподчиненных предложений, чем дети с нарушениями развития. Дети с УО не употребляют реплики, представленные несколькими простыми фразами и содержащие сложноподчиненные предложения. Дети группы СР чаще, чем дети других групп, используют реплики, представленные несколькими простыми фразами (табл. 2).

Таблица 2

**Частота употребления детьми
различных типов реплик в диалоге со сверстниками
(медианные значения для групп УО-д, СР-д, СР, ТР)**

Тип реплики	Группы детей			
	УО-д	СР-д	СР	ТР
Слово	0,19	0,19	0,05	0,08
простая фраза	0,62	0,55	0,55	0,56
две простые фразы	0,15	0,14	0,17	0,18
несколько простых фраз	0	0,07	0,15	0,11
сложноподчиненное предложение	0	0,02	0,02	0,06
ответ «да / нет»	0,04	0,03	0,06	0,01

В диалогах со сверстниками дети употребляют главным образом повествовательные предложения (рис.), реже – побудительные и вопросительные предложения. Дети с УО чаще говорят о себе, своих действиях – «я хочу», «у меня есть», «я умею», «я залезаю», «я иду» (72% повествовательных предложений), дети с СР и ТР преимущественно рассказывают про объект, с которым играют: «В траве разные живут микробы» или «Тигр идет кусать».

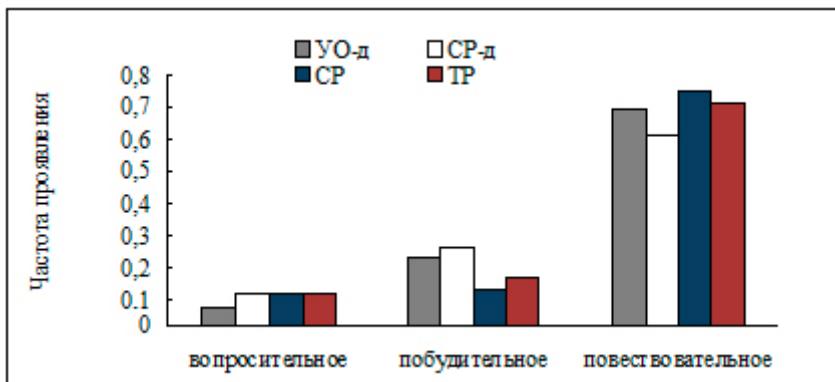

Рис. Частота проявления различных типов предложений в диалогах между детьми: по горизонтальной оси – типы предложений, по вертикальной оси – частота проявления; серый цвет – данные для группы УО-д, белый цвет – группы СР-д, синий – группы СР, красный – группы ТР

3. Экспертный анализ видеозаписей взаимодействия детей между собой

Дети группы ТР и дети группы СР чаще, чем дошкольники, воспитывающиеся в условиях детского дома, привлекают внимание собеседника при помощи речевых реплик, звуками / криком, жестами. В процессе взаимодействия со сверстником дети группы ТР чаще, чем дети с нарушениями развития, в особенности дети групп СР-д и УО-д, смотрят на объект (игрушку). На основании регрессионного анализа установлено, что группа, к которой относится ребенок (1 – УО-д, 2 – СР-д, 3 – СР, 4 – ТР), связана с характеристиками взаимодействия: «ребенок привлекает внимание собеседника речевой репликой» $F(1,62) = 4,731 \rho < 0,03 R^2 = 0,07 \text{ Beta} = 0,266$; «привлекает внимание собеседника звуком / криком» $F(1,62) = 10,017 \rho < 0,02 R^2 = 0,139 \text{ Beta} = 0,373$; «привлекает внимание собеседника жестом» $F(1,62) = 17,130 \rho < 0,0001 R^2 = 0,216 \text{ Beta} = 0,465$; «смотрит на объект» (игрушку) $F(1,62) = 29,096 \rho < 0,0001 R^2 = 0,319 \text{ Beta} = 0,565$; «произносит фразы» $F(1,62) = 8,167 \rho < 0,006 R^2 = 0,116 \text{ Beta} = 0,341$.

Установлено, что дети группы ТР чаще, чем дети других групп (в особенности группы УО-д), демонстрируют положительные эмоции $F(1,62) = 31,081 \rho < 0,0001 R^2 = 0,334 \text{ Beta} = 0,578$; используют указательные жесты $F(1,62) = 17,086 \rho < 0,0001 R^2 = 0,216 \text{ Beta} = 0,465$; иллюстративные жесты $F(1,62) = 10,895 \rho < 0,001 R^2 = 0,194 \text{ Beta} = 0,387$; кивают $F(1,62) = 14,312 \rho < 0,0004 R^2 = 0,188 \text{ Beta} = 0,433$; качают головой $F(1,62) = 9,274 \rho < 0,003 R^2 = 0,13 \text{ Beta} = 0,361$; улыбаются $F(1,62) = 62,689 \rho < 0,0001 R^2 = 0,503 \text{ Beta} = 0,709$. Типично развивающиеся дети реже, чем дети с нарушениями развития, демонстрируют недовольное выражение лица $F(1,62) = 6,565 \rho < 0,02 R^2 = 0,096 \text{ Beta} = -0,309$; отвращение $F(1,62) = 6,184 \rho < 0,02 R^2 = 0,091 \text{ Beta} = -0,301$ – данные регрессионного анализа подтверждают связи, полученные на основе корреляционного анализа.

Для детей группы ТР установлена связь между частотой проявления реплик, представленных несколькими простыми фразами, в диалоге ребенка с взрослым и количеством реплик – простых фраз – в диалоге ребенка со сверстником (0,74 – коэффициент корреляции Спирмена, $\rho < 0,05$).

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены особенности вербальной и невербальной коммуникации детей с нарушениями развития, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома. Описана специфика диалогов детей изученных групп с взрослым и сверстниками по частоте употребления различных типов реплик. На основе экспертного анализа видеозаписей взаимодействия детей со сверстниками выделены элементы вербальной и невербальной коммуникации, значимо различающиеся у детей с умственной отсталостью, смешанными специфическими расстройствами психологического развития и типично развивающихся детей. Полученные предварительные данные по каждой группе детей позволяют наметить связи между уровнем интеллекта, речевым развитием и реализуемыми ребенком в разных ситуациях взаимодействия коммуникативными навыками.

Список литературы

- Болезни нервной системы у новорожденных и детей раннего возраста / Якунин Ю.А., Ямпольская Э.И., Кипнис С.П., Сысоева И.М. – М.: Медицина, 1979. – 277 с.
- Влияние материнской депривации и неврологических заболеваний на речевое развитие детей первых трех лет жизни / Ляксо Е.Е., Громова А.Д., Куражская А.В., Романова О.А., Остроухов А.В. // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 2. – С. 461–464.
- Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» // Вопросы языкоznания. – 2004. – № 2. – С. 89–110.
- Казаковская В.В. Коммуникативные навыки ребенка в диалоге: вопросно-ответные комплексы // Ребенок как партнер в диалоге: Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. – СПб.: Союз, 2001. – Вып. 2. – С. 35–58.
- Лемяскина Н.А. Экспериментальное исследование коммуникативной личности младшего школьника // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 142–148.
- Ляксо Е.Е., Столярова Э.И. Специфика реализации речевых навыков 4–5 летних детей в диалоге // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 48–57.
- Ляксо Е.Е., Новикова И.В. К вопросу об оценке состояния ребенка по характеристикам его звуковых сигналов // Новости оториноларингологии и логопатологии. – 1999. – № 1. – С. 111–125.
- МКБ-10. Международная классификация болезней. Десятый пересмотр. – Режим доступа: <https://mkb-10.com/> (Дата обращения: 10.06.2019 г.)
- Распознавание взрослыми эмоционального состояния типично развивающихся детей и детей с расстройствами аутистического спектра / Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Григорьев А.С., Соколова В.Д., Яроцкая К.А. // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. – 2016. – Т. 102, № 6. – С. 729–741.

- Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. Становление коммуникативной компетенции человека. – М.: Лабиринт, 2008. – 320 с.
- Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения / Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Смирнов А.Г., Куражова А.В., Гайкова Ю.С., Бедная Е.Д., Григорьев А.С. // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 1. – С. 73–87.
- Ушакова Т.Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2011. – 523 с.
- Ушакова Т.Н. Семантика первых детских слов // Вопросы психологии. – 2011. – № 2. – С. 25–36.
- Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
- Чернего Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж. Динамика психического развития детей первого года жизни в связи с длительностью пребывания в учреждении // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 52–60.
- Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 21. – 210 с. – Режим доступа: http://sterminia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Gruppovoe_kommunikativnoe_povedenie/Kommunikativnoe_povedenie_doshkolnika.pdf (Дата обращения: 01.08.2019 г.)
- Шпинц Р.А., Коблинер У.Г. Первый год жизни. – М.: Академический проект, 2006. – 352 с.
- Abbeduto L., Chapman R.S. Language development in Down Syndrom and fragile X syndrome: Current research and implication for theory and practice // Topics in Language Acquisition Research: Developmental Theory and Language Disorders / P. Fletcher, J.F. Miller (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – P. 53–72.
- Barreto S.S., Ortiz K.Z. Intelligibility measurements in speech disorders: a critical review of the literature // Pro Fono. – 2008. – Vol. 20, № 3. – P. 201–206.
- Bates E., Dale Ph.S., Thal D. Individual differences and their implications for theories of language development // Handbook of Child Language / P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). – Oxford: Basil Blackwell, 1995. – P. 96–151.
- Chapman R.S. Language development in children and adolescents with Down syndrome // Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews. – 1997. – Vol. 3, № 4. – P. 307–312.
- Consistency, context and confidence in judgements of affective communication in adults with profound intellectual and multiple disabilities / Hogg J., Reeves D., Roberts J., Mudford O.C. // Journal of Intellectual Disability Research. – 2001. – Vol. 45. – P. 18–29.
- Early deprivation, atypical brain development, and internalizing symptoms in late childhood / Bick J., Fox N.A., Zeanah C., Nelson C.A. // Neuroscience. – 2015. – Vol. 342. – P. 140–153.
- Early institutionalization: Neurobiological consequences and genetic modifiers / Sheridan M., Drury S., McLaughlin K., Almas A. // Neuropsychology Review. – 2010. – Vol. 20. – P. 414–429.
- Emotion, age, and gender classification in children's speech by humans and machines / Kaya H., Salah A.A., Karpov A., Frolova O., Grigorev A., Lyakso E. // Computer Speech and Language. – 2017. – Vol. 46. – P. 268–283.

- Facon B., Facon-Bollengier T., Grubar J.C.* Chronological age, receptive vocabulary, and syntax comprehension in children and adolescents with mental retardation // American Journal of Mental Retardation. – 2002. – Vol. 107, № 2. – P. 91–98.
- Gernsbacher M.A., Geye H., Weismer E.* The role of language and communication in impairment within autism // Topics in Language Acquisition Research: Developmental Theory and Language Disorders / P. Fletcher, J.F. Miller (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – P. 53–72.
- Griffiths C., Smith M.* Attuning: A communication process between people with severe and profound intellectual disability and their interaction partners // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. – 2016. – Vol. 29. – P. 124–138.
- How cognitive factors affect language development in children with intellectual disabilities / *van der Schuit M., Segers E., van Balkom H., Verhoeven L.* // Research in Developmental Disabilities. – 2011. – Vol. 32, № 5. – P. 1884–1894.
- Kaiser A.P., Hester P.P., McDuffie A.S.* Supporting communication in young children with developmental disabilities // Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews. – 2001. – Vol. 7, № 2. – P. 143–150.
- Kover S.T.* Distributional cues to language learning in children with intellectual disabilities // Language, Speech, and Hearing Services in Schools. – 2018. – Vol. 49. – P. 653–667.
- Local brain functional activity following early deprivation: A study of postinstitutionalized Romanian orphans / *Chugani H.T., Behen M.E., Muzik O., Juhász C., Nagy F., Chugani D.C.* // NeuroImage. – 2001. – Vol. 14. – P. 1290–1301.
- Mervis C.B., John A.E.* Vocabulary abilities of children with Williams syndrome: strengths, weaknesses, and relation to visuospatial construction ability // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. – 2008. – Vol. 51, № 4. – P. 967–982.
- Nemerimana M., Chege M.N., Odhiambo E.A.* Risk factors associated with severity of nongenetic intellectual disability (mental retardation) among children aged 2–18 years attending Kenyatta National Hospital // Neurology Research International. – 2018. – Vol. 2. – P. 1–11. – DOI: 10.1155/2018/6956703
- Políšenská K., Kapalková S., Novotková M.* Receptive language skills in Slovak-speaking children with intellectual disability: understanding words, sentences, and stories // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. – 2018. – Vol. 61, № 7. – P. 1731–1742.
- Pratt H.D., Greydanus D.E.* Intellectual disability (mental retardation) in children and adolescents // Primary Care. – 2007. – Vol. 34, № 2. – P. 375–386.
- Prenatal, perinatal and neonatal risk factors for intellectual disability: A systemic review and meta-analysis / *Huang J., Zhu T., Qu Y., Mu D.* // PLoS One. – 2016. – Vol. 11, № 4. – P. e0153655. – DOI: 10.1371/journal.pone.0153655
- Prevalence of intellectual disability: A meta-analysis of population-based studies / *Maulik P.K., Mascarenhas M.N., Mathers C.D., Dua T., Saxena S.* // Research in Developmental Disabilities. – 2011. – Vol. 32, № 2. – P. 419–436.
- Reading deficits in intellectual disability are still an open question: A narrative review / *Di Blasi F.D., Buono S., Città S., Costanzo A.A., Zoccolotti P.* // Brain Sciences. – 2018. – Vol. 8, № 8. – Pii: E146. – DOI: 10.3390/brainsci8080146.
- Rondal J.A.* Language in mental retardation: Individual and syndromic differences, and neurogenetic variation // Swiss Journal of Psychology. – 2001. – Vol. 60, № 3. – P. 161–178.

- Rosenquist C., Conners F.A., Roskos-Ewoldsen B. Phonological and visuo-spatial working memory in individuals with intellectual disability // American Journal of Mental Retardation. – 2003. – Vol. 108, № 6. – P. 403–413.
- Schuchardt K., Gebhardt M., Mähler C. Working memory functions in children with different degrees of intellectual disability // Journal of Intellectual Disability Research. – 2010. – Vol. 54, № 4. – P. 346–353.
- Schuchardt K., Maehler C., Hasselhorn M. Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities // Research in Developmental Disabilities. – 2011. – Vol. 32, № 5. – P. 1934–1940.
- Social origins of developmental risk for mental and physical illness / Cameron J.L., Eagleson K.L., Fox N.A., Hensch T.K., Levitt P. // The Journal of Neuroscience. – 2017. – Vol. 37, № 45. – P. 10 783–10 791.
- Sokol S.B., Fey M.E. Consonant and syllable complexity of toddlers with Down syndrome and mixed-aetiology developmental delays // International Journal of Speech-Language Pathology. – 2013. – Vol. 15, № 6. – P. 575–585.
- Speech characteristics and intelligibility in adults with mild and moderate intellectual disabilities / Coppens-Hofman M.C., Terband H., Snik A.F.M., Maassen B.A.M. // Folia Phoniatrica et Logopaedica. – 2016. – Vol. 68. – P. 175–182.
- Syntactic comprehension and working memory in children with specific language impairment, autism or Down syndrome / Fortunato-Tavares T., Andrade C.R.F., Befit-Lopes D., Limongi S.O., Fernandes F.D.M., Schwartz R.G. // Clinical Linguistics and Phonetics. – 2015. – Vol. 29, № 7. – P. 499–522.
- What links verbal short-term memory performance and vocabulary level? Evidence of changing relationships among individuals with learning disability / Jarrold Ch., Baddeley A.B., Hewes A.K., Leeke T.C., Philips C.E. // Journal of Memory and Language. – 2004. – Vol. 50, № 2. – P. 134–148.
- Ypsilanti A., Grouios G. Linguistic profile of individuals with Down syndrome: Comparing the linguistic performance of three developmental disorders // Child Neuropsychology. – 2008. – Vol. 14, № 2. – P. 148–170.

References

- Yakunin, Yu.A., Yampolskaya, E.I., Kipnis, S.P., Sysoeva, I.M. (1979). *Bolezni nervnoj sistemy u novorozhdennyh i detej rannego vozrasta*. Moscow: Medicina.
- Lyakso, E.E., Gromova, A.D., Kurazhova, A.V., Romanova, O.A., Ostrouhov, A.V. (2006). Vliyanie materinskoy deprivacii i nevrologicheskikh zabolevanij na rechevoe razvitiye detej pervyh trekh let zhizni. *Psichologicheskij zhurnal*, 27(2), 461–464.
- Kazakovskaya, V.V. (2004). Voprosno-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyj – rebenok». *Voprosy yazykoznanija*, 2, 89–110.
- Kazakovskaya, V.V. Kommunikativnye navyki rebenka v dialoge: Voprosno-otvetnye kompleksy. In: *Rebenok kak partner v dialoge: Trudy postoyanno dejstvuyushchego ceminara po ontolingvistike* (pp. 35–58). Saint-Petersburg: Soyuz.
- Lemyaskina, N.A. (2006). Eksperimentalnoe issledovanie kommunikativnoj lichnosti mlashego shkol'nika. *Voprosy psicholingvistiki*, 4, 142–148.

- Lyakso, E.E., Stolyarova, E.I. (2008). Specifika realizacii rechevyh navykov 4–5 letnih detej v dialoge. *Psichologicheskij zhurnal*, 29(3), 48–57.
- Lyakso, E.E., Novikova, I.V. (1999). K voprosu ob ocenke sostoyaniya rebenka po harakteristikam ego zvukovyh signalov. *Novosti otorinolaringologii i logopatologii*, 1, 111–125.
- ICD-10. International Classification of Diseases. 10th edition. Retrieved from: <https://icd.who.int/browse10/2016/en>
- Lyakso, E.E., Frolova, O.V., Grigorev, A.S., Sokolova, V.D., Yarotskaya, K.A. (2016). Raspoznavanie vzroslymi emocional'nogo sostoyaniya tipichno razvivayushchihsya detej i detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra. *Rossijskij fiziologicheskij zhurnal im. I.M. Sechenova*, 102(6), 729–741.
- Sedov, K.F. (2008). *Ontopsiholingvistika. Stanovlenie kommunikativnoj kompetencii cheloveka*. Moscow: Labirint.
- Lyakso, E.E., Frolova, O.V., Smirnov, A.G., Kurazhova, A.V., Gaikova, Yu.S., Bednaya, E.D., Grigorev, A.S. (2012). Uroven' rechevogo razvitiya detej na etape formirovaniya navyka chteniya. *Psichologicheskij zhurnal*, 33(1), 73–87.
- Ushakova, T.N. (2011). *Rozhdenie slova. Problemy psichologii rechi i psiholingvistiki*. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psichologii RAN».
- Ushakova, T.N. (2011). Semantika pervyh detskih slov. *Voprosy psichologii*, 2, 25–36.
- Tseitlin, S.N. (2000). *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi*. Moscow: Gumanitarnyj izdatel'skij centr VLADOS.
- Chernego, D.I., Muhamedrahimov, R.Zh. (2013). Dinamika psicheskogo razvitiya detej pervogo goda zhizni v svyazi s dlitel'nost'yu prebyvaniya v uchrezhdenii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(3), 52–60.
- Chernyshova, E.B., Sternin, I.A. (2004). *Kommunikativnoe povedenie*, vol. 21. Voronezh: Istoki. Retrieved from: http://sterminia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Gruppovoe_kommunikativnoe_povedenie/Kommunikativnoe_povedenie_doshkolnika.pdf
- Spitz, R.A., Cobliner, W.G. (2006). *Pervyj god zhizni*. Moscow: Akademicheskij proekt.
- Abbeduto, L., Chapman, R.S. (2005). Language development in Down Syndrom and fragile X syndrome: Current research and implication for theory and practice. In: Fletcher, P., Miller, J.F. (Eds.) *Topics in Language Acquisition Research: Developmental Theory and Language Disorders* (pp. 53–72). Amsterdam: John Benjamins.
- Barreto, S.S., Ortiz, K.Z. (2008). Intelligibility measurements in speech disorders: A critical review of the literature. *Pro Fono*, 20(3), 201–206.
- Bates, E., Dale, Ph.S., Thal, D. (1995). Individual differences and their implications for theories of language development. In: Fletcher, P., MacWhinney, B. (Eds.) *Handbook of Child Language* (pp. 96–151). Oxford: Basil Blackwell.
- Chapman, R.S. (1997). Language development in children and adolescents with Down syndrome. *Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews*, 3(4), 307–312.
- Hogg, J., Reeves, D., Roberts, J., Mudford, O.C. (2001). Consistency, context and confidence in judgements of affective communication in adults with profound intellectual and multiple disabilities. *Journal of Intellectual Disability Research*, 45, 18–29.
- Bick, J., Fox, N.A., Zeanah, C., Nelson, C.A. (2015). Early deprivation, atypical brain development, and internalizing symptoms in late childhood. *Neuroscience*, 342, 140–153.

- Sheridan M., Drury S., McLaughlin K., Almas A. (2010). Early institutionalization: Neurobiological consequences and genetic modifiers. *Neuropsychology Review*, 20, 414–429.
- Kaya, H., Salah, A.A., Karpov, A., Frolova, O., Grigorev, A., Lyakso, E. (2017). Emotion, age, and gender classification in children's speech by humans and machines. *Computer Speech and Language*, 46, 268–283.
- Facon, B., Facon-Bollengier, T., Grubar, J.C. (2002). Chronological age, receptive vocabulary, and syntax comprehension in children and adolescents with mental retardation. *American Journal of Mental Retardation*, 107(2), 91–98.
- Gernsbacher, M.A., Geye, H., Weismier, E. (2005). The role of language and communication in impairment within autism. Fletcher, P., Miller, J.F. (Eds.) *Topics in Language Acquisition Research: Developmental Theory and Language Disorders* (pp. 53–72). – Amsterdam: John Benjamins.
- Griffiths, C., Smith, M. (2016). Attuning: A communication process between people with severe and profound intellectual disability and their interaction partners. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 29, 124–138.
- van der Schuit, M., Segers, E., van Balkom, H., Verhoeven, L. (2011). How cognitive factors affect language development in children with intellectual disabilities. *Research in Developmental Disabilities*, 32(5), 1884–1894.
- Kaiser, A.P., Hester, P.P., McDuffie, A.S. (2001). Supporting communication in young children with developmental disabilities. *Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews*, 7 (2), 143–150.
- Kover, S.T. (2018). Distributional cues to language learning in children with intellectual disabilities. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 49, 653–667.
- Chugani, H.T., Behen, M.E., Muzik, O., Juhász, C., Nagy, F., Chugani, D.C. (2001). Local brain functional activity following early deprivation: A study of postinstitutionalized Romanian orphans. *NeuroImage*, 14, 1290–1301.
- Mervis, C.B., John, A.E. (2008). Vocabulary abilities of children with Williams syndrome: strengths, weaknesses, and relation to visuospatial construction ability. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 51(4), 967–982.
- Nemerimana, M., Chege, M.N., Odhiambo, E.A. (2018). Risk factors associated with severity of nongenetic intellectual disability (mental retardation) among children aged 2–18 years attending Kenyatta National Hospital. *Neurology Research International*, 2, 1–11. DOI: 10.1155/2018/6956703
- Polišenská, K., Kapalková, S., Novotková, M. (2018). Receptive language skills in Slovak-speaking children with intellectual disability: understanding words, sentences, and stories. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 61(7), 1731–1742.
- Pratt, H.D., Greydanus, D.E. (2007). Intellectual disability (mental retardation) in children and adolescents. *Primary Care*, 34(2), 375–386.
- Huang, J., Zhu, T., Qu, Y., Mu, D. (2016). Prenatal, perinatal and neonatal risk factors for intellectual disability: A systemic review and meta-analysis. *PLoS One*, 11(4), e0153655. DOI: 10.1371/journal.pone.0153655
- Maulik, P.K., Mascarenhas, M.N., Mathers, C.D., Dua, T., Saxena, S. (2011). Prevalence of intellectual disability: A meta-analysis of population-based studies. *Research in Developmental Disabilities*, 32(2), 419–436.
- Di Blasi, F.D., Buono, S., Città, S., Costanzo, A.A., Zoccolotti, P. (2018). Reading deficits in intellectual disability are still an open question: A narrative review. *Brain Sciences*, 8(8), E146. DOI: 10.3390/brainsci8080146

- Rondal, J.A. (2001). Language in mental retardation: Individual and syndromic differences, and neurogenetic variation. *Swiss Journal of Psychology*, 60(3), 161–178.
- Rosenquist, C., Conners, F.A., Roskos-Ewoldsen, B. (2003). Phonological and visuo-spatial working memory in individuals with intellectual disability. *American Journal of Mental Retardation*, 108(6), 403–413.
- Schuchardt, K., Gebhardt, M., Mähler, C. (2010). Working memory functions in children with different degrees of intellectual disability. *Journal of Intellectual Disability Research*, 54(4), 346–53.
- Schuchardt, K., Mähler, C., Hasselhorn, M. (2011). Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities. *Research in Developmental Disabilities*, 32(5), 1934–1940.
- Cameron, J.L., Eagleson, K.L., Fox, N.A., Hensch, T.K., Levitt, P. (2017). Social origins of developmental risk for mental and physical illness. *The Journal of Neuroscience*, 37(45), 10 783–10 791.
- Sokol, S.B., Fey, M.E. (2013). Consonant and syllable complexity of toddlers with Down syndrome and mixed-aetiology developmental delays. *International Journal of Speech-Language Pathology*, 15(6), 575–585.
- Coppens-Hofman, M.C., Terband, H., Snik, A.F.M., Maassen, B.A.M. (2016). Speech characteristics and intelligibility in adults with mild and moderate intellectual disabilities. *Folia Phoniatrica et Logopaedica*, 68, 175–182.
- Fortunato-Tavares, T., Andrade, C.R.F., Befi-Lopes, D., Limongi, S.O., Fernandes, F.D.M., Schwartz, R.G. (2015). Syntactic comprehension and working memory in children with specific language impairment, autism or Down syndrome. *Clinical Linguistics and Phonetics*, 29(7), 499–522.
- Jarrold, Ch., Baddeley, A.B., Hewes, A.K., Leeke, T.C., Philips C.E. (2004). What links verbal short-term memory performance and vocabulary level? Evidence of changing relationships among individuals with learning disability. *Journal of Memory and Language*, 50(2), 134–148.
- Ypsilanti, A., Grouios, G. (2008). Linguistic profile of individuals with Down syndrome: Comparing the linguistic performance of three developmental disorders. *Child Neuropsychology*, 14(2), 148–170.

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

УДК: 811.111

DOI: 10.31249/epI/2019.02.14

Хрисонопуло Е.Ю. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР КАК ФАКТОР ВЫБОРА БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (На материале инаугурационных выступлений американских президентов)¹

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Россия, Санкт-Петербург, hrisonopulo@mail.ru*

Аннотация. В настоящем исследовании ставится цель выявить факторы варьирования бытийных предложений в инаугурационных речах американских президентов. Предложения, сообщающие о наличии трудностей и проблем, стоящих перед обществом, имеют в качестве своей основы, главным образом, два типа семантико-синтаксических моделей: (1) синтаксические структуры с личным подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом have или контекстуально соотносимыми с этим глаголом предикатами (We have / experience / face / confront problems), включая перцептивные глаголы (We see / experience difficulties); (2) бытийные конструкции с вводным подлежащим there (There are problems). Проводимый в работе анализ факторов выбора одного из типов конструкций в высказывании о ситуации бытия либо наличия опирается на языковые примеры, извлеченные методом сплошной выборки из десяти текстов инаугурационных обращений американских президентов в период с 1981 по 2017 г. Как свидетельствуют языковые данные, выбор высказывания определяется, главным образом, когнитивным содержанием, передаваемым подлежащим предложения в конкретном дискурсивном контексте. В исследовании показано, что личное подлежащее в высказываниях наличия и вводное подлежащее в бытийных высказываниях

¹ © Хрисонопуло Е.Ю., 2019

дифференцируются в качестве номинаций концептуальных архетипов «участник» и «экспериенциальная область» соответственно. Разграничение участника (У) и экспериенциальной области (О) по их функциональным характеристикам отражается в дифференциации когнитивных структур, в которые они входят: фрейма события и экспериенциальной схемы соответственно. Актуализация упомянутых концептуальных архетипов в рамках данных когнитивных структур мотивирует, с одной стороны, выбор бытийного предложения, с другой – выбор речевой стратегии сообщения о соответствующей бытийной ситуации.

Ключевые слова: дискурс; высказывание; конструкция; подлежащее; концептуальный архетип; когнитивная структура; речевая стратегия.

Поступила: 26.06.2019

Принята к печати: 01.10.2019

Khrisonopulo E.Yu.

**Evocation of Conceptual Archetypes and Cognitive Structures
as a Factor for Choosing Existential Sentences
in Political Discourse:
The Case of Inaugural Speeches of American Presidents**

*Saint-Petersburg State University of Culture,
Russia, Saint-Petersburg, hrisonopulo@mail.ru*

Abstract. The proposed study aims to reveal the motivations for alternative uses of existential sentences in inaugural speeches of American presidents. Sentences that state the existence of different kinds of difficulties and problems faced by the society, are based mainly on two types of semantic-syntactic models: (1) syntactic structures with personal subjects and predicates expressed by the verb have or some other semantically and contextually correlative verbs (We have / experience / face / confront problems), including perceptual predicates (We see / experience difficulties) and (2) existential clauses headed by anticipatory there (There are problems). The suggested analysis of the factors that motivate the choice of one of the construction types in utterances about existential situations is based on examples drawn from ten texts of inaugural addresses of American presidents within the time period from 1981 to 2017. As evidenced by the linguistic data, the choice of a respective utterance is motivated mainly by the cognitive content conveyed by a particular clausal subject in a discourse context. The study shows that personal and anticipatory subjects of correlative clauses are distinguished as units of naming the conceptual archetypes «participant» and «experiential region», respectively. The differentiation of the participant (P) and experiential region (R) according to their functional

properties is reflected in the distinction of cognitive structures that the participant and experiential region are involved in: an event frame and experiential scheme, respectively. The evocation of the mentioned conceptual archetypes as parts of their cognitive structures motivates, on the one hand, the choice of existential sentences and, on the other hand, the choice of a speech strategy for the description of a particular existential situation.

Keywords: discourse; utterance; construction; clausal subject; conceptual archetype; cognitive structure; speech strategy.

Received: 26.06.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

Семантико-синтаксические модели, предназначенные для описания ситуаций бытия и наличия, входят в число наиболее широко употребляемых во многих видах дискурса (см., напр.: [Категории бытия и обладания в языке, 1977; Теория функциональной грамматики, 1996]). Бытийный статус тех или иных объектов либо явлений, оценка их существования или отсутствия в общественной жизни нередко становятся предметом обсуждений и, соответственно, многочисленных речевых высказываний. В частности, наличие социокультурных угроз в обществе является одной из наиболее обсуждаемых тем в различных видах политического дискурса (см. [Шейгал, 2000; Шапочкин, 2012]), в том числе в инаугурационных выступлениях президентов многих стран. Сообщения о подобного рода угрозах входит в описание трудностей и проблем, стоящих перед обществом на момент избрания главы государства. При этом в английском языке пропозитивные номинации наличия угрозы оформляются при использовании, главным образом, трех типов конструкций: (а) синтаксических структур с личным подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом *have* или контекстуально соотносимыми с этим глаголом предикатами: *We have / experience / face / confront problems*; (б) в высказываниях с перцептивными глаголами: *We see / experience difficulties*; (в) бытийных предложений с вводным подлежащим *there*: *There are problems*.

Перечисленные конструкции нередко употребляются вариативно. Например, в приводимых ниже высказываниях описывается ситуация наличия большого количества работы как одного из способов устранения существующей угрозы. При этом в первом из двух высказываний происходит прямая номинация ситуации нали-

чия в предложении с личным подлежащим (we), в то время как во втором предложении основу высказывания составляет бытийная конструкция с вводным подлежащим there: My friends, we have work to do [Presidential speeches (Bush, 1989)]; For everywhere we look, there is work to be done [Presidential speeches (Obama, 2009)]. Следующий пример, в свою очередь, иллюстрирует вариативное употребление бытийных конструкций с вводным there и высказываний с личным подлежащим, выраженным местоимением 2-го лица: Those who say that we're in a time when there are not heroes, they just don't know where to look. You can see heroes every day going in and out of factory gates. Others, a handful in number, produce enough food to feed all of us and then the world beyond. You meet heroes across a counter, and they're on both sides of that counter. There are entrepreneurs with faith in themselves and faith in an idea who create new jobs, new wealth and opportunity [Presidential speeches (Reagan, 1981)].

Варьирование бытийных предложений в приведенных примерах ставит вопрос о факторах выбора одной из возможных конструкций в высказывании о существовании или наличии угроз либо условий, возможностей их преодоления. Поскольку ответ на этот вопрос непосредственно связан с интерпретацией варьирования подлежащего, а именно: выбора либо личного, либо вводного подлежащего there, одной из проблем исследования становятся те аспекты передаваемого вводным there содержания, которое делает его семантически соотносимым с личным референтным подлежащим в конструкциях с предикатами восприятия либо наличия. Хотя английские бытийные предложения достаточно подробно и глубоко рассматриваются в работах О.Н. Селиверстовой [Селиверстова, 1977, 1990], в исследованиях еще не предложено полного описания дискурсивного статуса вводного подлежащего как ключевого элемента в структуре бытийной семантико-синтаксической модели. Вместе с тем во многих теоретических описаниях английской грамматики (см., напр. [Блох, 2000; Кобринा, Болдырев, Худяков, 2007; Huddleston, 1998]) вводное подлежащее there рассматривается как собственно структурный элемент английского предложения, который передает обобщенное содержание.

Методика исследования

Проводимый в настоящей работе анализ факторов выбора одного из типов конструкций в высказываниях о наличии социокультурных угроз опирается на языковые примеры, извлеченные методом сплошной выборки из десяти текстов инаугурационных обращений американских президентов в период с 1981 по 2017 г. [Presidential speeches]. Совокупный объем рассмотренного материала составляет около 70 примеров, включающих как бытийные предложения, так и соотносимые с ними конструкции с личным подлежащим.

В качестве теоретической основы для исследования послужили два положения когнитивной лингвистики: (1) о наличии значения у всех языковых единиц независимо от их уровневой системной принадлежности, а также, как показано в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1986, 2004], о дискурсивной обусловленности значения в ходе осуществления актов номинации и предикации при построении высказывания; (2) о возможности – при употреблении языковой единицы в высказывании – осуществления указания на концептуальный архетип как определенную когнитивную структуру знания [Langacker, 2000, р. 9].

В целом концептуальный архетип в когнитивной грамматике Р. Лэнекера определяется как концептуальная структура, которая укоренена в субъективном опыте и которая включает различные виды опыта восприятия, эмоциональных переживаний и мышления [Langacker, 2000, р. 24]. Среди базовых концептуальных архетипов, получивших выражение в английском языке, автор выделяет архетипы «участник» и «область», в том числе «абстрактную область». В отличие от области, обозначающей определенный участок пространства, включая мыслительное пространство в случае коммуникативной значимости абстрактной области, участник, по мнению автора, указывает на дискретную динамическую сущность, в прототипе – на личностный субъект действия, который играет ключевую роль в структурировании обозначаемой в предложении ситуации.

Тезис Р. Лэнекера о семиотической значимости концептуальных архетипов при оформлении высказывания дает основание сделать предположение о том, что вариативное использование предложений при описании бытийных ситуаций в приведенных выше примерах демонстрирует не просто выбор конструкции с личным либо формальным подлежащим, а указывает на проводи-

мое в языке разграничение между архетипами «участник» и «область» соответственно, в инициальной позиции в предложении. Сформулированное положение составляет основу теоретической гипотезы данного исследования, которая далее будет обосновываться в ходе решения двух основных задач: (1) охарактеризовать концептуально значимые характеристики архетипов «участник» и «область», которые предопределяют функционирование соответствующих номинаций в дискурсе; (2) идентифицировать когнитивные структуры, в рамках которых выделяются и получают номинацию эти два концептуальных архетипа.

Результаты исследования

Поскольку базовыми, собственно языковыми, операциями при порождении высказывания являются номинация и предикация, то допущение о том, что вводное подлежащее *there* представляет собой номинацию определенной мыслительной области, предполагает предицирование этой области признаков, которые отличают ее от концептуального архетипа «участник». Прежде всего надо отметить, что подлежащее, указывающее на участника, в прототипе сочетается со сказуемым, выражющим те или иные его свойства, состояния, действия. Поэтому вполне закономерной является возможность усложнения сказуемого за счет модальной предикации, употребляемой в корневом значении, выражаящем, в частности, необходимость как-то справляться с наличием угрозы, как в первом из приводимых примеров; либо волеизъявление в связи с наличием вызовов и трудностей, как во втором примере: 1) *We know we have to face hard truths and take strong steps, but we have not done so; instead, we have drifted* [Presidential speeches (Clinton, 1993)]; 2) *We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done* [Presidential speeches (Trump, 2017)].

В свою очередь, когда наличие тех или иных внутренних состояний в ситуации угрозы описывается в конструкциях с вводным *there*, т.е. с подлежащим-областью, то при сочетании этого вводного элемента с модально усложненным сказуемым всегда выражается субъективная эпистемическая модальность, ср.: *There should be no fear – we are protected, and we will always be protected* [Presidential speeches (Trump, 2017)].

Различия, фиксируемые в модальном усложнении сказуемого между предложениями с подлежащим-участником и подлежащим-

областью, отражают дискурсивное различие в организации соответствующих высказываний. При употреблении высказываний с вводным *there*, которые приветствуют эпистемическую модальность, в центре внимания будет находиться само содержание угрозы, обозначаемое смысловым подлежащим, т.е. именной группой после связочного глагола. Не случайным поэтому представляется расширение именно этой именной группы, как в следующем высказывании, где в состав именной группы попадают номинации всего спектра проблем, стоящих перед обществом: *There is work to do, work that Government alone cannot do: teaching children to read, hiring people off welfare rolls, coming out from behind locked doors and shuttered windows to help reclaim our streets from drugs and gangs and crime, taking time out of our own lives to serve others* [Presidential speeches (Clinton, 1997)].

В другом примере, где описывается сходная ситуация наличия проблемы и – в определенном смысле – наличия социального вызова, употребляется конструкция с личным подлежащим и предикатом *have* (*We have a deficit to bring down*). Вместе с тем сам факт указания на участника (*we*), а не на область (*there*) ведет к дискурсивно обусловленному разворачиванию глагольной группы, а именно описанию действий, которое участник будет выполнять в ситуации трудностей и проблем: *We have a deficit to bring down. We have more will than wallet, but will is what we need. We will make the hard choices, looking at what we have and perhaps allocating it differently, making our decisions based on honest need and prudent safety. And then we will do the wisest thing of all. We will turn to the only resource we have that in times of need always grows: the goodness and the courage of the American people* [Presidential speeches (Bush, 1989)].

Различие между областью и участником, выражаемыми вводным *there* и личным подлежащим соответственно, в плане предикации онтологически отличных сущностей области по контрасту с предикацией внутренних свойств участнику находит отражение в разграничении двух дискурсивных стратегий в тексте. При номинации экспериенциальной области при использовании вводного *there* реализуется стратегия комментария того, что в эту область входит или может войти, ср.: *We believed then and now: There are no limits to growth and human progress when men and women are free to follow their dreams. And we were right to believe that. Tax rates have been reduced, inflation cut dramatically, and more people are employed than ever before in our history* [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Поскольку комментарий допускает различные осмысления одного и того же содержания, то вполне закономерными являются диалогичные употребления конструкций с подлежащим-областью, как в приводимом ниже примере, где наличие проблемной ситуации в логике рассуждений об угрозах представлено в форме риторического вопроса: *Is there either logic or morality in believing that if one side threatens to kill tens of millions of our people our only recourse is to threaten killing tens of millions of theirs? [Presidential speeches (Reagan, 1985)]*.

Напротив, при выборе предложения, в котором позицию подлежащего занимает номинация участника, реализуется стратегия сообщения о текущем либо будущем положении дел. Об этом свидетельствуют два ранее приведенных высказывания: *We know we have to face hard truths and take strong steps, but we have not done so; instead, we have drifted [Presidential speeches (Clinton, 1993)]; We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done [Presidential speeches (Trump, 2017)]*.

Сообщение о наличии угроз либо проблем, в отличие от комментария этих же вопросов, в меньшей степени допускает обсуждение сообщаемой ситуации, чем, видимо, и обусловлено отсутствие вопросительных высказываний с подлежащим-участником.

Отличие конструкции с вводным *there* от предложений с подлежащим-участником в плане предикатации признака тесно связано с разграничением данных синтаксических структур в плане устанавливаемых внутри них семантических взаимосвязей между составляющими. Так, в конструкциях с вводным *there* обозначаемая экспериенциальная область и называемый знаменательным подлежащим бытующий объект связаны друг с другом как поле перцептивного и / или мыслительного восприятия и центр внимания наблюдателя. Напротив, в высказываниях с личным подлежащим актуализируется субъектно-объектное отношение. Так, в приводимом ниже примере переход от бытийной структуры, выражающей наличие проблемы разобщенности в конгрессе, к структуре с перцептивными предикатами и личным подлежащим (*We have seen <...> heard ...*) сигнализирует о переключении внимания на самой проблеме к сообщению о разновидностях перцептивных действий и их соответствующих объектов в описываемой ситуации: *For Congress, too, has changed in our time. There has grown a certain divisiveness. We have seen the hard looks and heard the statements in which not each other's ideas are challenged but each other's motives [Presidential speeches (Bush, 1989)]*.

Разница в характере концептуальных взаимосвязей, которые вербализуются в предложениях с подлежащим-областью по контрасту с подлежащим-участником, ведет в тексте к реализации различных стратегий повествования при использовании соответствующих предложений. Так, актуализация взаимосвязи «сфера восприятия / осознания – фокус внимания», происходящая при употреблении предложений с вводным *there*, способствует созданию статичного описания, где в рамках называемой экспериенциальной области (*there*) экспрессивно выделяется попадающий в эту область объект, событие либо же отсутствие того или другого. При этом различные эффекты салиентности создаются при выделении различного рода объектов, в частности:

(а) определенных объектов, как в следующем примере, где наличие отрицательно оцениваемой группы людей представляется в виде чего-то действительно угрожающего: Today, we utter no prayer more fervently than the ancient prayer for peace on Earth. Yet history has shown that peace does not come, nor will our freedom be preserved, by good will alone. There are those in the world who scorn our vision of human dignity and freedom [Presidential speeches (Reagan, 1985)];

(б) неопределенных объектов, как в примере, где фактически небольшое количество людей (*some*) представляется как нечто, с необходимостью обращающее на себя внимание: Now, there are some who question the scale of our ambitions – who suggest that our system cannot tolerate too many big plans [Presidential speeches (Obama, 2009)];

(в) отсутствие объекта как такового, которое тем не менее становится значимым именно в конструкции с подлежащим-областью, *ср.*: As an older American, I remember a time when people of different race, creed, or ethnic origin in our land found hatred and prejudice installed in social custom and, yes, in law. There's no story more heartening in our history than the progress that we've made toward the brotherhood of man that God intended for us. Let us resolve there will be no turning back or hesitation on the road to an America rich in dignity and abundant with opportunity for all our citizens [Presidential speeches (Reagan, 1985)]; When you open your heart to patriotism, there is no room for prejudice [Presidential speeches (Trump, 2017)];

(г) присутствие только одного объекта определенного класса, значимость которого подчеркивается именно в структурах с вводным подлежащим: There is only one way safely and legitimately to reduce the cost of national security, and that is to reduce the need for it [Presidential

speeches (Reagan, 1985)]; There is only one force of history that can break the reign of hatred and resentment, and expose the pretensions of tyrants, and reward the hopes of the decent and tolerant, and that is the force of human freedom [Presidential speeches (Bush, 2005)].

Заключение

Стратегия описания, которая, как было показано выше, реализуется при использовании предложений с вводным there, в определенной мере контрастирует со стратегией изложения, реализуемой при употреблении предложений с подлежащим-участником, связанным с тем или иным объектом. Субъектно-объектное отношение создает динамику в устной речи, как в приводимом ниже примере, где выбор конструкции с личным подлежащим, направленным на объект (if we meet this challenge) вместо возможной бытийной структуры (if there is a challenge of this kind), дает возможность представить ситуацию наличия вызова и угрозы как ситуацию противостояния: And if we meet this challenge, these will be years when Americans have restored their confidence and tradition of progress; when our values of faith, family, work, and neighborhood were restated for a modern age ... [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Очевидно, что предложения с подлежащим-участником в большинстве случаев своего употребления активируют в тексте (и в дискурсе) фрейм события, в котором само событие получает глагольную номинацию, а его «слоты» – наряду с главным участником в позиции подлежащего – заполняются и вербализуются в конкретном контексте и в зависимости от коммуникативной задачи высказывания и текста в целом. Особенностью предложений с подлежащим-участником является возможность – в рамках данных предложений – осуществлять указание на временную структуру соответствующего событийного фрейма, ср.: For decades we have piled deficit upon deficit, mortgaging our future and our children's future for the temporary convenience of the present [Presidential speeches (Reagan, 1981)]. В результате заполнения слота «временная структура» в приведенном высказывании наличие проблем и угроз экономического характера предстает объемно во времени и как нечто, затрагивающее интересы граждан (we).

Слот «временная структура» скорее всего отсутствует в том схемном образовании, с которым связаны конструкции с подлежащим-областью, поскольку в последних гораздо чаще встреча-

ются обстоятельства частотности, как в следующем примере: *But we, the present-day Americans, are not given to looking backward. In this blessed land, there is always a better tomorrow* [Presidential speeches (Reagan, 1985)].

Можно предположить, что предложения с вводным there активируют не событийный фрейм, а экспериенциальную схему, в которой номинативные средства распределяются следующим образом: вводное there указывает на экспериенциальную область; бытийный глагол и соотносимые с ним единицы обозначают наступление и существование события в экспериенциальной области; предикативная именная группа, в свою очередь, имеет в качестве своего референта само событие либо его предметную составляющую. В рамках экспериенциальной схемы само событие рассматривается целостно, без эксплицитной привязки ко «внешнему времени» либо месту. В связи с этим ссылка на наличие угроз либо проблем при использовании конструкции с подлежащим-областью эффективно осуществляется в высказываниях с обобщенной временной референцией, ср.: *Where there is suffering, there is duty* [Presidential speeches (Bush, 2001)].

Напротив, употребление высказывания со сходной семантикой при употреблении личного подлежащего и перцептивного глагола, как в нижеследующем примере, способствует активации фрейма события, в котором союз when вводит более конкретную ситуацию, которая, возможно, вызовет эмпатию со стороны слушателя: *When we see that wounded traveler on the road to Jericho, we will not pass to the other side* [Presidential speeches (Bush, 2001)].

Проведенный анализ варьирования конструкций с вводным there в инаугурационных речах свидетельствует о том, что в основе этого варьирования лежат факторы когнитивно-дискурсивного характера. В дискурсе публичного выступления английское формальное подлежащее there является не просто десемантизированным структурным элементом, а языковым указанием на концептуальный архетип «экспериенциальная область». Этот архетип отличается от соотносимого с ним архетипа «участник», выражаемого в соответствующих конструкциях либо местоимением, либо существительным. Соответственно, выбор одной из конструкций носит не формально-структурный характер, а обусловлен проводимыми в дискурсе различиями концептуального характера.

Список литературы

- Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2000. – 160 с.
- Категории бытия и обладания в языке / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1977. – 259 с.
- Кобринна Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 2007. – 368 с.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 159 с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
- Селиверстова О.Н. Контрастиальная синтаксическая семантика: Опыт описания. – М., 1990. – 150 с.
- Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке / Ярцева В.Н. (ред.). – М., 1977. – С. 5–67.
- Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – 229 с.
- Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – Тюмень, 2012. – 260 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград, 2000. – 368 с.
- Huddleston R. English grammar: An outline. – Cambridge, 1998. – 212 p.
- Langacker R.W. Grammar and conceptualization. – Berlin; New York, 2000. – 427 p.
- Presidential speeches. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches> (Дата обращения: 20.03.2019 г.).

References

- Bloh, M.Ya. (2000). *Teoreticheskie osnovy grammatiki*. Moscow.
- Kategorii bytiya i obladaniya v yazyke* (1977). Moscow.
- Kobrina, N.A., Boldyrev, N.N., Hudyakov, A.A. (2007). *Teoreticheskaya grammatika sovremenennogo anglijskogo yazyka*. Moscow.
- Kubryakova, E.S. (1986). *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti*. Moscow.
- Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira*. Moscow.
- Seliverstova, O.N. (1990). *Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika: Opyt opisaniya*. Moscow.
- Seliverstova, O.N. (1977). Semanticheskij analiz ekzistencial'nyh i posessivnyh konstrukcij v anglijskom yazyke. In: Yarceva, V.N. (Ed.), *Kategorii bytiya i obladaniya v yazyke* (pp. 5–67). Moscow.
- Teoriya funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovленnost'* (1996). Saint-Petersburg.
- Shapochkin, D.V. (2012). *Politicheskij diskurs: Kognitivnyj aspekt*. Tyumen'.
- Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moscow; Volgograd.
- Huddleston, R. (1998). *English grammar: An outline*. Cambridge.
- Langacker, R.W. (2000). *Grammar and conceptualization*. Berlin; New York.
- Presidential speeches. Retrieved from <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches>

Корнеева Е.А.

**СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ**
(На примере выступлений
Терезы Мэй и Джереми Корбина)¹

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации
Россия, Москва, elena-.@mail.ru*

Аннотация. Исследуются психотипы политиков на примере выступлений Терезы Мэй и Джереми Корбина в ходе политических дебатов в Палате общин. Параметрами анализа являются специфика ситуации общения, характер аргументации в высказываниях политиков, логика построения текста, роль эмоциональных элементов в речи и специфика жестов. Психологические характеристики индивида проявляются в его социальной деятельности, которая обусловлена различными условиями, таким образом поведение индивидов, а также их психотипы не являются схожими. Наблюдение за речевым поведением политиков дает возможность выявить определенную корреляцию между типом личности и используемыми коммуникативными стратегиями.

Ключевые слова: личность; самопрезентация индивидов; психологический тип личности; темперамент; интроверсивный тип; экстраверсивный тип.

Поступила: 07.07.2019

Принята к печати: 01.10.2019

¹ © Корнеева Е.А., 2019

Korneeva E.A.

**Strategies of Self-presentation in the Genre of Political Debate
(On the Basis of Theresa May and Jeremy Corbyn's
Parliament Speeches)**

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Russia, Moscow, elena-._@mail.ru*

Abstract. The paper explores the psycho-types of politicians with a particular focus on the speeches of Jeremy Corbyn and Theresa May during the political debates in the House of Commons. The parameters for analysis are specific features of the communicative situation, character of argumentation in speeches of politicians, logic of composition of the text, role of emotional elements in the speech and specific gestures. Psychological characteristics of an individual are manifested in his / her social activity motivated by different circumstances, thus the behavior of individuals, as well as their psycho-types are not similar. The observation makes it possible to identify a certain correlation between a personal type and different communicative strategies.

Keywords: personality; self-presentation of individuals; psychological types of personality; temperament; introversive type; extraversive type.

Received: 07.07.2019

Accepted: 01.10.2019

Введение

В определенных культурных условиях и в рамках базовых ценностей определенной лингвокультуры наблюдается разнообразие самопрезентации индивидов [Гаришина, 2010], под которой понимается особый вид социального поведения, позволяющий привлечь внимание аудитории, сформировать определенное мнение по какой-либо теме и заставить публику относиться к говорящему определенным образом [Ильин, 2004]. Это умение эффектно и выигрышно подать себя, свой стиль общения, неповторимый образ [Ковшиков, 2007]. Значимым компонентом самопрезентации считается язык тела – жесты, мимика, позы. Важны темп и манера речи, громкость голоса, интонация и четкость произношения [Козлов, 2014].

Самопрезентация, по Р. Баумейстеру и А. Стейнхилберу, – это самораскрытие в межличностном общении через демонстрацию своих мыслей, характера и т.д. [Гаришина, 2010], а И. Джонс

и Т. Питтман понимают под «самоподачей» (самопрезентацией) поведенческую реализацию стремления к власти в межличностных отношениях.

Понятие «самопрезентация личности» широко используется в массовой культуре, в политике, в бизнес-сфере, в образовательной деятельности, в социокультурной деятельности, менеджменте, маркетинге, рекламе и других сферах и является объектом изучения множества наук (психология, социология).

Зарубежные и отечественные исследователи выделяют различные стратегии и тактики самопрезентации. Тактика самопрезентации – это краткосрочный поведенческий акт, включающий в себя приемы вербального и невербального поведения, направленный на создание желаемого впечатления, необходимого для определенных целей, о субъекте самопрезентации [Ворожейкина, 2007]. Стратегии самопрезентации – осознаваемое и планируемое поведение субъекта самопрезентации, направленное на создание желаемого впечатления, использующее для своей реализации определенные тактики самопрезентации [Пикулёва, 2013]. Например, И. Джонс и Т. Питтман разработали стратегии самопрезентации: старание понравиться, самопрдвижение, запугивание, разъяснение примером, мольба [Джонс, Питтман, 1982].

Интерес к различным аспектам самопрезентации политиков продиктован возросшим вниманием современной лингвистики к языку как орудию действия и воздействия. В данном случае самопрезентация рассматривается как одна из возможностей манипуляции восприятием окружающих, поскольку индивид пытается руководить тем впечатлением, которое он производит на других людей [Ильин, 2004]. Для самопрезентации в политическом дискурсе используются в основном два типа стратегий: ассертивные (напористые или убедительные) и дефенсивные (защитные). Ассертивные стратегии направлены на создание и закрепление положительных впечатлений о том или ином политике, что помогает ему увеличить его влияние и силу, но также и на создание новых идентичностей в глазах окружающих [Пикулёва, 2013]. Целью дефенсивных стратегий является защита от негативных впечатлений, спасение и восстановление подвергшихся критике аспектов имиджа политика [Кашкина, 2006].

Методика исследования

Цель работы – определить особенности самопрезентации политиков в ходе политических дебатов. Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1) изучение и определение некоторых особенностей парламентского дискурса как специфической коммуникативной среды, в которой осуществляется социально актуальная речевая деятельность политиков;

2) изучение психологических типов личности как факторов, определяющих различия в стратегиях самопрезентации;

3) анализ выступлений политиков по определенным параметрам, теоретически обоснованным и прагматически актуальным для практики политического общения.

Теоретико-методологическую базу исследования составили фундаментальные научные источники, связанные с проблемами выявления вербальных стратегий, определением и характеристикой психологических типов личности, взаимодействием вербальных и невербальных компонентов в речи вообще и политической в частности, а также различные интернет-ресурсы и лексикографические издания.

Наблюдение и анализ презентативного материала как основные общенаучные **методы** исследования дают возможность сформулировать основную **гипотезу** исследования: между психологическим типом личности и доминирующими вербальными стратегиями речи существует корреляция.

В соответствии с этой гипотезой в настоящей работе осуществляется анализ различных характеристик типов личности в ситуации социально ориентированного общения. В качестве **параметров научного анализа** выделены: 1) специфика ситуации общения; 2) характер аргументации в высказываниях политиков; 3) логика построения текста; 4) роль эмоциональных элементов в речи; 5) специфика жестов.

Интерес к языковым аспектам самопрезентации политиков в современном мире и динамично меняющейся политической ситуации объясняется тем, что язык – это, прежде всего, орудие действия и воздействия; следовательно, роль языка как целенаправленного инструмента коммуникации в политическом дискурсе проявляется наиболее очевидно. Самопрезентация в таком случае выступает способом манипуляции реципиентами и средством формирования актуального для политика и его партии общественного мнения.

Следовательно, теоретическая значимость и новизна работы определяются тем, что на основе исследования оригинального материала устанавливаются и описываются некоторые коммуникативные стратегии, актуальные в современном политическом общении, и тем самым вносится определенный вклад в теорию коммуникативного воздействия.

В качестве материала для анализа стратегий самопрезентации послужили дебаты в Палате общин по поводу условий сделки о выходе Великобритании из Европейского союза.

«Парламентский дискурс» определяется как «ораторский дискурс, ориентирующийся на аудиторию, которой требуется принять решение, оценив преимущества и недостатки будущего курса действий» [Зюбина, Лесняк, Матвеева, 2016]. Основным стимулом для активного участия в дебатах является постоянная необходимость продвигать свой собственный имидж, при этом сохраняя баланс между логикой и эмоциями.

Результаты исследования

Первое заявление Т. Мэй, премьер-министра Великобритании, призвало представить конкретную информацию об одном из наиболее спорных политических решений – брексите. Т. Мэй выступала от имени правительства и представляла на рассмотрение парламента официальные взгляды по конкретному политическому вопросу. Все выступления в Палате общин адресованы спикеру, выступающему в качестве председателя. Далее начинаются обсуждения по конкретной теме, в нашем случае – это брексит. Используются определенные формулы, установившиеся в парламентском дискурсе Великобритании, но Т. Мэй также ссылается на свои собственные ранее озвученные заявления. Например: *Thank you, thank you, Mr. Speaker! / Спасибо, спасибо, господин Спикер!*¹ *Mr. Speaker, what we agreed yesterday was not the final deal. / Господин Спикер, то, на чем мы сошлись вчера, не является окончательным соглашением.* *So, let me take the House through the details. / Итак, позвольте мне ознакомить членов Палаты общин с деталями [данного соглашения].* *As the House knows the original proposal from the EU was not acceptable, either it would have meant a greater customs border than the other see. / Как уже известно чле-*

¹ Здесь и далее перевод с английского языка наш. – Е. К.

нам Палаты общин, изначальное предложение ЕС было неприемлемым, либо оно означало бы появление более серьезного, чем другие видят, таможенного контроля вдоль границы. *As I have said many times, I do not want to extend the implementation period and I do not believe that we need to do so.* / Как я уже много раз говорила, я не хочу продлевать период реализации брексита и не считаю, что нам нужно это делать. *As Prime Minister of the United Kingdom, I have a responsibility to people in every part of our country and I intend to honour that promise.* / Будучи премьер-министром Соединенного Королевства, я несу ответственность перед людьми в каждом регионе нашей страны, и я намерена выполнить обещание.

Т. Мэй строго следует написанному тексту, но очевидно, что этот текст был проработан заранее, так как она очень уверенно выделяет необходимые слова паузами и интонацией. Т. Мэй настойчиво повторяет одну и ту же идею, представляя ее с разных сторон: соглашение по брекситу – необходимость для страны в сложившихся обстоятельствах. Проблема брексита – очень сложный и острый вопрос для жителей Великобритании, и эта острота проявляется в борьбе представителей различных партий. Т. Мэй было необходимо сформировать и сохранить в этой борьбе явное преимущество Консервативной партии, представителем которой она являлась. Это создает ситуацию острой эмоциональной напряженности, в которой любому человеку трудно сохранять внешнее и внутреннее спокойствие. Поэтому черты психологического типа в таких ситуациях проявляются очевиднее.

Так, Т. Мэй раздражается, когда ее перебивают, не может продолжать выступление, останавливается на полуслове. Это признак повышенной эмоциональности людей, когда говорящий не может справиться с актуализацией эмоциональной ситуации, не может продолжить запланированную деятельность в условиях эмоциональной напряженности.

Т. Мэй реагирует на неодобрительные возгласы членов парламента; эти возгласы нарушают стабильность ее поведения. Т. Мэй пытается продолжить свое выступление, но она начинает несколько раз повторять одну и ту же фразу, порой даже заговаривается, что свидетельствует о подвижности ее психологического типа. Например: *... or we can choose, or, or we can choose to unite and support the best deal that can be negotiated...* / ...или мы можем, или мы можем объединиться или поддержать лучшую сделку, о которой можно договориться...; *... he comments on... He said that no deal was not an option ...* / ...он комментирует... он заявил, что

выход из ЕС без соглашения не является одним из вариантов...; *He complains... He complains that withdrawal agreement does not refer to... / Он жалуется... Он жалуется, что соглашение о выходе из ЕС не относится к ...; He talks about... He then talked about... / Он говорит о... Затем он сказал о...; He is wrong in saying we have been absolutely... He is wrong... He is wrong in saying... He is wrong in saying that we will have, hm, not dealt with the issue of the borders and the Irish Sea, we have dealt with that, I was clear in this House that we would... / Он не прав, заявляя, что мы были совершенно... Он не прав... Он не прав, заявляя... Он не прав, заявляя, что мы не будем иметь дело с вопросом о границах и Ирландском море, мы уже разобрались с этим, в Палате общин я уже четко заявила о том, что мы...; ... there is indeed a choice between... a choice before members of this House... / ... действительно, есть выбор между... выбор перед членами Палаты.*

Т. Мэй реагирует на содержание речи Дж. Корбина, очень часто называя его *the Right Honorable gentleman* (достопочтенный джентльмен), что в условиях дебатов в парламенте является частью протокола. Т. Мэй не успевает выстроить логичную контрапункцию, и потому вынуждена дословно повторять сказанное Дж. Корбином. Это явно свидетельствует об интровертивном типе, так как интроверту трудно быстро реагировать на изменение ситуации, быстро и точно находить правильные слова, отходить от текста.

1. J. C.: «Can the Prime Minister also confirm that the backstop applies separate regulatory rules to Northern Ireland's creating a de facto border then the Irish Sea as Northern Ireland would be subject to the customs union but not the rest of the UK?» / «Может ли премьер-министр также подтвердить, что “запасной вариант” подразумевает применение отдельных регулирующих правил к созданию фактических границ, тогда как Ирландское море, как и Северная Ирландия, будут подчиняться Таможенному союзу, в отличие от остальной части Соединённого Королевства?»; Т. М.: «*He is wrong in saying that we will have, hm, not dealt with the issue of the borders and the Irish Sea, we have dealt with that, I was clear in this House that we would...*» / «Он не прав, заявляя, что мы не разобрались с вопросом границ и Ирландским морем, мы разобрались с этими вопросами, в Палате общин я ясно сказала о том, что мы...».

2. J. C.: «*The withdrawal agreement is a leap in the dark and ill-defined deal by a never defined date*» / Дж. К.: «Соглашение о выходе – это рискованное дело и плохо определенная сделка, дата которой никогда не будет определена»; Т. М.: «*He says that the with-*

drawal agreement is ill-defined. 500 pages of detailed legal text on the withdrawal agreement is not an ill-defined withdrawal agreement» / Т. М.: «Он заявляет, что соглашение о выходе из ЕС плохо определено. 500 страниц подробного юридического текста соглашения о выходе не является плохо определенным соглашением...»

3. J. C.: «Mr. Speaker, this is not the deal the country was promised and Parliament cannot, and I believe, will not accept a false choice between this bad deal and no deal» / / Дж. К.: «Господин Спикер, это не та сделка, которую обещали стране, и парламент не может принять, и я надеюсь, не примет ошибочного решения, выбирая между этой плохой сделкой и “жестким” вариантом брекзита»; Т. М.: «First of all, he comments on... He said that no deal was not an option but then said complaints that we were not preparing for no deal, actually, we are... have been preparing for no deal and we continue to prepare for no deal because I recognize that obviously we have a further stage of negotiation with the European Union Council and then that deal when finalize with the European Council has to come back to this House. So, we will continue those preparations» / Т. М.: «Во-первых, он комментирует... Он заявил, что “жесткий” брекзит не является одним из вариантов, но затем он высказал жалобы по поводу того, что мы не готовились к “жесткому” варианту брекзита, в действительности, мы... мы готовились к такому варианту и мы продолжаем готовиться к нему, так как я признаю, что, очевидно, мы продолжаем переговоры с Советом Европейского союза, и затем данная сделка, когда мы с Европейским Советом завершим работу над ней, должна вернуться в Палату общин. Итак, мы продолжим эти приготовления».

В отличие от Терезы Мэй, Джереми Корбин сопровождает свою речь активной жестикуляцией, подчеркивая свою искреннюю заинтересованность в выступлении и в получении реакции от слушателей, которые поддерживают его, практически не перебивая. Поэтому он спокойно отвечает на любую реакцию аудитории, ждет пока члены парламента успокоятся, чтобы продолжить свою речь строго с того момента, на котором она была прервана.

Аргументы Дж. Корбина являются более весомыми, так как в них содержится ссылка к конкретным документам, точные и соответствующие моменту цитаты (например, из высказываний министра по выходу Великобритании из Европейского союза). Парламентарий задает Т. Мэй по сути риторические вопросы, что позволяет показать предсказуемость ответов соперника и еще раз подчеркивает стабильность его политической позиции: *When even*

the last Brexit secretary who theoretically at least negotiated the deal says: «I cannot support the proposed deal». / Когда даже министр по выходу Великобритании из ЕС, который хотя бы по меньшей мере теоретически обсуждал эту сделку в ходе переговоров, заявляет: «Я не могу поддержать предложенное соглашение». There is no mention of the Prime Minister's favorite term 'implementation period' anywhere in the 585 pages of this document... / На 585 страницах этого документа нет ни одного упоминания о любимом термине премьер-министра «период реализации»... So, can the Prime Minister firstly tell the House how confident she is that the deal could be done by the end of 2020 and also confirm that if a new trade agreement is not agreed by the 31 st December 2020 then Article 132 applies paying a huge financial contribution in order to extend the transition period if we are to avoid triggering the backstop, as the Prime Minister insists, is her position? / Итак, сможет ли премьер-министр в первую очередь сказать членам Палаты общин, насколько она уверена в том, что сделка может состояться к концу 2020 г., а также подтвердить, что, если новое торговое соглашение не будет согласовано к 31 декабря 2020 г., тогда будет применена статья 132, согласно которой необходимо выплатить огромную сумму, чтобы продлить переходный период, если мы хотим избежать «ограничения обратного хода», как настаивает премьер-министр, и является ли это ее позицией?

Т. Мэй чаще прибегает к дефенсивной стратегии самопрезентации, а Дж. Корбин – к ассертивной: Т. Мэй уклоняется от ответственности и проявления решительных действий, демонстрирует силовое влияние (статуса), самовозышение (желание понравиться, приписывание себе достижений и их преувеличение). Дж. Корбин тоже старается понравиться и прибегает к саморекламе [Пикулёва, 2013].

Выводы

Проведенный анализ позволяет выявить ряд признаков стратегий самопрезентации, характерных для разных психологических типов личности – интровертов и экстравертов.

Интроверт чувствует дискомфорт на массовом мероприятии, не может быстро реагировать на изменение ситуации, найти наиболее точное слово, соответствующее создавшейся ситуации, отойти от заготовленного текста, часто повторяется, в чем прояв-

ляется его тревожность и неуверенность в себе; начинает высказывание, не закончив его, переходит к другому, пытается почувствовать себя увереннее за счет более активного коммуниканта.

Перечисленные признаки стратегии самопрезентации позволяют сделать вывод, что для интроверта характерна *дефенсивная* стратегия самопрезентации.

Тереза Мэй ищет поддержки со стороны Джереми Корбина, коммуниканта более активного и с легкостью находящего ситуативно релевантные слова. Она часто повторяется, сбивается, постоянно обращается к нему, что является попыткой почувствовать себя увереннее за счет его поддержки.

Самопрезентация *экстравертов* характеризуется интерактивностью коммуникации; легкостью подбора ситуативно релевантных слов; использованием весомой логичной аргументации; отсылками к конкретным документам; использованием точных и соответствующих ситуаций цитат.

Эти характеристики указывают на *ассертивную* стратегию самопрезентации. Джереми Корбин раскован, смотрит на слушателей, ему комфортно среди людей, он общителен, импульсивен. Его аргументы логичны, в них содержится отсылка к конкретным документам, точные и соответствующие ситуации коммуникации цитаты. При этом он часто прибегает к саморекламе.

Каждый из политиков использует свои стратегии убеждения, выбирает определенный набор выразительных средств, способы аргументирования, тексты их выступлений выстроены по определенной логике. У политиков есть свои специфичные жесты, позволяющие им акцентировать определенные моменты выступлений, а слушатель безошибочно узнает жесты того или иного политика.

Сказанное позволяет считать, что гипотеза исследования подтвердилась: между психологическим типом личности и ее стратегиями самопрезентации в речевой деятельности установлены значимые корреляции.

Список литературы

- Ворожейкина Л.И. Влияние тактик самопрезентации на успешность адаптации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. – 2007. – Вып. 6. – С. 212–214.
- Гаршина Т.Р. Техника личной презентации. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2010. – 56 с.

- Джонс И., Питтман Т. Психологические перспективы самопрезентации. – Хильдсдейл: Эрлбаум, 1982. – С. 231–260.
- Зюбина И.А., Лесняк М.В., Матвеева Г.Г. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 133–140.
- Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.
- Кашкина О.В. Оценочный аспект самопрезентации политиков в СМИ // Политическая лингвистика. – 2006. – С. 101–123.
- Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 318 с.
- Козлов Н.И. Самопрезентация: как преподнести себя и произвести нужное впечатление. // Психологос. Энциклопедия практической психологии. – 2014. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/samoprezentaciya-dvoe-zn-kak-prepodnesti-sebya-i-proizvesti-nuzhnoe-vpechatlenie> (Дата обращения: 05.03.2018 г.).
- Пикулёва О.А. Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 1, т. 5. – С. 63–69.
- Theresa May fights for her Brexit deal in the Commons (FULL). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6Sq0YyWFGMA> (Дата обращения: 30.11.2018 г.).

References

- Vorozhejkina, L.I. (2007). Vlijanie tekniik samopresentacii na uspeshnost' adaptacii. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 212–214.
- Garshina, T.R. (2010). *Texnika lichnoj presentacii*. Moscow: Moskovskaya finansovopromyshlennaya akademiya.
- Jones, I., Pittman, T. (1982). *Psixologicheskie perspektivy samopresentacii*. Hillsdale: Erlbaum.
- Zyubina, I.A., Lesnyak, M.V., Matveeva, G.G. (2016). Osobennosti zhanrovoj sistemy parlamentskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 4(58), 133–140.
- Ilin, E.P. (2004). *Psixologija individual'nyx razlichij*. Saint-Petersburg: Piter.
- Kashkina, O.V. (2016). Ocenochnyj aspekt samopresentacii politikov v SMI. *Politicheskaya lingvistika*, 101–123.
- Kovshikov, V.A., Gluchov, V.P. (2007). *Psixolinguistika. Teoriya rechevoj deyatel'nosti*. – Moscow: AST; Astrel'.
- Kozlov, N.I. (2014). Samopresentaciya: kak prepodnesti sebya I proizvesti nuzhnoe vpechatlenie. In: *Psixologos. E'nciklopediya prakticheskoy psixologii*. Retrieved from <http://www.psychologos.ru/articles/view/samoprezentaciya-dvoe-zn-kak-prepodnesti-sebya-i-proizvesti-nuzhnoe-vpechatlenie>
- Piкулёва, О.А. (2013). Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 63–69.
- Theresa May fights for her Brexit deal in the Commons (FULL). Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=6Sq0YyWFGMA>

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году.

Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=2776

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи и аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 40 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Бланк акцепта и Авторское соглашение размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редколлегии и редакционного совета представлены на странице журнала на официальном сайте ИНИОН РАН: <http://epl-inion.org>